

Д. С. Коробов

АЛАНЫ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
ЭТНОС
АРХЕОЛОГИЯ
ПАЛЕОГЕНЕТИКА

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2019

УДК 902.21
ББК 63.4
К 68

Рецензенты:

доктор исторических наук *Г. Е. Афанасьев*
доктор исторических наук *В. Б. Ковалевская*

Научный редактор: доктор исторических наук *В. А. Кузнецов*

к 68 Коробов Д. С.

Аланы Северного Кавказа: этнос, археология, палеогенетика. — СПб. : Нестор-История, 2019. — 156 с., ил.

ISBN 978-5-4469-1681-8

В книге в научно-популярной форме излагаются современные взгляды на происхождение аланского этноса на Северном Кавказе и проблему «аланского наследия». Рассмотрены имеющиеся на сегодняшний день данные лингвистики, антропологии и археологии, касающиеся северокавказских алан. Отдельные разделы посвящены катакомбному обряду погребения, являющемуся основным маркером аланской археологической культуры на Северном Кавказе и Среднем Дону, а также подробно рассмотрен процесс появления носителей этой культуры в Кисловодской котловине.

Особое внимание уделено первым результатам секвенирования палео-ДНК представителей среднесарматской и аланской археологических культур, дающих представление о генетическом портрете древнего и средневекового населения Северного Кавказа на фоне имеющихся данных о генетике современного населения региона. В результате обобщения изложенной информации автор приходит к выводу о значительном вкладе местного северокавказского населения в процесс формирования аланского этноса и о его многокомпонентности.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся археологией и историей Северного Кавказа.

ISBN 978-5-4469-1681-8

9 785446 916818

УДК 902.21
ББК 63.4

© Д. С. Коробов, 2019

© Издательство «Нестор-История», 2019

Предисловие научного редактора

Известно, что проблема происхождения современных народов является одним из сложнейших и комплексных вопросов исторической науки. Известно также, что наука археология за 25–30 лет обновляет свои источники, методы и приемы, позволяющие вырабатывать новое знание. Это делает археологию весьма динамичной, современной наукой.

Именно такая ситуация сложилась в последние годы в археологии Северного Кавказа при исследовании важнейшей проблемы этногенеза осетинского народа, занимающего центральную часть Кавказского перешейка. Острота ее состоит в том, что осетины — единственный на Северном Кавказе ираноязычный народ, и это требует научного объяснения.

Осетинам повезло. Более 200 лет назад Юлиус Клапрот высказал мнение о том, что осетины Кавказа есть потомки известных в письменных источниках средневековых алан. Мысль Клапрота оказалась гениальной, и ее суть, постоянно подтверждаемая новыми аргументами и фактами, ныне представляет основу научной парадигмы формирования осетинского народа. Это общеизвестно на европейском и мировом уровне.

При советской власти в каждой национальной республике Северного Кавказа появилась своя высокообразованная интеллигенция и свои научные центры — местные

научно-исследовательские институты. В каждом из них должна была разрабатываться история своего народа, начиная с этногенеза. Но это породило тяжелую психологическую проблему поиска «хороших» предков, ибо каждой республике был необходим вариант своей истории, полной достоинства, формирующей соответствующее национальное самосознание, патриотизм и гордость своей историей. Никто не хотел выступать в роли заимствующей стороны, например, нартского эпоса.

Так уже неплохо изученная проблема алан, народа ираноязычного, но отвечавшего всем ожиданиям и настроениям не только осетин, но и других народов Кавказа, стала своего рода «коммунальной квартирой» для многих жильцов, желающих стать хозяином квартиры — аланского наследства. После возвращения карачаевцев, балкарцев, ингушей и чеченцев все они стали претендентами на аланское происхождение, следовательно, и на аланскую историю. В качестве примера назову коллективный труд «История Ингушетии» (Магас, 2011).

Таким образом, в историографии последних десятилетий на Северном Кавказе сложилась парадоксальная ситуация, когда исторические аланы, кроме осетин, оказались ингушами, чеченцами, карачаевцами, балкарцами. Ясно, что подобное манипулирование не вызвало энтузиазма у осетин.

Следует признать, что развернувшаяся борьба за аланское наследие имеет и позитивный потенциал. Она ожила исследовательскую мысль и поиск истины в Осетии. В 1966 г. в г. Орджоникидзе (Владикавказ) состоялась крупная конференция по проблеме происхождения осетинского народа. С концепцией двуприродного характе-

ра осетинского языка (теория взаимодействия субстрата и суперстрата) выступил В. И. Абаев. Возражений ему не последовало, и версия Абаева была принята, ибо она наиболее полно соответствовала всей совокупности существующих источников. Неясным и спорным оставался удельный вес каждого из вышеназванных этнических компонентов («где те весы, чтобы было можно взвесить?»). Что преобладало — субстрат или суперстрат?

Прошло более 50 лет. Наука не стояла на месте, и сейчас она имеет возможность ответить и на этот вопрос. Чудесные весы науки называются палеогенетикой. Что такое гены и генетика, знают все образованные люди. Напомним: генетика (от *греч.* γένεσις — происхождение) — наука о законах наследственности и изменчивости и методах управления ими (БРЭ, ст. «Генетика»). Существует генетическая информация, т. е. получаемые от наших предков и заложенные в наследственных структурах организмов в виде совокупности генов программы о составе, строении и характере обмена составляющих организм веществ (Там же). Приставка «палео» означает «древний», следовательно, палеогенетика — это генетика, работающая с древним антропологическим материалом. Это часть биологии, науки точной и проверяемой, выводы генетического характера бесспорны.

Сейчас происходит процесс внедрения генетики в археологию и получения при помощи палеогенетики тех результатов, о которых еще недавно было можно только мечтать. Это и есть те чудесные весы науки, на которых можно взвешивать, но не в килограммах, а в процентах. Это огромный шаг вперед в развитии нашей науки и познания мира давно ушедших поколений и их

генетических связей. Г. Е. Афанасьев и Д. С. Коробов первыми выступают с палеогенетическим исследованием алано-осетинского антропологического материала и приходят к основополагающим выводам касательно проблемы формирования современных осетин.

Д. С. Коробов — доктор исторических наук (Институт археологии РАН), занимается аланской проблемой Кавказа, автор многолетних комплексных исследований памятников района г. Кисловодска. Я не биолог и не генетик, но как археолог обрадован и глубоко удовлетворен истинно новаторским исследованием талантливого автора. Причина моего удовлетворения — почти полное соответствие выводов Д. С. Коробова на палеогенетическом материале из аланских могильников на территории Алании с материалами археологическими, добытыми лопатой археолога на той же территории. Как было сказано, биология наука точная, и это сопряжение традиционной археологии с новационной палеогенетикой убеждает в правильности нашего курса при разработке аланской проблемы вообще, осетинского этногенеза в частности. Кажется, мы теперь можем уверенно говорить о катакомбном обряде погребения как сармато-аланского происхождения. Я, начиная с кандидатской диссертации (1960 г.), твердо (и несмотря на возражения) стоял за признание катакомбного обряда погребения в условиях Центрального Кавказа именно аланским.

К сказанному, как редактор, хотел бы заметить, что прихожу к выводу о том, что катакомбный обряд погребения описан в фрагменте восьмой священной книги древних иранцев «Авесте» (VIII в. до н. э.), и если моя версия будет наукой принята, мы получим еще один весомый ар-

гумент в пользу древнего иранства алан и влияния зороастризма на культуру и религию алано-осетин, фактически до сих пор не оцененного нами. Я коснусь этой проблемы в следующей монографии «Змейские аланы». Д. С. Коробов, к сожалению, этих сюжетов не затронул.

Издание этой книги Д. С. Коробова¹ выводит археологию Северной Осетии на уровень одного из регионов Северного Кавказа, где успехи нашей науки выглядят несомненными. Очевидны и силы противодействия. Но главное, конечно, не это. В тесном сотрудничестве с коллегами из других научных центров необходимо исследование и издание огромного материала из аланских катакомбных могильников в Змейской, Зилги, Зарагиже и др. Там скрыты новые проблемы.

Монография Д. С. Коробова — весомый вклад в разрабатываемую много лет алано-осетинскую проблему. Скорейшая публикация этого труда весьма своевременна и открывает новые перспективы перед алано- и осетиноведением.

В. А. Кузнецов

¹ Рукопись этой книги была подготовлена для публикации в качестве десятого тома «Алано-Кавказской библиотеки», издающейся во Владикавказе, однако по причинам, не зависящим от автора, опубликована не была (*Прим. авт.*).

Введение

Кавказ как регион со сложным ландшафтом, расположенный на стыке Европы и Азии, через который с глубочайшей древности пролегали межконтинентальные пути миграций человека, в силу своей геополитической специфики стал уникальным ареалом генетического многообразия, формирования многочисленных народов и языков. Именно это определяет неуклонно растущий интерес к этногенетическим исследованиям населения Северного Кавказа, которые активно проводятся на протяжении более 100 лет.

Среди проблем этногенеза северокавказских народов вопрос об «аланском наследии» является одним из важнейших. Он касается сложных условий формирования одного из уникальных этносов нашей страны, являвшегося ираноязычным и, таким образом, восходящего, с одной стороны, к древним народам, обитавшим в Центральном Предкавказье в I тыс. до н.э., которые фигурируют в письменных источниках как скифы и сарматы (*Ковалевская, 2005*), а с другой — напрямую связываемого с современными носителями иранского языка — осетинами.

В последние годы борьба за «аланское наследие», которое включает в себя также и «скифо-сарматское», развернулась среди многочисленных представителей общественности, околонуточных кругов и, к сожалению, также иногда выплескивается в научную сферу. На просторах

Интернета кипят нешуточные страсти вокруг «престижных предков», в качестве которых рассматриваются могущественные в прошлом племена скифов-сарматов-алан (*Шнирельман, 2006*). Провоцируется дискуссия вокруг языковой принадлежности этих народов, оспаривается господствующая в научных кругах точка зрения на них как носителей языков, относящихся к восточно-иранской группе. Развиваются споры, касающиеся современной генетической информации, накопленной к настоящему времени среди народов Северного Кавказа.

Представляется актуальным рассмотреть основные вопросы, связанные с этнической историей алан и ее отражением в археологических источниках, на фоне накопленной на сегодняшний день информации о лингвистических, антропологических и палеогенетических данных об аланском этносе, не претендуя, разумеется, на окончательное решение этой сложной проблемы. В связи с этим, коль скоро мы собираемся посвятить этот труд историческим судьбам аланского этноса, неплохо бы разобраться с самим понятием — что же такое «этнос» согласно современным представлениям?

Само слово «этнос» (ἔθνος) греческого происхождения, основной перевод его — народ. Однако в древнегреческом языке существовало несколько понятий «народ», наделявшихся разным смыслом, например «демос» (δῆμος) — народ в политическом смысле (свободные граждане греческого полиса). «Этносами» же греческие авторы обозначали разнообразные варварские племена, отличая их от эллинов, к которым данный термин не применялся. Таким образом, слово «этнос» может наполняться такими смыслами, как «племя» или «народность».

Литература, посвященная теоретическим проблемам этноса и этничности, огромна, а интерес к этой проблеме то вспыхивает, то затихает на протяжении всего XX в. и начала нынешнего столетия. Стоит упомянуть, что разработка этой проблемы в отечественной историографии имеет давнюю историю и в свое время во многом опережала зарубежную антропологию. Так, первое и, возможно, одно из лучших определений этноса было дано в книге русского этнографа С. М. Широкогорова, которая так и называлась «Этнос» и была опубликована им в 1923 г. в Шанхае (цит. по: *Клейн*, 2013а. С. 19): «Этнос есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимыми и освящаемыми традицией и отличающимися ею от таковых других групп». С тех пор в работах отечественных и зарубежных этнологов, антропологов, философов, историков и археологов многократно рассматривались основные признаки этноса — язык, территория, культура, особенности психологии, единство происхождения, название и самоназвание народа, его самосознание, религия, экономика, государственность и раса. Велись долгие споры о том, какие из перечисленных признаков должны быть определяющими для выделения этносов, а какие — второстепенными. Давались многочисленные определения этнических групп. Из всего множества теоретических концепций, связанных с этносом и этничностью (последний термин гораздо популярнее в зарубежной литературе, где этнос редко рассматривается как реальное явление, а чаще идет речь о представлениях людей, связанных с их этнической (само)идентификацией), можно выделить три основных подхода:

- 1) так называемый примордиальный (от англ. *primordial* — «начальный, первичный, исконный»), согласно которому этнос есть (социо)биологическая совокупность людей общего происхождения, отличающаяся своими свойствами — языком, культурой, физическим обликом и пр. — от других совокупностей (ярким адептом данного подхода, совмещенного с природно-ландшафтным, был Л. Н. Гумилев);
- 2) социоисторический (социокультурный), когда этнос рассматривается как социальная категория — общность людей, объединенных определенными социальными отношениями на основе единой культуры, языка, происхождения и пр. К этому подходу относятся основные труды советских этнологов, прежде всего Ю. И. Семенова. Промежуточное положение между двумя перечисленными подходами занимает позиция Ю. В. Бромлея, отмечавшего двойственную природу этноса как одновременно социоисторического («этносоциальные организмы») и биологического («этникос») явления;
- 3) социально-психологическая концепция (В. И. Козлов, К. В. Чистов, Л. С. Клейн), по которой этнос не является материальной субстанцией или единицей классификации реальных общественных явлений. Это скорее общность субъективных представлений (сознания и самосознания), основанная на убежденности (не обязательно верной!) об общем происхождении носителей той или иной этничности. Следует сказать, что именно такая концепция в настоящее время доминирует в зарубежной литературе, однако имеются существенные отличия

в подходе к вопросу о реальности существования этноса. Перечисленные выше ученые считают, что этносы — это реальные совокупности людей, объединенных подобными представлениями о своей этнической общности, тогда как многие зарубежные и некоторые отечественные этнологи (к ним относится, прежде всего, В. А. Тишков, написавший книгу «Реквием по этносу» (Тишков, 2003), буквально «взорвавшую» российское научное пространство непривычными интерпретациями этничности) считают, что этнос является лишь ментальной конструкцией, своего рода инструментом, создающим человеческие коллективы для реализации разнообразных (прежде всего политических) целей. С этой точки зрения все остальные подходы для адептов подобной теории (их называют конструктивистами) являются примордиальными, поскольку для них этносы не являются объективной реальностью, а акцент переносится на сам феномен этничности, процесс конструирования воображаемых этнических коллективов.

Отталкиваясь от современных представлений о том, что же такое этнос и этничность, можно вновь обратиться к накопленным на сегодняшний день сведениям об аланах — могущественных и многочисленных племенах, обитавших на протяжении практически полутора тысяч лет на широких просторах равнин и предгорий Северного Кавказа. Настоящее издание не претендует на всесторонний охват проблемы аланского этногенеза и вклада аланского этноса в процесс формирования современных северокавказских народов. Однако полученные в последнее

время лингвистические, антропологические, археологические и палеогенетические данные позволяют вернуться к уже неоднократно обсуждавшемуся вопросу об «узком» или «широком» трактовании племенного названия «аланы», роли северокавказского субстрата в формировании аланского средневекового этноса, месте аланского компонента в этногенезе народов Северного Кавказа.

Автор, будучи археологом, не имеет возможности профессионально судить о весьма сложных вопросах лингвистики, антропологии или палеогенетики, и поэтому данные разделы представляют собой обобщения некоторой новой литературы. Более подробно будет разобрана яркая и, возможно, определяющая черта аланской археологической культуры — сведения о катакомбных могильниках I тыс. н.э. как отражении расселения алан в Центральном Предкавказье — и соотношение этого расселения с данными письменных источников о средневековых аланах.

Понимая накал страстей, которые кипят вокруг проблемы «аланского наследия» на Северном Кавказе (см.: *Шнирельман, 2006*), мне хотелось бы избежать упрека в том, что я занимаю ту или иную этноцентрическую позицию, отстаиваемую представителями разных национальных научных и околон научных школ. Не обладая собственным «аланским самосознанием», я пытаюсь следовать объективным научным данным, которые имеются в нашем распоряжении на сегодняшний день. Насколько это удалось автору — судить читателям.

Глава 1

Северокавказские аланы и их историческая судьба

Несколько лет назад во время реставрационных работ внутри Спасо-Преображенского собора Переславля-Залесского была сделана сенсационная находка. Расчистив одну из стен храма, реставраторы открыли надпись, процарапанную на древней штукатурке. С правой стороны надпись гласила: «Месяца июня 29 убиен бысть князь Андрей своими паробкы (слугами), овому вечная память, а сим — вечная мука». В левом столбце приведен список убийц, где было примерно 20 имен. Три первых имени известны по летописи — это Петр Кучков зять (в тексте есть его отчество — Фралович, вероятно, Флорович), Амбал и Яким (Яким Кучкович). Затем значительная часть текста утрачена, а в конце есть три имени, которые известны не были: Ивка, Петрко и Стырята. Окончание столбца пока остается непročитанным.

Стало очевидным, что надпись практически полностью воспроизводит сведения древнерусской летописи, описывающей убийство суздальского князя Андрея Боголюбского: «В год 6683 (1175). Убит был великий князь Андрей Суздальский, сын Юрия, внук Владимира Мономаха июня месяца в 28-й день, в канун праздника святых апостолов.

...Главарем же убийц был Петр, зять Кучки, **Амбал, яс родом**, ключник, да Яким, да Кучковичи — всего числом

двадцать зловредных убийц, вошедших в греховный сговор в тот день у Петра, у Кучкова зятя, когда настала субботняя ночь на память святых апостолов Петра и Павла».

Среди перечисляемых имен бросается в глаза странное имя «Амбал/Анбал», вошедшее в русский жаргон как синоним слова «громила», «силач». В летописи он охарактеризован как «яс родом». Еще в конце XIX в. В. Ф. Миллером в его знаменитых «Осетинских этюдах» было отмечено, что это имя может переводиться с осетинского языка, в котором оно имеет значение «товарищ», «спутник». Что же касается названия народа «ясы», то со времен доклада Юлиуса Клапрота, зачитанного им в Париже 4 ноября 1822 г. на заседании Азиатского общества, ясы древнерусских летописей соотносились с асами или аланами других средневековых письменных источников. Кто же были эти таинственные аланы, и каким образом они оказались связаны с древнерусскими князьями?

История северокавказского племени алан богата яркими событиями, которые дошли до нас лишь в форме очень кратких и порой противоречивых упоминаний древних авторов. Тем не менее список этих отрывочных сведений столь широк, что стал основой крупного свода, который в начале XXI в. был собран и прокомментирован каталонским историком Августин Алеманем. Существует русский перевод его труда, изданный в 2003 г., в который вошли оригинальные фрагменты текстов и их переводы с латинского, греческого, армянского, грузинского, арабского, русского, сирийского и даже китайского языков (Алемань, 2003). Подробная история алан и их взаимоотношений с Римской империей, Византией, Хазарией, Русью, Грузией и Арменией была опубликована

одним из патриархов отечественного алановедения Владимиром Александровичем Кузнецовым. С момента первого выхода его книги «Очерки истории алан» в 1984 г. этот блестящий труд выдержал уже три издания, последнее из которых опубликовано в 2016 г. К этим прекрасным книгам я адресую всех заинтересованных читателей, которые захотят поближе познакомиться с историей алан на Северном Кавказе и за его пределами. В данной главе я лишь коснусь самых основных исторических вех тысячелетней истории этого удивительного народа.

Впервые аланы попадают в поле зрения римских и армянских авторов в середине I в. н.э. в связи с их военными походами в Закавказье и участием в иберо-парфянских войнах. Ко II в. они становятся столь опасной военной силой, что одним из римских военных наместников в Каппадокии, Флавием Аррианом, который столкнулся с конными атаками аланских всадников, был написан специальный трактат «Тактика», включавший главу «Диспозиция против аланов». В ней он подробно описывает, каким образом нужно построить римские войска, чтобы удержать натиск тяжеловооруженных аланских всадников, наступающих лавой в виде своеобразного клина.

Казалось, никто не может противостоять столь мощной военной силе, владевшей северокавказскими равнинами, низовьями Дона, доходившей в своих походах до Закавказья и Малой Азии. Однако к концу IV в. у аланов появляется мощный враг, пришедший с востока, — это были гунны. Неукротимый народ, прославившийся своей воинской силой и страшной жестокостью, столкнулся с аланами около 370 г. н. э. Вот как описывает это собы-

тие очевидец, римский историк и профессиональный военный Аммиан Марцеллин: «И вот гунны, пройдя через земли аланов, которые граничат с гревтунгами и обычно называются танаитами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе» (*Аммиан Марцеллин, 2000. Книга XXXI, 3, 1*). Следует отметить, что разгром пришелся на аланские племена, обитавшие возле низовьев Дона недалеко от греческого города Танаис и потому получившие прозвание «танаиты». Вероятно, именно этих алан описывает Марцеллин в другом разделе своей знаменитой книги, известной под названием «*Res Gesteae*» («Деяния»). Приведу полностью это красочное описание, наверное, самую подробную характеристику облика и быта алан накануне гуннского нашествия: «Аланы, разделенные по двум частям света, раздроблены на множество племен, перечислять которые я не считаю нужным. Хотя они кочуют, как номады, на громадном пространстве на далеком друг от друга расстоянии, но с течением времени они объединились под одним именем и все зовутся аланами вследствие единообразия обычаев, дикого образа жизни и одинаковости вооружения. Нет у них шалашей, никто из них не пашет; питаются они мясом и молоком, живут в кибитках, покрытых согнутыми в виде свода кусками древесной коры, и перевозят их по бесконечным степям. Дойдя до богатой травой местности, они ставят свои кибитки в круг и кормятся, как звери, а когда пастбище выедено, грузят свой город на кибитки и двигаются дальше. В кибитках сходятся мужчины с женщинами, там же рождаются и воспитываются дети, это — их постоянные жилища, и куда бы они не зашли,

там у них родной дом. Гоня перед собой упряжных животных, они пасут их вместе со своими стадами, а более всего заботы уделяют коням. Земля там всегда зеленеет травой, а кое-где попадаются сады плодовых деревьев. Где бы они ни проходили, они не терпят недостатка ни в пище для себя, ни в корме для скота, что является следствием влажности почвы и обилия протекающих рек. Все, кто по возрасту и полу не годятся для войны, держатся около кибиток и заняты домашними работами, а молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором для мужчины ходить пешком, и все они становятся вследствие многообразных упражнений великолепными воинами. Поэтому-то и персы, будучи скифского происхождения, весьма опытные в военном деле. Почти все аланы высокого роста и красивого облика, волосы у них русоватые, взгляд если и не свиреп, то все-таки грозен; они очень подвижны вследствие легкости вооружения, во всем похожи на гуннов, но несколько мягче их нравами и образом жизни; в разбоях и охотах они доходят до Меотийского моря и Киммерийского Боспора с одной стороны и до Армении и Мидии с другой. Как для людей мирных и тихих приятно спокойствие, так они находят наслаждение в войнах и опасностях. Счастливым у них считается тот, кто умирает в бою, а те, что доживают до старости и умирают естественной смертью, преследуются у них жестокими насмешками, как выродки и трусы. Ничем они так не гордятся, как убийством человека, и в виде славного трофея вешают на своих боевых коней содранную с черепа кожу убитых. Нет у них ни храмов, ни святилищ, нельзя увидеть покрытого соломой шалаша, но они втыкают в зем-

лю по варварскому обычаю обнаженный меч и благоговейно поклоняются ему, как Марсу, покровителю стран, в которых они кочуют. Их способ предугадывать будущее странен: связав в пучок прямые ивовые прутья, они разбирают их в определенное время с какими-то таинственными заклинаниями и получают весьма определенные указания о том, что предвещается. О рабстве они не имели понятия: все они благородного происхождения, а начальниками они и теперь выбирают тех, кто в течение долгого времени отличался в битвах» (*Аммиан Марцеллин, 2000. Книга XXXI, 2, 17–25*).

Итак, перед нами весьма яркая и несколько литературная характеристика типичных кочевников — людей, ведущих подвижный образ жизни, постоянно передвигающихся со своими стадами и живущих в кибитках. Еще недавно казалось, что мы можем легко найти материальные следы этих кочевых аланских племен, оставивших многочисленные курганные могильники на территории Северного Кавказа. Первые погребения в очень специфически устроенных подземных камерах — катакомбах, — перекрытых курганными насыпями, были исследованы археологами еще в 1880–1890-х гг. Уже к середине XX в. стало очевидно, что подкурганные катакомбы датируются как раз временем первых упоминаний об аланах — II–IV вв. н.э., — а этот обряд захоронения в подземных камерах можно связать с аланскими племенами Северного Кавказа. Более подробно об этом мы поговорим в следующих главах. Здесь лишь отмечу, что после V в. количество подкурганных катакомб резко сокращается, и большинство захоронений устраивается в виде грунтовых могильников на холмистых склонах. Казалось бы,

это прекрасное подтверждение историческому процессу оседания кочевых аланских племен на землю и постепенному превращению их из подвижных скотоводов в оседлых земледельцев! Однако на деле все оказывается совсем не так.

Огромные курганные могильники с катакомбными захоронениями первой половины I тыс. н.э. совсем не похожи при более внимательном взгляде на типичные погребения кочевых народов — скифов или сарматов, или более ранних носителей ямной, катакомбной, срубной культур. Здесь вместо цепочек из нескольких курганов, иногда достаточно крупных по своим размерам, мы имеем дело с обширными полями погребений с очень маленькими насыпями, совершенными над единственным захоронением, причем, как правило, сделанным для одного усопшего человека. Только начиная с конца 1980-х гг. археологам стало окончательно ясно, что эти огромные некрополи сопровождают громадные по размерам городища (рис. 1), достигающие иногда площади в квадратный километр. На городищах была найдена высококачественная керамика, сделанная профессиональными гончарами на быстро вращающемся гончарном круге, были обнаружены постройки и хозяйственные ямы, в которых найдено зерно и ручные жернова — свидетельства высококоразвитого земледелия. Очень интересным оказался состав стада, реконструированного по обнаруженным при раскопках костям животных. Оказалось, что более половины из найденных костей принадлежало крупному рогатому скоту, около 20 процентов — овцам и козам, и по десять процентов приходилось на лошадей и свиней. Перед нами типичный спектр домашних животных оседлых зем-

ледельцев и скотоводов, ведь со свиньями никто не кочует! Значит, аланы не были кочевниками, и Аммиан Марцеллин ошибался со своим описанием?

Наверное, есть разные ответы на этот вопрос. Скорее всего, этот красочный фрагмент с описанием алан относится к одному из аланских племен — аланам-танаитам, которые могли вести кочевой образ жизни в низовьях Дона, в отличие от их оседлых соседей — жителей северокавказской равнины. Можно предположить, что у оседлых алан, проживавших на крупных поселениях, была кочевая верхушка, следы которой не так просто найти на обширных просторах Северного Кавказа. Но есть и другое объяснение — весь пассаж с описанием кочевников-алан является гиперболой, преувеличением римского автора, который «ради красного словца» наделил аланов кибитками и превратил их в дикий кочевой народ, подобный гуннам, очень похожее описание которых приводится Аммианом Марцеллином чуть выше. Для автора главным было противопоставить дикие племена варваров цивилизованным римлянам, отсталых кочевников — оседлым земледельцам. На это еще в 1988 г. обратил внимание историк В. В. Федотов, однако его небольшая, но очень интересная работа осталась практически незамеченной (Федотов, 1988). Автор приводит близкий по времени к Марцеллину фрагмент текста IV в., написанный Амвросием, который описывает аланов как земледельцев и говорит о причинах их набегов на соседей, связывая их либо с жаждой добычи, либо с низким плодородием земли, дававшей недостаточный урожай.

Так или иначе, в конце IV в. некоторая часть аланов все же снялась с насиженных мест и, увлеченная вихрем

Великого переселения народов, ушла на Балканы и Дунай, в Галлию и Испанию и даже добралась до Северной Африки, где вместе с вандалами основала Вandalьское королевство. Это героическое время принесло самые яркие описания аланских вождей — Гоара, Ардабура, Аспара, Сангибана — и их дружин, сыгравших ключевую роль во многих европейских исторических событиях того времени, например, в решающей битве с гуннами на Каталаунских полях в 451 г. Примечательно, что, несмотря на обилие исторической информации, аланские племена в Европе остаются археологически «невидимыми», и все попытки выделить их древности из массива памятников вест- и остготов, гепидов, франков и других германских племен представляются не самыми убедительными (*Лебединский, 2016*).

О тех же аланах, которые остались на Северном Кавказе, письменных сведений весьма мало. Они упоминаются, как правило, лишь в связи с военными операциями в ходе бесконечных войн Византии и Сасанидского Ирана, позднее Хазарского каганата и Арабского халифата, причем аланы зачастую выступают и на одной, и на другой стороне в качестве воинов-наемников, что может говорить об отсутствии единого управления этими многочисленными племенными группами. Наемничество щедро оплачивалось, и мы находим в катакомбных погребениях северокавказских алан византийские солиды, сасанидские драхмы и арабские дирхемы. Богатые дары иностранных правителей в редких случаях доходят до нас в виде роскошного вооружения, поясных наборов из золота и полудрагоценных камней, разнообразных украшений, серебряных и стеклянных кубков.

Однако жизнь большинства северокавказских алан была не столь изобильна и весьма далека от роскоши имперских столиц. Прежде всего, прекращается существование огромных городищ, расположенных на плодородной равнине. Аланские племена перемещаются южнее, в предгорья Северного Кавказа и, по-видимому, теряют доступ к изобильным плоскостным территориям почти на пятьсот лет.

Как показали наши работы в окрестностях Кисловодска, основным местом обитания во времена раннего Средневековья (V–VIII вв.) становится небольшое укрепленное поселение с каменными жилыми и боевыми башнями и невысокими стенами, которые отгораживают пространство над отвесными скальными обрывами. На таких поселениях проживали достаточно маленькие коллективы, состоящие из одной-пяти родственных семей, — своеобразные семейные кланы. Они обрабатывали прилегающую к поселению землю, пасли неподалеку скот и могли контролировать относительно небольшую территорию вокруг радиусом не более двух-трех километров. На этом расстоянии, как правило, находится соседнее поселение алан, также укрепленное, скорее от соседей, чем от внешних врагов.

Подсчет потенциального количества населения в Кисловодской котловине для середины I тыс. н.э. позволил провести параллель между подобной рассредоточенной (ее еще называют «дисперсной») системой расселения алан и одновременных им других варварских народов Европы — англо-саксов, ирландцев, аламаннов — и рассматривать эту территорию как своеобразное «варварское королевство» (Коробов, 2017. С. 285–295). Наверное, в это

время существовало достаточно большое количество таких маленьких автономных политических образований, разбросанных по предгорьям Северного Кавказа. Такое положение дел приводило к разобщенности аланских племен, отражение которой мы наблюдаем при анализе некоторых письменных источников, например «Армянской географии» VII в. (об этом пойдет речь в главе 3). Но тем не менее все эти разнообразные племенные группы, очевидно, ощущали свою принадлежность к одному этносу, поскольку имели близкие религиозные представления и культовые практики. Они продолжали хоронить своих усопших в подземных камерах катакомб, превратившихся из подкурганых в обычные грунтовые могильники, не обозначенные на поверхности земляными насыпями (рис. 2).

К середине VIII в. на Кавказе происходят значительные изменения геополитической обстановки. Территория Закавказья покорена арабами и стала частью единого Арабского халифата. На севере в степях Предкавказья господство захватили хазарские каганы, объединившие под своей рукой обширные территории от Каспийского моря до берегов Крыма. Эти державы не могли не столкнуться друг с другом, и ареной кровавых сражений между двумя империями становится Северный Кавказ.

На протяжении полутора веков, с 640-х гг. и вплоть до конца VIII в. шла череда походов и битв, в которых успех переходил то к одной, то к другой стороне. Наконец в 737 г. арабский полководец Мерван по прозвищу «Кру» («Глухой») наголову разгромил войска хазарского кагана, который был вынужден принять ненадолго ислам и перенести свою столицу с севера современного Даге-

стана в низовья Волги. Возможно, эти или иные события повлияли на исход значительного количества северокавказских алан со своих родных земель на север, за тысячу километров, в междуречье Дона и Северского Донца. Там под владычеством хазар аланы основывают ряд поселений, которые находятся вблизи цепочки пограничных крепостей на северной границе каганата. Возле селений возникают катакомбные могильники, такие же как и на Северном Кавказе. Однако такое переселение не могло пройти бесследно, и в некоторых кавказских местах, например в Кисловодской котловине, аланские могильники пропадают почти на двести лет.

Арабо-хазарские войны разорили кавказское население, но не уничтожили его. Хазарские каганы быстро оправались от поражения, и в следующем столетии каганат переживает свой расцвет. В это время на Кавказе появляются яркие следы хазарского присутствия, например, знаменитая Хумаринская крепость в верховьях Кубани — грандиозное крепостное сооружение с прекрасно сложенными каменными стенами (рис. 3) общей длиной около 2 км и 19 башнями и бастионами. В крепости, очевидно, располагался гарнизон, причем, скорее всего, не аланского происхождения. Известный катакомбный могильник, открытый на территории Хумаринского городища, который мы можем связать с аланским присутствием, датируется более ранним временем и прекращает свое существование в момент основания крепостных сооружений.

Хумаринская крепость служила одним из главных форпостов Хазарского каганата на важнейшем маршруте Великого Шелкового пути, который в этот момент

проходил по горным ущельям Северо-Западного Кавказа к Клухорскому и Санчарскому перевалам — наиболее удобным маршрутам в Абхазию, откуда богатые товарами караваны могли легко достигнуть по Черному морю Византийской империи в обход перекрытых арабами путей через Малую Азию. Следы торговли шелком в изобилии встречаются в этих районах Кавказа, в основном в могильниках, устроенных в скальных нишах и гротах. Шелковые ткани одного из таких некрополей — знаменитой Мощевой Балки возле современного селения Курджиново в Карачаево-Черкесии — украшают ныне залы Государственного Эрмитажа в Петербурге.

Вероятно, косвенным свидетельством политики Хазарского каганата по укреплению своих границ разноплеменными военными гарнизонами служит возникновение в VIII–IX вв. целых анклавов на периферии обширного хазарского государства. Среди несущих пограничную службу племен были и аланы, чье присутствие маркируется появлением новых катакомбных могильников. Мы уже говорили об открытии таких памятников на территории юга России и юго-востока Украины: огромное количество аланских катакомб раскопано в пределах яркой салтово-маяцкой археологической культуры, название которой дали знаменитые археологические памятники — Салтовский могильник в Харьковской и Маяцкая крепость в Воронежской области. В настоящее время число исследованных катакомб VIII — начала X в. с территории Среднего Дона и Северского Донца приближается к тысяче.

Но и на Северном Кавказе появляются новые места обитания алан на пограничных территориях. Возника-

ют поселения возле современного Краснодара — самая западная точка распространения раннесредневековых аланских катакомб на Кавказе; появляются могильники в горной зоне Осетии возле важных перевальных путей в Закавказье. Возможно, и в этом случае не обошлось без воли хазарских каганов, однако насчет степени их влияния на судьбы северокавказских алан идут споры между историками и археологами.

В начале X в. происходит важное событие в жизни кавказских алан. Их правители между 912 и 916 гг. принимают христианство, и в горах Северного Кавказа возникает Аланская епархия, подчиненная Константинопольскому патриарху. Им в это время был Николай Мистик, письма которого содержат любопытные сведения о крещении алан. Разумеется, подобный акт тесного союза аланских правителей с Византией не мог остаться незамеченным для хазарских каганов. До нас доходят смутные сведения об аланском антихазарском восстании на Кавказе около 932 г., которое окончилось полным разгромом. Царь Алании был вынужден отречься от христианской веры и принять иудаизм, который с середины VIII в. являлся государственной религией Хазарского каганата. Первые христианские храмы были разрушены, а греческие епископы изгнаны.

Однако дни хазарского владычества на Кавказе были сочтены. В 965 г. древнерусский князь Святослав идет походом на хазар и сокрушает это некогда могущественное государство. В «Повести временных лет» данное важнейшее событие, отразившееся на судьбах всего населения междуречья Дона и Волги, а также Северного Кавказа, описано в трех предложениях: «В год 6473 (965).

Пошел Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли навстречу во главе со своим князем каганом и сошлись биться, и в войне с ними одолел Святослав хазар и город их Белую Вежу взял. И победил ясов и касогов, и пришел в Киев». До сих пор не утихает спор о маршруте этого похода Святослава и о том, победил ли он донских ясов/алан или разгромил их на Северном Кавказе. Так или иначе, Хазарскому каганату был нанесен непоправимый урон, и с конца X в. территория этой некогда огромной империи сокращается до прикаспийских областей, которые с 985 г. платят дань русским князьям.

Конец хазарского господства явился началом необыкновенного подъема алан Северного Кавказа. Именно с этого времени в источниках появляется новое политическое образование — царство Кавказская Алания, правители которой вступают в династические союзы с грузинскими и абхазскими царями, византийскими императорами и русскими князьями. Плодороднейшая северокавказская равнина оказывается вновь в руках аланских племен, и здесь возникают крупные поселения, сопровождающиеся обширными некрополями, в том числе с погребениями в катакомбах. Некоторые из этих поселений по своим размерам и значимости могут рассматриваться как средневековые города. Об этом есть и прямые исторические свидетельства, например «славный ясский город Дедяков», возле которого в 1318 г. скончался в татарском плену князь Михаил Тверской. Большинство исследователей связывают этот город с городищем Верхний Джулат возле с. Эльхотово в Северной Осетии. К городищу относится крупнейший могильник у станицы Змейская, большинство

погребений которого представлено типичными аланскими катакомбами.

Не менее крупные поселения обнаружены в западной части Алании. Это, прежде всего, знаменитое городище возле с. Нижний Архыз в Карачаево-Черкесии, где сохранились яркие следы христианства, окончательно восторжествовавшего в Алании после разгрома Хазарии. На городище находятся три сохранившихся полностью храма X–XIII вв., построенные в традициях византийской архитектурной школы (рис. 4, сверху), и не менее десяти фундаментов других церквей и часовен. Здесь, по мнению В. А. Кузнецова, находился епархиальный центр Кавказской Алании и восседал митрополит — глава Аланской митрополии. Недалеко от Архыза возле с. Нижняя Теберда находится еще один примечательный храм — Сентинский (рис. 4, снизу). В нем в начале XXI в. московскими учеными Д. В. Белецким и А. Ю. Виноградовым была сделана сенсационная находка — открыта строительная надпись, выполненная краской на греческом языке. Надпись гласила: «Освящен, обновлен храм пресвятой Богородицы в царствование Никифора, императора и августа (?) АС... и Давида, эксусиократора Алании, и Марии эксусиократориссы 2 апреля, в день святой антипасхи (?), рукою Феодора, митрополита освященного Алании, от сотворения мира в 6473 г. Написано рукой имярек, апокрисиария патрикия». Так мы узнали дату строительства Сентинского храма — 965 г., год разгрома Хазарии дружинами Святослава — и имена неизвестных ранее аланских царя и царицы — Давида и Марии, — носивших византийский титул «эксусиократоров», т. е. «властидержателей». Этим титулом

византийские правители называли только царственных владетелей Алании, подчеркивая тем самым их независимый от империи статус. Имя митрополита Феодора также ранее не было известно историкам. Но самое интересное, что этот храм, посвященный пресвятой Богородице, был обновлен, т. е. построен на месте более раннего. Не был ли этот ранний храм разрушен в результате поражения 932 г., нанесенного хазарами аланским повстанцам? Именно так считают открыватели этой уникальной надписи, ставя Сентинский храм в число наиболее ранних христианских церквей, сохранившихся полностью на территории нашей страны (*Белецкий, Виноградов, 2011*).

Городская жизнь проникает и в Кисловодскую котловину, куда вновь после двухсотлетнего перерыва возвращаются аланские поселенцы. Здесь вместо множества маленьких крепостей основывается буквально пять-шесть крупных поселений, стоящих на основном торговом маршруте Шелкового пути, который проходил по течению р. Подкумок из кавказской степи в долину Кубани и к горным перевалам в Абхазию. Самым значительным было поселение Рим-Гора у с. Учкекен, где на скальном останце обнаружены следы вырубленных в скале лестниц, помещений и водосборных цистерн (рис. 5). Окружавшее останец поселение насчитывало по площади не менее 150 га — подобный размер сопоставим с крупными княжескими центрами Древней Руси, такими как Ростов или Владимир. Другие поселения имеют меньшие размеры, например городище Уллу-Дорбунла, но и его можно рассматривать в качестве небольшого средневекового города X–XII вв. (*Коробов, 2017. С. 300–311*).

Это цветущее государство с его городами, храмами, развитыми ремеслами и сельским хозяйством было вновь, как и в конце IV в. н. э., полностью сметено новыми захватчиками — полчищами монголо-татар. Вероятно, еще накануне их появления в предкавказской степи, на рубеже XII и XIII вв., происходит ослабление Аланского государства, которое попало в полосу усобиц и раздробленности. По крайней мере жизнь в некоторых центрах, таких как Архызское городище, прекращается еще до разрушительных походов монгольских ханов. Исторические свидетельства повествуют о первом столкновении монголов с аланами и половцами, произошедшем в 1222 г., накануне битвы при Калке. Перехитрив союзников и разъединив их, монголы разгромили аланское и половецкое войска поодиночке. Следующий поход на Кавказ произошел в 1237 г., когда одновременно с русскими княжествами войска полководцев Менгу-каана и Кадана атаковали черкесов, а в следующем году — алан. Персидский историк Джувейни, написавший историю монгольских завоеваний, повествует о долгой осаде главного аланского города Магас/Маас, который, скорее всего, пал в начале 1239 г. До сих пор идет спор о том, с каким археологическим памятником можно связать эту аланскую столицу, в настоящий момент существует не менее полутора десятков версий и предположений, ни одно из которых не выглядит бесспорным.

О дальнейших военных событиях на Кавказе у нас имеются весьма смутные представления. Известно лишь, что сопротивление алан монголам было упорным, и вплоть до середины XIII в. некоторые аланские отряды еще вели борьбу с монгольскими войсками, о чем пишут

Гийом де Рубрук и Плано Карпини. Но эта борьба шла, скорее всего, в горной зоне, а равнинные территории были навсегда потеряны. Здесь оставался «славный яский город Демяков» — городище Верхний Джулат, — который стал одним из городских центров Золотой Орды. Жители его продолжали время от времени оказывать сопротивление иноземным захватчикам, которое пресекалось карательными походами. Один из таких походов и описан в русской летописи под 1278 г., когда в союзе с монгольскими ханами русские князья участвовали в захвате и разгроме этого городского центра алан.

Не только русские князья и дружинники шли на службу к монгольским ханам — значительное количество аланских воинов, очевидно из числа аристократических родов, перешли к завоевателям и составили гвардию императоров династии Юань. Сведения о 30 тыс. аланских гвардейцев, живших в 40-е гг. XIV в. в Пекине и исповадовавших христианство, оставил католический миссионер епископ Джованни Мариньоли. Некоторые упоминания целых родов аланских аристократов, состоявших на военной службе у императоров Поднебесной, можно найти в китайских хрониках XIII–XIV вв.

Другое переселение значительного количества аланского населения с Северного Кавказа происходит в прямо противоположном направлении. В 40-е гг. XIII в. на территории Венгрии появляется около 40 тыс. половцев, с которыми приходит не менее 10 тыс. алан, упоминающихся в венгерских источниках под уже знакомым нам именем ясы. Эти аланы поселяются в области, до сих пор называемой Ясшаг («Страна ясов»), расположенной к востоку от Будапешта. Здесь находится 16 населенных

пунктов, в названии которых имеется корень «яс», вместе с главным городом области — Ясберенем. Рядом с Ясшагом был найден знаменитый «Ясский словник» 1422 г. — перечень некоторых слов ясов, перевод которых записан на латинском и венгерском языках. Подробнее об этом уникальном документе мы поговорим в следующей главе. Здесь же стоит сказать, что вплоть до турецкого завоевания Ясшага, произошедшего в середине XVI в., жители этой области сохраняли свой язык, отличный от окружающих, но к настоящему времени его утратили и перешли на венгерскую речь.

Войны, переселения, эпидемии разорили некогда могущественную Аланию. Окончательный разгром остатков северокавказских алан случился в 1395 г. и связан с именем грозного завоевателя Тамерлана. Кавказ вновь стал ареной сражений между громадными империями, на сей раз поход «Завоевателя вселенной» был направлен против правителя Золотой Орды Тохтамыша. Решающее сражение произошло где-то на Тереке, золотоордынскому владычеству был нанесен смертельный удар. Он оказался разрушительным и для остатков аланского населения, сохранявшихся как на северокавказской равнине, так и в горных ущельях Западного и Центрального Кавказа, по которым огнем и мечом прошелся неукротимый завоеватель. Алания была сокрушена, а немногочисленные остатки алан смогли укрыться глубоко в горах и сохранить память о своем великом прошлом. В настоящий момент эта память стала предметом жарких дебатов, подлинной битвы за «аланское наследие», которая происходит между представителями ряда северокавказских народов. Подробно особенности этой борьбы и ее причины

рассмотрены в недавно вышедшей книге В. А. Шнирельмана (*Шнирельман, 2006*), к которой я и отсылаю читателей. Попробую остановиться на основных аргументах, которые звучат в споре о том, какой народ имеет больше прав называться прямыми потомками северокавказских алан, которые обычно сводятся к спору об аланском языке, антропологии и данных археологии, а в последние годы к ним присоединилась новая стремительно развивающаяся наука — палеогенетика.

Глава 2

Аланы по данным лингвистики, палеоантропологии и археологии

Как мы видим, северокавказские аланы давно заняли свое почетное место в пантеоне древних и средневековых народов, населявших нашу страну. Впервые упомянутые в I в. н. э. римским поэтом Лукианом, уже с этого момента они обычно ассоциируются с жителями северокавказских равнин, позднее — предгорий и гор. К настоящему времени накоплен обширный свод источников по аланской проблематике на Северном Кавказе, включающий сведения древних и средневековых авторов, данные лингвистики, палеоантропологии и археологии. В последние годы к этой информации добавляются новые виды источников по этнической истории алан — данные расшифровки палео-ДНК погребенных людей, которых мы считаем представителями аланского этноса.

В нашу задачу не входит полное освещение всей этой огромной и разносторонней информации. Хотелось бы представить в общих чертах лишь состояние проблемы аланского этногенеза и связанного с ним процесса формирования современных народов Северного Кавказа. Обычно, когда речь идет об этносе, рассматриваются основные его черты, определяющиеся языком, физическим обликом, особенностями материальной и духовной культуры. Попробуем вкратце охарактеризовать эти

основные составляющие северокавказских алан, исходя из современного понимания этничности как социально-психологической категории, отражающей (само)сознание аланского социума, очевидно, имевшего некоторое представление о своем единстве и общем происхождении, закрепленном в языке и отражающемся в антропологическом облике и элементах материальной культуры.

1. Данные лингвистики

Согласно основной принятой на сегодняшний день научной концепции, северокавказские аланы являлись носителями северо-восточной подгруппы иранского языка. Ираноязычность алан — принятая большинством исследователей гипотеза, восходящая к трудам В. Ф. Миллера, В. И. Абаева, Ю. Немета, Л. Згусты. Сведения об аланском языке скупы, но представляются достоверными. Это, прежде всего, имена аланских царей и военачальников, упоминаемые в письменных источниках, написанных на греческом, латинском, армянском, арабском, китайском и других языках (наиболее полный на сегодняшний день компендиум письменных сведений об аланах собран каталонским исследователем А. Алеманем и издан на русском языке в 2003 г., см.: *Алемань, 2003*), среди которых значительное количество, если не большинство — иранские.

Само название этого народа — аланы — восходит к древнеиранскому прилагательному *агуа- (арийский), что в настоящий момент является доминирующей этимологией (*Камболов, 2006. С. 154*). Интересно отметить, что в самоназвании алан имеется отсылка к общности проис-

хождения, являющейся важной составляющей самосознания этнической группы.

Ситуация с изучением аланского языка затрудняется отсутствием письменных памятников, оставленных аланами, за некоторыми исключениями. Главным и наиболее часто рассматриваемым стала знаменитая Зеленчукская надпись, анализ которой осложняется тем, что сама надпись утрачена, а все попытки ее расшифровки и интерпретации проводятся на основе прорисовок, сделанных Д. М. Струковым в конце 1880-х гг. и опубликованных с переводом В. Ф. Миллером в 1890 г. Данный перевод несколько раз корректировался В. И. Абаевым и другими исследователями, в настоящий момент считается наиболее адекватной версия, предложенная в конце 1980-х гг. американским лингвистом Л. Згустой, согласно которой в двадцати одной строке надписи содержится следующая эпитафия:

1. I(ησου)ς 2. Χ(ριστό)ς 3. ό άγι(ος) 4. N(ι)κόλα 5. ος 6. Σαχη
7. ρη φου ρτ 8. Χοβς Н 9. сторη φ 10. ουрт 11. Πακα 12. θαρ
Πα 13. καθα(ρ)η 14. φουρτ 15. Ανπα 16. λαν Α(ν)πα 17. λανη φ
18. ουрт 19. Λακα 20. νη τζηρ 21. θε. Ο Θ(εό)ς [ν](ικα).

Надпись начинается с призыва к Иисусу Христу и Св. Николаю на фоне изображения креста, а заканчивается литургической формулой надежды на победу Бога над смертью. Эта сакральная часть написана на греческом языке, сугубо христианская, без всяких признаков синкретизма с язычеством. Основная часть надписи переводится с осетинского языка:

«Saxiry furt Xovs. Ystury furt Bæqætær. Bæqætary furt Æmbalan. Æmbalany furt Læg: ani cyrtæ» — «Сахира сын Ховс, Устура сын Бакаатар, Бакаатара сын Амбалан, Амбалана сын Лаг: их памятник».

Палеографические особенности надписи позволили датировать ее XI или XII в. Видимо, позволительно более склониться ко второй дате, не исключая и более поздней — XIII в. (Туаллагов, 2015. С. 99, 131).

Неудивительно, что появление подобного письменного памятника, уникального на Северном Кавказе, вызывает желание включить его в картину этногенетической истории других народов. Уже с 1960-х гг. были предложены альтернативные версии прочтения знаменитой надписи на основе кабардинского (А. Ж. Кафоев), тюркского (карачаево-балкарского) (М. Кудиев, И. М. Мизиев, Ш. Ф. Фаттахов), нахского (чечено-ингушского) (Я. С. Вагапов, Х. А. Хизриев) и абазинского (Т. А. Муртазов) языков, которые нельзя признать научными. Подробное изложение полемики по вопросу о языковой принадлежности Зеленчукской надписи приводит А. А. Туаллаговым в его недавней монографии (2015).

Помимо Зеленчукской надписи, имеется два ярких свидетельства ираноязычия средневековых алан, одно из которых сохранилось на полях двух списков рукописи «Теогонии» византийского писателя середины XII в. Иоанна Цеца, обнаруженных и последовательно опубликованных в 1930 и 1953 гг. Д. Моравчиком и Г. Хунгером. Наиболее полная публикация данного фрагмента рукописи с комментариями была сделана двадцать лет назад С. М. Переваловым (1998). Византийский автор приводит «варварские» фразы приветствий на семи языках: «скифском» (под которым фигурирует команский/половецкий), «персидском» (в котором узнается турецко-сельджукский), латинском, аланском, арабском, русском и еврейском. Иоанн Цец, по-видимому, прекрас-

но знал аланский язык и привел несколько приветственных фраз с их переводом по-гречески, записанным также греческими буквами (ниже в квадратных скобках дается транскрипция этих фраз латиницей):

К аланам обращаюсь на их языке:

«Добрый день, господин мой, архонтисса, откуда ты?»
[Tarankhas mesfili khsina korthi kanda] и так далее.

Если же аланка имеет любовником (святого) отца, услышишь такое:

«Не стыдно тебе, госпожа моя? Ведь с тобой имеет связь твой отец?»

[To farnetz kintzi mesfili kaitzfua saunge].

Язык этих фраз без сомнения представляет собой архаичный вариант осетинского языка. Согласно мнению Т. Т. Камболова (*Камболов*, 2006. С. 198–199), обе фразы целиком можно сопоставить с современными осетинскими аналогами:

Первой соответствует современное осетинское (дигорское):

Dæ bon xwarz, me'šijni 'xšinæ. Kurdigæj dæ?

«Добрый день, хозяйка (супруга) моего господина. Откуда ты?»

Второй фразе соответствует осетинское:

F(s)arm neči(j) kinzi æfšini, kæči fæwwa sawgini.

«Нет стыда (у) госпожи-невестки, которая бывает священникова (отдается священнику)»

Наконец, ярчайшим памятником аланского языка является так называемый Ясский словник 1422 г., открытый в области венгерских ясов — переселившихся в местность Альфельда около 1239 г. 10 тыс. северокавказских алан. Здесь был обнаружен документ XV в., на котором

зафиксировано 40 ясских (аланских) слов с латинским или венгерским переводом, которые были опубликованы венгерским востоковедом Ю. Неметом в 1958 г. Все эти слова относятся к иранскому языку и весьма близки современному дигорскому диалекту осетинского языка. Любопытно, что аланы/ясы переселились в Венгрию вместе с половцами/кунами, тюркская речь которых также была письменно зафиксирована в Codex Cumanicus 1880 г. Выход недавней монографии В. А. Кузнецова (*Кузнецов, 2015*) избавляет меня от необходимости пересказывать эти сюжеты, подробно разобранные в этой небольшой, но чрезвычайно полезной книге.

Сторонники тюркоязычия алан часто приводят фразу историка иранского происхождения Аль-Бируни (973–1050 гг.), упомянувшего в предисловии к написанному по-арабски труду «Описание границ мест для определения расстояния между поселениями» племя аланов и асов, населявших бывшую «землю печенегов» между Хорезмом и Гурганом и переселившихся вместе с печенегами на восточный берег Каспийского моря, язык которых представлял «смесь хорезмийского и печенежского». Согласно комментарию А. Алеманя, эта информация предполагает иранский язык (хорошо знакомый хорезмийцу Бируни) с сильным тюркским влиянием (*Алемань, 2003. С. 333*). Логично предположить, что за этим сообщением скрывается процесс перехода некоторой части аланского населения на тюркский язык в достаточно поздний период — X–XI вв., — что вполне укладывается в наши представления о многокомпонентности карачаево-балкарского этноса, в сложении которого приняли участие аланские племена. Однако не имеется никаких

достоверных сведений о том, что аланы (а до них сарматы, скифы и другие древние народы в Предкавказье) изначально говорили по-тюркски, как это утверждается некоторыми адептами поголовного тюркоязычия скифо-сармато-аланского населения.

В цитируемой выше монографии В. А. Кузнецов подметил важное сообщение арабского историка XIII в. Ибн ал-Асира, описывавшего взаимоотношения татаро-монголов с половцами накануне разгрома последних в 1222 г. Тогда, стремясь разделить союзное войско половцев и алан, татары послали к кипчакам вестников, зывая к тюркско-монгольскому братству и предлагая им часть добычи в обмен на отступничество: «Мы с вами — одного рода, эти же аланы вам не родня, даже по религии они являются христианами, а вы другой веры» (*Алемань*, 2003. С. 337; *Кузнецов*, 2015. С. 18). Таким образом, отличие тюркоязычных кипчаков от ираноязычных алан первой четверти XIII в. было очевидно для современника драматических событий на Кавказе.

К сожалению, критика ираноязычия алан и попытки реконструировать аланский язык на основе тюркского (карачаево-балкарского) или нахского (прежде всего, ингушского) в последние годы захватила полки книжных магазинов и просторы Интернета. Появилось такое количество разнообразных интерпретаций немногочисленных аланских слов (прежде всего, личных имен, упоминаемых скудными данными письменных источников), что охватить их в этой небольшой публикации просто не представляется возможным. К тому же автор, не будучи лингвистом по образованию, и не ставит перед собой такой цели. Стоит лишь сказать, что

с научной точки зрения эти попытки «навязать» аланам тюркский или нахский язык состоятельными признать нельзя. Подробнее о ненаучности подобных изысканий можно прочесть в книге М. С. Гаджиева, В. А. Кузнецова и И. М. Чеченова «История в зеркале паранауки» (М., 2006), они весьма основательно разобраны в фундаментальном труде В. А. Шнирельмана «Быть аланами» (М., 2006).

Появление мифотворческих версий с реконструкцией аланского языка происходит по единому сценарию, невзирая на то, с каких языковых позиций выступают авторы интерпретаций. «Методика» подобных лингвистических штудий широко известна, ее используют на всем пространстве Восточной Европы, в самых разных странах для «исправления» истории очень разных народов. Швейцарский лингвист П. Серию окрестил это явление «Новой парадигмой» и посвятил ее разбору обширную статью в журнале «Политическая лингвистика» (Серию, 2012). Он находит общие черты во всех фантастических теориях расшифровки древних наречий с помощью современных языков. Все начинается с обращения к некогда великой цивилизации предков, которая была обширной и могущественной. Археологические следы этого народа находятся повсюду, как и лингвистические элементы его наречия — во всех языках Европы. При этом родной язык исследователя-националиста настолько особенный, что позволяет без труда расшифровать тот исконный, или изначальный, язык, т. к. именно родной язык исследователя, в отличие от соседних языков, сохранил почти в неизменном виде исконный. Официальная «академическая» наука,

разумеется, скрывает от публики это знание, искажает его, чтобы стереть из памяти потомков былую славу изучаемого народа.

В большинстве случаев адепты «Новой парадигмы» занимаются неисторичной «этимологией», осмысляя разбираемые остатки *древнего* языка исходя из простого созвучия с *современными* языками. Отрицается всякое генетическое родство между языками (это связано с желанием не иметь общего с соседями предка). В рассматриваемой теории сходство между двумя языками может быть объяснено только контактами (заимствованиями), захватами (насилием, подчинением, рабством) или субстратом (доказательством предшествования заселения территории). Одновременно доказывается собственная древность инновациониста: его язык обязательно исконный.

С этой точки зрения есть очевидные проблемы и с прямолинейной интерпретацией ираноязычия алан как следствия их генетической преемственности с сарматами и скифами, в ходе которой на основе языка выстраивается единая линия осетинского этногенеза: скифы — сарматы — аланы — осетины. Примеров подобных этногенетических мифов также достаточно, их разбору посвящены упоминаемые мною выше книги В. А. Шнирельмана и ряда других авторов. Неоднозначность и сложность этногенеза осетин, как и любого другого народа, его многокомпонентность, значительный вклад кавказского субстрата в происхождение осетинского народа игнорируются адептами данного направления, в представлении которых и скифы, и сарматы, и аланы говорили на одном общем языке и имели общий облик.

Вокруг языка европейских скифов, следы которого также прослеживаются в основном лишь в ряде имен скифских вождей, сохранившихся в скудных свидетельствах античных авторов или на редких обнаруженных археологами надписях, в настоящий момент идет научная полемика среди историков и лингвистов (работы А. И. Иванчика, С. В. Кулланды, С. Р. Тохтасьева и др.). Невзирая на детали этой полемики, ее авторы сходятся в одном: скифский язык относится к иранским языкам (восточно-иранский по С. Р. Тохтасьеву, юго-восточный иранский по С. В. Кулланде), но **не имеет** прямой связи с другими иранскими языками юга Восточной Европы — сарматским, аланским и осетинским, — которые, в свою очередь, представляются весьма близкими. Присутствие в осетинском языке некоторого количества слов, восходящих к скифскому, которое Т. Т. Камболов объясняет преемственностью алано-осетинского языка со скифским через сарматский (Камболов, 2006. С. 46–142), трактуется С. В. Кулландой как заимствования в процессе наложения аланского (сарматского? сармато-аланского?) языка на скифский языковой субстрат (Кулланда, 2013. С. 124, 129).

До недавнего времени считалось, что у аланов отсутствовала собственная письменность, а немногочисленные записи на аланском языке были сделаны греческими или латинскими буквами. Между тем на юге раннесредневековой Восточной Европы имеется ряд интереснейших письменных памятников — рунические надписи, процарапанные на каменной и кирпичной кладке крепостей на Северном Кавказе и Среднем Дону, а также в редких случаях на керамической и металлической посуде и дру-

гих археологических находках. Анализ этого обширного корпуса средневековой письменности посвящено множество работ, однако до сих пор убедительной расшифровки их представлено не было (*Щербак*, 2001. С. 24). Наиболее популярный перевод рунических знаков, сделанный на основе карачаево-балкарского языка М. А. Хабичевым и С. Я. Байчоровым (1989), критикуется ведущими специалистами в области изучения тюркской рунологии. Об этом свидетельствуют материалы международного симпозиума «Маргинальные формы древнетюркского письма: Неклассические древнетюркские рунические надписи в центре Евразии и их дешифровка», прошедшего в Берлине 22–26 ноября 2012 г.

В последние годы появилась имеющая налет сенсационности попытка перевода восточноевропейского рунического письма, сделанная О. А. Мудраком и подробно опубликованная в одном из выпусков «Хазарского альманаха» (*Мудрак*, 2017). В ней автор прочитывает многочисленные надписи на каменных и кирпичных блоках стен городищ, керамике, металлических сосудах, предметах быта с осетинского (дигорского) и, реже, чечено-ингушского языка.

Специалистами в области дешифровки рунической письменности данная версия принята не была. В том же выпуске «Хазарского альманаха» в статьях И. И. Пейроса и В. В. Тишина опубликована критика сделанных О. А. Мудраком интерпретаций. В частности, В. В. Тишин справедливо отмечает, что сам подход автора сенсационного перевода, заключающийся в объединении всех руноподобных надписей Восточной Европы в нечто единое и цельное, без учета географии и условий

обнаружения находок, должен вызывать настороженное отношение. О. А. Мудрак легко прочитывает надписи, происходящие с архитектурных деталей и предметов, найденных на широкой территории от Перми до Дуная и от Средней Волги до верховьев Кубани. Между тем следует согласиться с мнением критиков ирано- и нахоязычной интерпретации письменных рунических памятников Восточной Европы, что обоснованный разбор данной концепции должен поступить со стороны лингвистов-иранистов, чего пока что сделано не было. Пока же, вероятно, не нужно торопиться с принятием переводов восточноевропейской рунической письменности, сделанных О. А. Мудраком. Очевидно, что эта многочисленная группа эпиграфических памятников так и не поддается убедительной расшифровке на настоящий момент. Однако выход недавней монографии венгерского исследователя рунической письменности Габора Хошсу (*Hosszú, 2013*) демонстрирует сложный характер этого письма, которое может включать в себя разноязычные компоненты, в том числе и иранского происхождения.

Все вышесказанное указывает на многокомпонентность аланского языка, который, будучи иранским по происхождению, испытывал влияние окружающих массивов тюркоязычного и нахоязычного населения. Это отразилось на сложном составе современного осетинского языка. Так, Т. Т. Камболов приводит уточненные данные по количеству языковых изоглосс в осетинском языке, дающих представление о степени влияния на него кавказского субстрата и тюркского окружения: 1600 осетино-картвельских, 200 осетино-сванских, 240 осетино-менгрело-чанских,

750 осетино-абхазо-адыгских, более 900 осетино-дагестанских, около 760 осетино-нахских, около 1200 осетино-тюркских (Камболов, 2006. С. 250–278).

Могла ли часть алан говорить не на иранском, а на тюркском или нахском языке? Вполне вероятно, что могла и даже, скорее всего, говорила. Представляется вероятным, что изначально некоторое количество автохтонного кавказского населения, включенного в аланское племенное объединение, могло сохранять свои местные языки. А впоследствии другая его часть, находясь в тюркоязычном окружении, могла перенять тюркскую речь. Последнее обстоятельство, скорее всего, и зафиксировано арабскими письменными источниками X–XIV вв. (Ал-Бируни, Ибн-Батутта, Абу'л-Фида), отметившими постепенную ассимиляцию алан-асов, утрачивавших свое иранское наречие и переходивших на тюркский язык, что, очевидно, является важнейшим этапом формирования новой балкаро-карачаевской идентичности (Камболов, 2006. С. 161). Отсюда вовсе не вытекает *изначальное* тюркоязычие алан или их *исключительное* нахоязычие. Язык, являясь важнейшим элементом этнической идентичности, далеко не всегда выступает ее определяющим компонентом. А переход с одного языка на другой неоднократно наблюдался у разных народов. Для рассматриваемой нами эпохи достаточно вспомнить пример тюркоязычных болгар, полностью растворившихся в славянском окружении, но давших свое наименование болгарскому народу. Противоположную тенденцию демонстрирует мультиэтничное население современной Венгрии, сохранившее свое антропологическое и генетическое разнообразие, но утратившее

прежние языки и перешедшее на угорскую речь в ходе мадьярского завоевания.

Подытоживая, хочется отметить бесперспективность попыток найти единственное решение вопроса об аланском этногенезе на основе лишь одних лингвистических данных, будь то иранские, тюркские или кавказские языки. При этом на сегодняшний день наиболее убедительным является обоснование ираноязычия алан при учете сложности и многокомпонентности этого этноса, вобравшего в себя представителей разных народов.

2. Антропология алан и современных кавказских народов

Не менее сложно обстоит дело с антропологическими данными, происходящими из погребений, связываемых с аланской археологической культурой. Как правило, они относятся к носителям узколицего высоколового долихокранного типа. Однако в ходе исследований В. В. Бунака, Г. Ф. Дебеца, Н. Н. Миклашевской, В. П. Алексеева, М. М. Герасимовой было выяснено, что подобный краниологический тип может соотноситься и с предшествующим аланам северокавказским населением, обитавшим в эпоху бронзы и раннего железного века на широкой территории, в Западном (Прикубанье) и Восточном (Дагестан) Предкавказье (Афанасьев, 1992). В частности, работами М. М. Герасимовой установлено, что в Прикубанье носителями долихокранного типа являлись меотские племена эпохи раннего железного века и адыгское население позднего Средневековья.

Таким образом, долихокранный тип лица не может рассматриваться как исключительно аланский антропологический признак палеопопуляций, хотя он, безусловно, является доминирующим среди связываемых с аланами погребений в катакомбах как в Центральном Предкавказье в I — начале II тыс. н.э., так и среди катакомбных погребений салтово-маяцкой культуры VIII–IX вв. на Среднем Дону. Традиционно подобный краниологический тип отделяется от мезо-брахикранный, который со времен Г. Ф. Дебеца связывается с автохтонным населением Центрального Предкавказья. Однако сопоставление этих двух основных антропологических типов с погребальными сооружениями не дает возможности обоснованного соотнесения долихократных палеопопуляций с катакомбным («аланским») обрядом захоронения, а мезо-брахикратных — с другими («субстратными») типами погребальных конструкций в каменных ящиках, склепах, грунтовых ямах. Речь идет лишь о наблюдаемой тенденции, которая может варьировать на материалах разных антропологических серий и отражать процесс смешения аланского населения с местным северокавказским.

Следует отметить, что процесс накопления антропологических данных по палеопопуляциям, связываемым археологически с аланским населением, в последние годы идет стремительно за счет широкомасштабных раскопок в зонах строительства, но в большинстве случаев эти данные еще не введены в научный оборот. За последнее время появилась серия работ С. Ю. Фризена, являющегося в настоящий момент одним из ведущих специалистов в области аланской антропологии и, прежде всего,

краниологии. Согласно результатам его недавних исследований палеоантропологии населения, оставившего катакомбные могильники Беслан (II–IV вв.), Брут (IV–V вв.), Паласа-Сырт (IV–V вв.), Садон (VII–VIII вв.), Змейский (X–XIV вв.) и ряд других, наблюдается определенная близость краниологических серий из Бесланского могильника, оказавших влияние на формирование населения, оставившего как Паласа-Сыртский, так и Садонский могильники. Бесланская краниологическая серия также близка серии черепов из могильников Байтал-Чапкан и Нижний Джулат — катакомбных захоронений эпохи раннего Средневековья. Автор предполагает связи между рассматриваемым населением в качестве предков — потомков и отмечает, что:

- 1) одним из компонентов состава населения, оставившего Бесланский и Брутский могильники, было население сарматского времени;
- 2) чуть позже на основе этого населения с участием носителей среднесарматской культуры формируется население, оставившее Паласа-Сыртский могильник;
- 3) могильники Беслан, Брут 2 и, возможно, Паласа-Сырт являются предковыми для населения Садона;
- 4) потомками садонцев является население, оставившее Змейский могильник (*Фризен, Кадзаева, 2016*).

Близкий краниологический комплекс, достаточно широко распространенный на Северном Кавказе в среде аланского населения, наблюдается в Алхан-Калинском катакомбном могильнике II–IV вв. в Чечне. При

этом материалы из позднесредневекового Ушкаловского могильника, представленного захоронениями в катакомбах и каменных ящиках, отличаются некоторым своеобразием, хотя также имеют сходные черты с аланским населением Змейского могильника X–XIV вв. Авторами предполагается, что формирование населения, представленного Ушкаловским могильником, происходило при участии и на основе аланского субстрата (*Мамаев, Фризен, Фризен, 2015*).

Характерные различия в краниологии погребенных в разных типах катакомбных сооружений были выявлены при исследовании Левоподкумского могильника близ Кисловодска. Здесь нами были раскопаны две подкурганые катакомбы первой половины IV в. н. э., которые могут быть связаны с первыми представителями аланского населения на северных рубежах Кисловодской котловины, и грунтовое двухкамерное погребение, по своему типу относящееся к местному, автохтонному погребальному сооружению, оставленному населением, предшествующим аланскому. Интересно отметить, что краниологический тип погребенных в этих разных сооружениях сильно отличался. Если в подкурганых катакомбах погребенные характеризуются долихокранными краниологическими комплексами, довольно широко распространенными на Северном Кавказе как в эпоху Средневековья, так и в более раннее время, то захоронение в грунтовой двухкамерной катакомбе относится к другому — мезокранному — антропологическому варианту (в рамках европеоидного краниологического комплекса) (*Березина, Фризен, Коробов, 2014*). Казалось бы, различия между физическим обликом этих погребенных

очевидны (рис. 6) и укладываются в привычную схему (аланы-долихокраны и субстратное население — мезобрахикраны). Поэтому большим сюрпризом оказались результаты анализа палео-ДНК двух мужских захоронений из погребений разных типов, сильно отличающихся своими особенностями лицевого скелета, но практически совпадающих по мужской и женской наследственной линии. Об этом будет идти речь в последней главе настоящего издания.

Таким образом, имеется налицо характерная особенность физического облика погребенных в катакомбах, обычно ассоциирующихся с представителями аланского этноса. Возникает вопрос: насколько эти особенности находят свое продолжение в антропологии современного населения Северного Кавказа?

При обсуждении этого вопроса весьма интересными представляются выводы М. М. Герасимовой об антропологическом облике населения, являющегося переходным между аланским этносом раннего и развитого Средневековья и современными осетинами (*Герасимова, 2007*). Ученым проанализированы материалы из склепового могильника Дзивгис — более 300 захоронений XIII–XIV вв., оставленных потомками переселившихся в горы жителей равнинных городищ (в том числе оставивших Змейский могильник), разгромленных в ходе монгольского нашествия. Морфологические характеристики этого населения не укладываются в имеющиеся представления о том, как должны выглядеть предки осетин, согласно разработкам В. П. Алексеева принадлежащие в основном к кавкасионскому или понтийскому антропологическим типам. Погребенные в Дзивгисе характеризовались ярко выра-

женной широкоголовостью, с узкими и низкими лицами, отличающимися и от кавкасионского типа современных осетин, и от долихокранов-алан. При этом наблюдается сходство с современным адыгским населением.

Таким образом, с антропологической точки зрения тезис об аланах как основных предках осетин вступает в противоречие с данными краниологии — погребенные аланской культуры резко отличаются антропологически от современных осетин, в облике которых прослеживается решающая роль местного горского компонента. Кавкасионский тип, характерный также для современных ингушей и чеченцев, карачаевцев и балкарцев, по данным некоторых могильников (Херх, Сиони, Едыс, Верхний Кобан) наблюдается у местных кавказских племен уже в конце I — начале II тыс. н.э.

М. М. Герасимова предполагает сложный характер формирования современного антропологического облика осетин, выделяя несколько этапов, характеризующихся специфическими краниологическими комплексами. К первому относится время формирования аланской средневековой народности с преобладанием у населения долихокрании, узколицисти и узконосости при минимальном антропологическом влиянии местного субстратного населения. Вторым важным моментом отмечается период миграций населения с равнинных территорий в горы после разгрома Алании Чингизидами в XIII в., в ходе которого увеличивается роль горского населения в процессе формирования современных осетин, приобретающих характерные черты, связанные с возрастанием процента короткоголовых и широколицых черепов. Затем происходит еще одна демографическая катастрофа конца XVIII —

начала XIX в., когда население Осетии вследствие моровой язвы уменьшилось с 200 до 20 тыс. человек. Последующие переселения, брачные союзы с кабардинским, балкарским, ингушским населением привели к возникновению близкого сходства между современными народами Центрального Кавказа. Очевидно, что формирование нынешнего кавкасионского облика осетин приходится на последние два столетия (*Герасимова, 2007*).

Подводя итог, следует отметить также сложность и неоднозначность данных антропологии в вопросе о выделении аланского этноса и соотношении его с современным населением Северного Кавказа. С одной стороны, имеются некоторые особенности физического облика алан, прослеживающиеся с ранних этапов их истории (со II–IV вв. н.э.) вплоть до развитого Средневековья (X–XII вв.), которые выделяли их на фоне окружающего населения. Однако прямых потомков высокоголовых и узколицих алан не прослеживается среди современных народов Центрального Кавказа. С другой стороны, намечаются линии преемственности между аланским населением раннего Средневековья и современными кавказскими жителями, но преемственность эта не выглядит прямолинейной. Она осложнена многочисленными факторами жесткого отбора тех, кто смог выжить после серии катастроф, случившихся в разное время на благодатной земле Кавказа.

3. Аланская археологическая культура

Рассмотрев данные языка и антропологии, проливающие свет на выделение аланского этноса, перейдем к сви-

детельствам материальной культуры алан, которые дает нам археология.

На настоящий момент мы имеем следующие сведения о том, что же собой представляла аланская археологическая культура. Согласно одному из последних научных обобщений на эту тему, вышедшему из-под пера С. Н. Савенко (*Савенко, 2017, С. 24–35*), сам этот термин появляется в послевоенное время, в 1950-е гг., а до него использовалось обозначение «алано-хазарская культура». Первым, кто предложил новую формулировку, был кавказовед Е. И. Крупнов, который понимал под термином «археологическая культура» «общность древних разноплеменных групп, объединенных общностью территории, хозяйства и материальной культуры». Е. И. Крупнов представлял аланские племена «этнически пестрыми» и поэтому объединял в границах аланской культуры разные типы погребальных сооружений, открытых к тому времени на территории всего Предкавказья.

Позиция Е. И. Крупнова была развита в работе его ученика В. А. Кузнецова, сделавшего первое монографическое обобщение всего археологического материала, связываемого с северокавказским аланским этносом (*Кузнецов, 1962*). Следуя за принятым в это время схематическим выделением разных вариантов археологических культур, В. А. Кузнецов разделил раннесредневековые древности на три географические группы (западная, центральная и восточная), включавшие как равнинные, так и предгорные и горные территории, охарактеризовав отдельно зону распространения катакомбных могильников. Позже автор скорректировал свою позицию, остановившись на двух вариантах аланской культуры раннего

Средневековья — западном с преобладанием скальных могильников и каменных крепостей и восточном с широким распространением грунтовых катакомб и земляных городищ. Археологические памятники горной зоны при этом выделялись в особую археологическую культуру, не имеющую отношения к аланской (*Кузнецов, 1973*).

Как мы видим, в качестве одного из основополагающих признаков аланской археологической культуры у В. А. Кузнецова фигурирует катакомбное захоронение — подземное погребальное сооружение камерного типа, как правило, имеющее перпендикулярное расположение длинных осей входной ямы и камеры (так называемые Т-образные катакомбы). На протяжении последних 130 лет, со времен В. Ф. Миллера, среди археологов бытует устойчивое представление о связи катакомбного обряда погребения с представителями аланских племен, заселявших Центральное Предкавказье в течение I — начала II тыс. н. э. Исходя из этого представления, катакомбные могильники VIII–IX вв., обнаруженные на северных рубежах Хазарского каганата в рамках лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры (СМК), также закономерно связываются с аланским населением Северного Кавказа. Это утверждение было сделано в начале XX в. А. А. Спицыным и впоследствии поддержано Ю. В. Готье. Последний, а вслед за ним М. И. Артамонов и Н. Я. Мерперт связывали происхождение донских катакомб СМК с местными племенами — обитателями южнорусских степей, потомками сарматов. Позднее И. И. Ляпушкин, С. А. Плетнева, В. А. Кузнецов, Г. Е. Афанасьев, А. В. Гадло посчитали возможным предположить, что появление катакомбных могильников в бассейне Среднего

Дона произошло в ходе массового переселения аланских племен с Северного Кавказа, случившегося в середине VIII в. н. э. под влиянием и, возможно, при участии Хазарского каганата (*Кузнецов, 1962. С. 30; Афанасьев, 1992*).

Таким образом, к началу 1970-х гг. сложилось представление о том, что катакомбные могильники Северного Кавказа и производные от них аналогичные памятники Среднего Дона являются своеобразной «визитной карточкой» аланских племен, ведущих свое происхождение от сарматов и унаследовавших от них данный тип погребального сооружения. Прочие погребальные конструкции (ямные погребения, каменные гробницы и склепы, скальные захоронения) принято было связывать с автохтонными кавказскими народами, проживавшими по соседству с аланами, в основном в горной зоне, тогда как большинство катакомбных могильников, известных к тому времени, располагалось на равнинных территориях или в предгорьях.

Версия о сарматских корнях происхождения катакомбного обряда захоронения, выдвинутая в 1950-е гг. К. Ф. Смирновым и Л. Г. Нечаевой, была поддержана большинством кавказоведов (В. А. Кузнецовым, В. Б. Ковалевской, В. Б. Виноградовым, Е. П. Алексеевой и др.). Это мнение оспорила М. П. Абрамова, выделившая на могильнике Нижний Джулат ранние катакомбы I в. до н. э. — I в. н. э. с преобладанием местных, кавказских культурных элементов и связавшая появление Т-образных катакомб в Центральном Предкавказье с предшествующим аланам населением, испытывавшим сильное влияние сарматской культуры, но тем не менее относящимся к автохтонным северокавказским

племенам (Абрамова, 1972). Наиболее подробно свои взгляды на проблемы с выделением аланской археологической культуры исследовательница изложила в одноименной статье, опубликованной в журнале «Советская археология» в 1978 г. (Абрамова, 1978). Она подчеркивала, что единая материальная культура раннего Средневековья, наблюдаемая в Центральном Предкавказье с IV–V вв., со специфической керамической традицией, близкими типами оружия, украшений и поясных наборов характерна для памятников с совершенно разным погребальным обрядом — захоронениями в ямах, катакомбах, каменных ящиках и склепах. А сама традиция сооружения камерных погребений разного типа имеет на Северном Кавказе глубокие корни, восходящие к эпохе бронзы и ярко проявляющиеся в сарматское время.

Понадобилось около двадцати лет, чтобы точка зрения М. П. Абрамовой, вызывавшая ожесточенные споры, утвердилась среди кавказоведов. Близкие взгляды на проблему происхождения катакомбных погребений продемонстрированы в работе Г. Е. Афанасьева, опубликованной более 25 лет назад (Афанасьев, 1992). При этом автор предлагает разделить данный вопрос на две составляющие — процесс происхождения катакомбного обряда погребения, который может не иметь корней в сарматской культуре, и широкое распространение этого обряда после гуннского нашествия по всей территории Центрального Предкавказья, когда присутствие могильников с Т-образными катакомбами маркирует территории, занятые аланскими племенами.

Положения М. П. Абрамовой в настоящее время успешно развивает В. Ю. Малашев, который отделяет

катакомбные захоронения местного сарматизированного населения Центрального Предкавказья (памятники типа «Нижний Джулат-Чегем» и близкой, но не идентичной им культурно-хронологической группы «Подкумок-Хумара») от «классических» Т-образных катакомб аланской культуры, возникших, по его мнению, в ходе развития местной погребальной традиции, испытывавшей степное влияние носителей среднесарматской культуры (Малашев, 2016. С. 61).

Существует иная точка зрения о пришлом характере аланской культуры на Северном Кавказе, появившейся здесь в первых веках н. э. в ходе миграции из Средней Азии (Габуев, 1999). Исходя из этой гипотезы, катакомбные могильники северокавказских алан имеют прототипы в погребальных древностях некоторых среднеазиатских культур (прежде всего, джетыясарской и кенкольской), население которых переместилось в Центральное Предкавказье в середине III в. н. э. Однако подробное сопоставление северокавказских катакомб со среднеазиатскими, выполненное недавно В. Ю. Малашевым и А. И. Торговым (Малашев, Торгоев, 2018), не дает достаточных оснований для поддержки этой миграционной гипотезы данными археологии.

Несмотря на разные мнения по поводу истоков происхождения катакомбного обряда захоронения у алан, практически все ученые сходятся в том, что начиная со II в. н. э. и до XIV в. подобные погребения, обнаруженные в Центральном Предкавказье, могут рассматриваться как захоронения представителей аланского этноса. Этого нельзя сказать о близких по типу погребениях, найденных на территории Северо-Восточного Кавказа —

в степном (могильник Верхний Чир-Юрт) и Прикаспийском (могильник Паласа-Сырт и многие другие) Дагестане. Исследователь подкурганых катакомб Верхнего Чир-Юрта VII–VIII вв. М. Г. Магомедов относил их к захоронениям хазар, а древности Паласа-Сыртского могильника рассматривались как гуннские (Л. Б. Гмыря) или маскутские (В. Г. Котович) (*Кузнецов*, 1962. С. 32–35; *Афанасьев*, 1992. С. 92–95; *Савенко*, 2017. С. 26–27). Если аланская принадлежность погребений Верхнего Чир-Юрта действительно может вызывать сомнения благодаря специфическим чертам погребального обряда, то присутствие аланского компонента в виде погребений в типичных Т-образных катакомбах на Паласа-Сыртском могильнике в настоящий момент можно считать доказанным (*Малашев, Гаджиев, Ильюков*, 2015).

Подводя итог длительным дискуссиям по поводу соотношения того или иного типа погребений с аланским, тюркским или автохтонным кавказским этносом, С. Н. Савенко выделяет несколько главных версий, существующих на сегодняшний день:

- 1) обрядом погребения алан являются захоронения в катакомбах;
- 2) аланы хоронили в различных погребальных сооружениях (катакомбы, скальные захоронения, склепы, каменные гробницы, каменные ящики);
- 3) катакомбы использовали не только аланы, но и гунны, савиры, хазары, вайнахи и другие племена (*Савенко*, 2017. С. 31).

Мне представляется плодотворной мысль о том, что Т-образные катакомбные погребения все же можно рассматривать как яркий этномаркирующий признак алан,

как некий символ общности их происхождения и непрерывной погребальной традиции, которая как раз и является определяющей в этническом смысле и которой аланы придерживались более тысячи лет, со II по XIV в. н.э. Истоки этой традиции в Предкавказье пунктирно прослеживаются на протяжении длительного времени, начиная со времен катакомбной культуры, которую некоторые исследователи связывают с индоариями — ближайшими родственниками древнейшего ираноязычного населения Евразии. Этот субстрат катакомбной культуры, по мнению Л. С. Клейна, проявляется в катакомбной форме могил в культуре скифского времени (Клейн, 2013б. С. 31–56, 242–289). Кто знает, может быть, утверждение катакомбного обряда погребения в качестве символа «аланской идентичности» связано каким-то образом с их представлением о своей принадлежности к ариям, что отразилось в самоназвании «аланы» от *агуа- (арийский)?

В любом случае мы наблюдаем наиболее яркие и самобытные черты аланской археологической культуры именно в материалах катакомбных погребений. Соотнесение других типов погребальных сооружений с аланским или иными этносами, очевидно, еще ждет своего исследователя, если это в принципе окажется возможным. Если же отталкиваться от признания Т-образных катакомб в качестве аланского этнического маркера, интересно проследить процесс проникновения алан в местную кавказскую среду и поглощение ими субстратного автохтонного населения на примере Пятигорья и Кисловодской котловины.

4. Появление алан в Кисловодской котловине и ее заселение

Длительное изучение археологических древностей рассматриваемого микрорегиона — Кисловодской котловины — привело к накоплению значительного объема информации о памятниках разных эпох и культур (Коробов, 2017). Немаловажное место среди этих древностей занимают памятники, оставленные носителями аланской культуры Северного Кавказа. Но если поселения и могильники эпохи раннего Средневековья, в особенности V–VIII вв., здесь неплохо изучены, то материалы раннего этапа аланской культуры (II–IV вв.) в Пятигорье и Кисловодской котловине гораздо реже исследовались и освещались в литературе. Примечательно, что одна из первых работ на эту тему принадлежит перу Н. М. Егорова, опубликовавшего в 1930 г. находки цилиндрических «курильниц», сделанные на городище Юца в окрестностях Пятигорска и возле Провала в черте города. Подобные изделия являются весьма характерными для раннеаланских материалов и присутствуют практически на каждом известном по раскопкам городище II–IV вв.

В последние годы Кисловодской экспедицией ИА РАН была открыта целая серия укреплений, на которых присутствуют элементы фортификации, характерные для так называемых «земляных городищ» Центрального Предкавказья, — рвы, эскарпы, валы. Причем подобные городища не единичны в Кисловодской котловине и ее окрестностях. Однако они, скорее всего, составляют здесь периферийную зону распространения подобных памятников, основная концентрация которых наблюдается севернее котловины, на стыке предгорий

и степей. Небольшие укрепления в виде мысов с эскарпированными склонами, валами и рвами были зафиксированы нами в глубине балки Аслан возле пос. Красно-восточный на р. Куме, на краю мыса в балке Соколова в 5,5 км к северу от пос. Новоборгустанского, в окрестностях горы Джуцы и станицы Ессентукской. Следует, наконец, упомянуть о широкомасштабных раскопках подобных памятников в окрестностях Пятигорска, прежде всего о городище Энергетик, исследовавшемся ГУП «Наследие» Министерства культуры Ставропольского края в начале 2000-х гг. Таким образом, представляется обоснованным связать данную группу укреплений на мысах с эскарпированными склонами с так называемыми «земляными городищами» раннего этапа аланской культуры II–IV вв.

При исследовании серии подобных укреплений и поселений на вершине Боргустанского хребта были получены материалы, позволяющие уточнить их датировку. Так, раскопками одной из башен укрепления Боргустанское 4 выяснено, что нижний ряд каменных блоков здесь опирается на слой древесного тлена. Из этой прослойки взят образец древесины на радиоуглеродный анализ, который был датирован в лаборатории университета г. Лунда (Швеция). Согласно полученной дате радиоуглеродного возраста, время строительства башни 1 может быть отнесено к I — первой половине III в. н. э. Эта дата подкрепляется найденным в нижней части слоя фрагментом миски с загнутым внутрь бортом, относящейся ко II–IV вв. Однако большинство керамики, обнаруженной при расчистке башни, относится к эпохе раннего Средневековья и датируется V–VIII вв.

На площадке находящегося на соседнем мысу укрепления Боргустанское 2 был сделан шурф, на дне которого расчищена яма с золистым заполнением. В ней находился крупный фрагмент чернолощеного кувшина, датирующийся в пределах V в. н.э. Из ямы отобран образец угля, радиоуглеродный возраст которого относит следы жизнедеятельности на площадке укрепления к последней четверти IV — концу VI в. н.э.

Более ранние даты получены также для материалов с нескольких укреплений того же типа (мысовые укрепления с эскарпированными склонами), расположенных в Воровских Балках на берегах р. Перепрыжки — правого притока Подкумка. Здесь, помимо шурфов на площадках укреплений Воровские Балки 1, 2, 4–6, была устроена серия почвенных разрезов для определения времени возникновения и существования участков земледелия, сохранившихся в виде каскадов из длинных узких террас. Обнаруженные в почвенных разрезах на р. Перепрыжке керамические материалы относятся к разным периодам: найдено около 200 фрагментов керамики кобанской культуры предскифского этапа (IX–VI вв. до н.э.) и 57 фрагментов I тыс. н.э. Еще 33 фрагмента не атрибутируются в настоящий момент. В основном это осколки посуды зеленовато-коричневой цветовой гаммы, напоминающие кобанскую по составу теста, с большим количеством мелких примесей кварцевого песка, заглаженной или ангобированной поверхностью, но с твердым черепком, говорящим о более качественном обжиге сосудов по сравнению с керамикой кобанского периода. Аналогичная посуда была найдена в шурфах на укреплениях Воровские Балки 1, 2, 4–6. Из шурфа на укреплении Во-

ровские Балки 5 получены радиоуглеродные даты кости животного и керамики, обе тяготеют к началу I тыс. н.э. К этому же времени, как нам кажется, следует относить описанную выше керамику. Еще одна дата была получена для керамики, найденной в шурфе на укреплении Воровские Балки 2, радиоуглеродный возраст которой определен в пределах середины III — середины VII в.

Наиболее ранние материалы происходят из шурфа, устроенного на верхней площадке укрепления Воровские Балки 4. Здесь были расчищены остатки небольшой каменной стены, сохранившейся в виде кладки из двух-трех рядов камней среднего размера. В шурфе было найдено 175 фрагментов керамики, из которых 37 экз. остались неопределенными в культурном отношении. Среди каменного развала были обнаружены кости животных, по которым получены две радиоуглеродные даты. Исходя из них, обнаруженное сооружение относится к III–II вв. до н.э. — I в. н.э. и является наиболее ранним из зафиксированных в ходе наших археологических работ. Данная датировка подтверждается находкой венчика кухонного горшка с нарезным орнаментом по краю. Подобные венчики характерны для раннесарматских материалов III–II вв. до н.э., присутствующих на городище Новопавловское и поселении Георгиевская станица 2.

Наиболее достоверные материалы в Кисловодской котловине, относящиеся к раннему этапу аланской культуры, получены при исследовании подкурганного катакомбного могильника Левоподкумский 1, сопровождающего мысовое укрепление с эскарпированными склонами Подкумское 2. По результатам проведенной здесь магнитометрической и георадарной

разведки, в 2012–2013 гг. были раскопаны уже упоминавшиеся выше две подкурганые Т-образные катакомбы с подквадратными ровиками и одно грунтовое захоронение в двухкамерной катакомбе. Судя по сохранившимся предметам погребального инвентаря (лучковая двучленная и сильно профилированная фибулы, пряжки, 14-гранные литые золотые напускные бусины, очевидно относящиеся к серьгам, наконечник копья, керамика — рис. 7), погребения в катакомбах были совершены в первой половине IV в. н.э. К несколько более позднему времени (середина — вторая половина IV в. н.э.), стратиграфически и по инвентарю, относятся захоронения в двухкамерной бескурганной катакомбе I, находившейся между ровиками курганов 1 и 2 и также ограбленной в древности. Примечательно сочетание на одном могильнике разных по своим типам погребальных сооружений, таких как подкурганые Т-образные катакомбы, обычно соотносимые с аланским этносом, и грунтовые захоронения в двухкамерных катакомбах, выделяемые В. Ю. Малашевым в настоящий момент в особый культурно-хронологический горизонт «Подкумок-Хумара», очевидно оставленный «субстратным» населением Кисловодской котловины, предшествующим волне аланских переселенцев. Любопытно отметить, что данные погребального обряда здесь прекрасно сочетаются с результатами антропологического анализа черепов из упомянутых погребений, представлявших, по мнению С. Ю. Фризена и Н. Я. Березиной, разное по своему облику население (*Березина, Фризен, Коробов, 2014*) (рис. 6), но полностью противоречат палеогенетическому анализу древнего ДНК, о чем пойдет речь ниже.

Помимо погребальных сооружений, был исследован крупный ров подквадратной формы с двумя перемычками, расположенными с северной и южной стороны. В верхней части заполнения рва были найдены многочисленные фрагменты керамики, которые могут быть уверенно отнесены к раннему этапу аланской культуры (II–IV вв. н.э.).

В заполнении ямы 1 в шурфе 2 на площадке укрепления Подкумское 2, расположенном поблизости от могильника Левоподкумский 1, также были обнаружены многочисленные фрагменты керамических сосудов II–IV вв. Из заполнения ямы были получены две радиоуглеродные даты, укладывающиеся в этот же хронологический отрезок. Очевидно, укрепление Подкумское 2, сопровождавшееся поселениями и подкурганым могильником, находящимися на первой речной террасе Подкумка, относится к «земляным городищам» раннего этапа аланской культуры и может датироваться в пределах второй половины III — первой половины IV в. н.э. Скорее всего, к этому же времени относятся и другие поселения на левобережной террасе Подкумка, на которых найден аналогичный подъемный материал, фрагменты турлука, фундаменты построек из речной гальки.

Таким образом, городище Подкумское 2 и сопровождающий его курганный катакомбный могильник Левоподкумский 1 являются одним из первых достоверных свидетельств присутствия носителей аланской культуры в Кисловодской котловине уже в первой половине IV в. н.э. Более ранние сведения о появлении алан в Кисловодской котловине получены Е. П. Алексеевой, доследовавшей в 1961 г. разграбленные подкуранные

катакомбные захоронения III–IV вв. возле южной окраины пос. Терезе Малокарачаевского района КЧР. Очевидна тенденция приуроченности этих ранних памятников к долине р. Подкумок и северным границам исследуемого микрорегиона.

Несколько более поздний комплекс, связанный с подкурганскими погребениями ранних алан в Кисловодской котловине, был недавно открыт нами на могильнике Волчьих Ворота близ урочища Клинь-Яр. Здесь под курганной насыпью было обнаружено дважды ограбленное захоронение в Т-образной катакомбе, содержащее выразительный комплекс предметов конца IV в. н.э. (рис. 8). Примечательно, что в 300 м от данного захоронения располагается широко известный могильник Клинь-Яр 3, в котором открыты наиболее ранние грунтовые катакомбы аланской культуры, относящиеся к этому же времени — второй половине IV в. н.э.

Интересно проследить, как проходило постепенное освоение аланами Кисловодской котловины с момента их первого появления на ее северных рубежах в первой половине IV в. н.э. и далее в течение V–VIII вв. Такую картину можно получить при картографировании поселений и погребений разных типов, относящихся к I тыс. н.э., которые известны здесь на сегодняшний день. Для решения вопроса о пространственном соотношении погребальных и жилых памятников можно применить некоторые процедуры пространственного анализа, осуществляемые с помощью географо-информационных систем (ГИС). Поскольку дробной хронологии для поселений на настоящий момент не существует, используется вся совокупность известных нам поселенческих памятников, широко

датирующихся в рамках всего I тыс. н.э. (29 неукрепленных и 154 укрепленных поселения). С ними соотносятся данные о могильниках, в основном датирующихся первой половиной I тыс. н.э.; более детальный пространственный ГИС-анализ соотношения могильников и поселений рассматривается в недавно опубликованной авторской монографии (*Коробов, 2017*).

В археологической литературе имеются предположения о том, на каком расстоянии следует искать могильники возле поселений раннего Средневековья. Так, для южноанглийской системы расселения англосаксов V в. характерно расположение могильников на расстоянии не более 500 м от поселений, обычно около 150 м. Похожая картина, когда некрополи, как правило, локализуются на расстоянии 100–200 м и не более 500 м от поселений, наблюдается у раннесредневековых франков на севере Франции и у аламаннов Юго-Западной Германии. Таким образом, принимая во внимание указанные закономерности в размещении могильников и поселений у варварских народов Европы, мною использовался простейший ГИС-анализ, заключающийся в построении буферных зон радиусом 500 м вокруг всех известных на сегодняшний день поселений I тыс. н.э. для предварительного соотнесения их с погребальными памятниками, обнаруженными в ближайших окрестностях этих мест обитания.

Прежде всего, ряд могильников с захоронениями в каменных гробницах и грунтовых ямах, а также в катакомбах разных типов, отличных от характерных для аланского населения Т-образных усыпальниц, относится к I–III вв. — периоду, предшествующему появлению

алан в микрорегионе. Подобные погребальные сооружения в настоящий момент связываются В. Ю. Малашевым с «субстратным» населением Кисловодской котловины, представленным выделяемым исследователем горизонтом «Подкумок — Хумара». Следует отметить, что далеко не все эти погребения соотносятся с используемыми в данной работе поселениями (рис. 9) — примерно треть могильников (все они с захоронениями в ямах) лежит на удалении более 500 м от поселенческих памятников I тыс. н.э. Если попытаться проанализировать пространственное распределение материалов из достоверно датированных комплексов могильников III–VIII вв., то на III в. приходится сведения о 12 подобных памятниках (рис. 10), десять из которых сочетают захоронения в ямах и катакомбах местного типа, характерного для горизонта «Подкумок — Хумара». Имеются также сведения о захоронениях в каменных ящиках и гробницах могильника Высокогорный 1 и о находках первой половины — середины III в. из курганного могильника Волчьих Ворота, тип погребального сооружения в этом случае не установлен.

Как стало очевидным из наших работ последних лет, некоторые из носителей погребального обряда, характерного для горизонта «Подкумок — Хумара», доживают до времени широкого расселения аланских племен по Кисловодской котловине, что маркируется повсеместным распространением Т-образных катакомб по всей изучаемой территории с середины V в. н.э. Однако первые катакомбные захоронения, достоверно связываемые с носителями аланской культуры, были исследованы нами на вновь открытом курганном могильнике Левоподкум-

ский 1 (рис. 11). Как упоминалось выше, изученные здесь комплексы позволяют отнести момент первого проникновения алан в окрестности современного Кисловодска уже к первой половине IV в. н.э. Они сопровождаются типичное «земляное городище», слои обитания на котором датируются в пределах III–IV вв. по обнаруженным здесь керамическим фрагментам, а также данным радиоуглеродного анализа.

Со второй половины IV в. появляются также первые грунтовые Т-образные катакомбы на могильнике Клинь-Яр 3, связываемые с аланским населением. Как мы видим из карты, приведенной на рис. 11, оба этих памятника, отстоящих на 7 км друг от друга, расположены в среднем течении р. Подкумок на севере котловины. В непосредственной близости от Клинь-Яра находится исследованный нами в 2014 г. комплекс из подкурганной Т-образной катакомбы могильника Волчьих Ворота. Южнее материалы IV в. присутствуют в захоронениях в катакомбах местных типов могильника Замковый 1 и в каменных гробницах могильников Высокогорный 1 и Конхуторский 3, очевидно относящихся к субстратному населению Кисловодской котловины.

Примерно через одно-два поколения обряд захоронения в бескурганных катакомбах Т-образной формы становится доминирующим на территории Кисловодской котловины на протяжении нескольких сотен лет. Причем характерно именно повсеместное распространение данного обряда. Если нанести на карту могильники с наиболее ранними комплексами V в. н. э., то получается следующая картина. Из приводимой на рис. 12 карты очевидно, что тринадцать наиболее ранних катакомбных могильников

занимают центральную часть котловины и распространяются по основным долинам рек, примыкающих к Подкумку. Скорее всего, перед нами пути заселения Кисловодской котловины носителями катакомбного обряда погребения, связываемыми с аланами, от Подкумка вверх по течению его основных притоков. Однако находки V в. присутствовали в погребениях в каменных ящиках могильника Высокогорный 1 и Корсунка, а также в гробнице на территории городища Уллу-Дорбунла. Очевидно, что погребальные сооружения в виде каменных гробниц и ящиков располагаются на южной периферии котловины или отстоят достаточно далеко на запад от места распространения катакомбного погребального обряда. Примечательно, что они тяготеют к долине Кубани, лежащей через перевал Гум-Баши от Кисловодской котловины, где данный погребальный обряд имеет широкое распространение. Это наблюдение подтверждает предположение В. А. Кузнецова о разных пропорциях в соотношении двух этнических компонентов — субстратного кавказского и суперстратного аланского, — характерных для территории Кисловодской котловины (где преобладает суперстратный компонент) и лежащих к западу от нее областей (где доминирует субстратный) (*Кузнецов, 2014. С. 103*).

В последующую эпоху (VI–VII вв.) возрастает количество катакомбных могильников с захоронениями в Т-образных усыпальницах и полностью исчезают погребения в каменных ящиках и гробницах (рис. 13, 14). На смену им приходят единичные погребения в каменных склепах, присутствие которых на территории катакомбных могильников или вблизи от них носит, скорее всего, социальный характер — это захоронения пред-

ставителей местной элиты, — что уже отмечалось ранее А. П. Руничем. К середине VIII в. число катакомбных могильников резко сокращается, смещаясь из центра на периферию Кисловодской котловины (рис. 15), а их место занимают скальные захоронения.

Таким образом, работами Кисловодской экспедиции был открыт ряд укреплений и поселений, связываемых с ранним этапом аланской культуры и находящихся на вершинах Боргустанского и Дарьинского хребтов и на левом берегу р. Подкумок в его среднем течении. Высокая плотность расположения этих поселений говорит в пользу того, что все они составляли единую крупную агломерацию. Можно предположить достаточно плотное проживание здесь 1500–2000 человек, занимавших несколько укрепленных и ряд неукрепленных поселений, которые также могли играть роль своеобразного аланского «лимеса», маркирующего южную границу проживания данного населения на стыке степей и предгорий Северного Кавказа в эпоху, предшествующую гуннскому завоеванию. Свидетельством существования подобной пограничной системы является цепь укрепленных сигнально-сторожевых постов, занимающих южную кромку Боргустанского и Дарьинского хребтов. Очевидно, рядовые поселения носителей аланской культуры располагались в глубине территорий к северу от этой кромки. К ним относится укрепление Боргустанские Горы 1, отстоящее от южной границы Боргустанского хребта на 5 км, а также обнаруженные нами в ходе рекогносцировочного осмотра 2012–2013 гг. укрепления Аслан 1 и 2 и Балка Соколова, находящиеся к северу и северо-востоку от северных границ Кисловодской котловины на расстоянии

10–15 км. Очевидно, что основной ареал обитания алан в рассматриваемый период приходился на окрестности современного Пятигорска, которые необходимо более подробно обследовать для уточнения культурно-хронологических особенностей пребывания ранних алан в районе Кавказских Минеральных Вод.

К сожалению, степень изученности поселений раннего этапа аланской культуры в Кисловодской котловине не позволяет сделать каких-либо более глубоких выводов, за исключением того, что, скорее всего, высокая концентрация укрепленных поселений этого хронологического этапа отражает ситуацию первичного освоения новой территории аланским населением во враждебном или полувраждебном окружении. В результате первыми аланскими поселенцами основывается цепь пограничных крепостей на северных рубежах Кисловодской котловины, призванных контролировать окрестные ресурсные зоны, пути сообщения и пограничную территорию с инокультурным населением. Подобная ситуация, очевидно, возникла не позднее середины III в. н. э. и продолжалась до рубежа IV–V вв., когда появляются новые поселения во внутренних территориях изучаемого микрорегиона, а система расселения претерпевает значительные изменения. За короткий период практически все пространство Кисловодской котловины покрывается сетью каменных крепостей, служивших местом обитания небольших родственных коллективов и сопровождавшихся родовыми кладбищами в виде грунтовых могильников из Т-образных катакомб.

Представляется очевидным, что использование данных о распространении Т-образных катакомб в качестве

маркера аланского присутствия в сопоставлении с другими типами погребальных сооружений, соотносимых с представителями субстратного населения, являющегося автохтонным, но испытавшего влияние сарматской археологической культуры, может дать неплохие результаты в понимании процесса освоения аланами предгорной и горной зоны Центрального Предкавказья и ассимиляции ими местного населения. К сожалению, подобная картина может быть в настоящий момент прослежена лишь для Кисловодской котловины, ввиду ее уникальной степени изученности. Другие регионы Северного Кавказа исследованы гораздо хуже в археологическом отношении. Однако и там имеются сведения о многочисленных Т-образных катакомбных могильниках, накопленные на настоящий момент, которые могут маркировать территории, занятые аланскими племенами в разные эпохи на протяжении I тыс. н. э. Но прежде чем перейти к их подробной характеристике, остановим свой взор на весьма важном письменном источнике, дающем представление об этническом многообразии кавказских земель в середине I тыс. н. э., в том числе о представителях аланского этноса, — «Армянской географии» VII в.

Глава 3

Данные «Армянской географии» VII в. об аланских племенах на Северном Кавказе

Одним из интереснейших и весьма важных письменных источников по истории народов Юга Восточной Европы в эпоху раннего Средневековья является знаменитая «Армянская география» VII в. («Ашхарацуйц»). Существует две редакции данного текста, приписываемого ранее Мовсесу Хоренаци, а впоследствии Ананию Ширакаци: краткая и пространная. Краткая была издана К. П. Паткановым на русском языке в 1877 г., пространная — на французском А. Сукри в 1881 г. Сопоставление двух редакций впервые было сделано К. П. Паткановым в специальной статье 1883 г.²

Для нас наиболее интересным является пассаж с описанием народов, населяющих Азиатскую Сарматию. В краткой редакции он звучит следующим образом:

«Сарматия (азиатская) отделяется от своей половины (европейской) восточными оконечностями горы Рипия, рекою Тоназис, морем Меотис, и простирается вдоль Кавказских гор у Грузии и Албании до Каспийского моря.

² В данной и следующей главе для облегчения восприятия было убрано большинство ссылок на многочисленную литературу. Читатель может ознакомиться с полной версией этого текста в авторской монографии (Коробов, 2017. С. 311–331).

В Сарматии находятся горы Гипшийские и Кераунские и другие; много рек, в числе их Этиль с 70 рукавами (или притоками), на котором защищается (укрепляется) народ Басилы.

Следующие народы живут в Сарматии: 1) Хазары, 2) Буши, 3) Баслики (Барсилы, Басилы), 4) Апшеги, 5) Апхазы, 6) Царственные Сарматы, 7) Иппофаги, 8) Нахчаматьяны, 9) Фтирофаги, 10) Сюрикийцы, 11) Митрикийцы, 12) Амазонки, 13) Аланы, 14) Хебуры (var. Хебары), 15) Кудеты, 16) Скюмы, 17) Аргаветы, 18) Марголы, 19) Такоци (var. Такры), 20) Аргозы, 21) Дачаны, 22) Пинчи, 23) Двалы, 24) Гунны, 25) Воспуры, 26) Цанары, в земле которых проходы Аланский и Цекан, 27) Туши, 28) Хуши, 29) Кусты, 30) Людоеды, 31) Цхаваты, 32) Гудамакары, 33) Дуичики, 34) Дидоцы (var. Дигои), 35) Леки, 36) Катапастианы, 37) Агутаканы, 38) Хенуты (var. Хенуки), 39) Шилы, 40) Чигбы, 41) Хегайк (можно транскрибировать: Хелы), 42) Каспы, 43) Пухи, 44) Ширваны, 45) Хсраны, 46) Таваспары, 47) Хечматаки, 48) Ижамахи, 49) Пасхи, 50) Пусхи, 51) Пиконаки, 52) Баканы, 53) Маскуты, у самого Каспийского моря, куда доходят отроги Кавказа и где воздвигнута Дербентская стена, громадная твердыня в море. Севернее живут Гунны, у которых город Варачан и другие города. Царь севера называется хаган. Он владыка Хазар. Царица же, жена хагана, происходит из народа Басилов».

В пространной редакции добавляется значительное количество деталей:

«18-я страна Азии, азиатская половина Сарматии, граничит восточными оконечностями гор Рипия, рекой Танаисом, морем Меотис, проливом, соединяющим его

с Понтом Евксинским; далее на восток берегами того же моря (Понта) до впадения в него реки Коракса, то есть, вороны (Ингур?); далее Кавказскими горами, прилегающими к Грузии и Албании до Каспийского моря и до впадения в него реки Соанас (Сунджи?). О такой реке нигде не слышать. В Сарматии лежат горы Кераунские и Иппийские, которые выпускают из себя пять рек, впадающих в Меотийское море. Из Кавказа текут две реки: Валданис (Vardanes, то есть Кубань), текущая до горы Кракс (Coгах), которая начинается у Кавказа и тянется на северо-запад между Меотисом и Понтом. Другая река, Псевхрос (Phychrus) отделяет Босфор от тех мест (?), где находится городок Никопс.

К северу от них (ней) живут народы Турков и Болгар, которые именуются по названиям рек: Купи-Булгар, Дучи-Булкар, Огхондор (Woghkhondor) Блкар — пришельцы, Чдар-Болкар. Эти названия чужды Птоломею. Из Гиппийских гор бежал сын Худбадра (читай: Хубрата, как выше). Между Болгарами и Понтийским морем живут народы: Гарши, Куты и Сваны до города Питииунта (Pityus) на морском берегу страны Авазов (Abasgi), где живут Апшилы и Абхазы до приморского своего города Севастополиса (Dioscurias), и далее до реки Дракона, текущей из Агван (не Албания) и отделяющей Абхазию от страны Егер. Там находятся области 46 народов. На север в смежности с Неизвестною землей живут: 1) Царственные Сарматы и 2) Гиппофаги. К западу (или у устьев) от Танаиса живут 3) Нахчаматьяны и другой народ, 4) Кларджи; далее, 5) Суракийцы, затем 6) область Мидосдесен. Далее, к востоку от Кераунских гор, живут 7) Амазонки, воинственные женщины.

ны, до реки Ира (читай: Ра), которая вытекает на севере в Неизвестной стране двумя истоками, которые затем соединяются, и дойдя до Гипшийских гор, выделяют из себя рукав к реке Танаису, впадающему в море Меотис. Остальная часть поворачивает к востоку у гор Кераунских. После того соединяются с нею две реки, текущие из северо-восточных гор Римика (*Rhimnici montes*) и делают из нее (то есть Волги) реку с сьюдесятью рукавами, которую Турки называют Атль. Среди этой реки находится остров, на котором укрывается народ 8) Баслов от сильных народов 9) Хазар и 10) Бушхов, приходящих на зимние пастбища и располагающихся на востоке и на западе реки. Остров называется Черным, потому что он кажется черным от множества Баслов, населяющих его вместе с своими стадами. Птоломей называет его островом Грав (?). Рукава реки Атль за островом снова соединяются и впадают в Каспийское море, отделяя Сарматия от Скифии. К западу от реки, говорит Птоломей, живут народы 11) Адон (*Udon*), 12) Адандон (*Olondae*), 13) Сондас (*Isondae*) и 14) Геруа (*Gerrus*), соименные рекам (*Udon, Alonta, Gerrus*), текущим из Кавказа до пределов Албании. Народы в Сарматии распределены следующим образом, начиная с запада и направляясь к востоку. Во-первых, 15) народ Агванов (не Албан), 16) Аштигор на юге. С ними вместе живут 17) Хебуры, 18) Кутеты, 19) Аргвелы, 20) Мардуйлы и 21) Такуйры. За 22) Дигорами в области Ардоз Кавказских гор живут 23) Аланы; откуда течет река Армна (?), которая, направляясь на север и пройдя бесконечные степи, соединяется с Атлем. В тех же горах за Ардозцами живут 24) Дачаны, 26) Двалы, 26) Цехойки, 27) Пурка, 28) Цанарка,

в земле которых находятся ворота Аланские и еще другие ворота Кцекен, названные по имени народа. За ними 29) Дуцы и 30) Хужи, 31) Кисты-людоеды, 32) Цхаваты, 33) Гудамакары, 34) Дурцки, 35) Дидои, 36) Леки, 37) Тапатараны, 38) Агутаканы, 39) Хеноки, 40) Шигпы, 41) Чигбы, 42) Пуики. Затем Кавказ делится на два хребта. Один идет по прямому направлению, заключая в себе Ширван и Хсрван до Хорсвема. Другой хребет, выпустив из себя реку Арм (выше названа Армна), текущую прямо на север и впадающую в Атль, идет на северо-восток. В нем живут 43) Таваспары, 44) Хечматаки, 45) Ижмахи, 46) Пасхи, 47) Пусхи, 48) Пюконаки, 49) Баганы, где берет начало длинная стена Абзуд-Кават до болот Алминон (?) и до моря. К северу от этого хребта живет народ 50) Маскутов, на поле Варданиан (читай: Ватния) у Каспийского моря. В этом месте хребет подходит к морю, где находится стена Дербенда (что означает связь и ворота), города Чорского прохода, великой твердыни, построенной среди моря. К северу (от Дербенда) близ моря находится 51) царство Гуннов, на западе у Кавказа город Гуннов, Вараджан, а также города Чунгарс и Мсндр (Семендер). К востоку живут 52) Савиры до реки Талта (читай: Атль), отделяющей азиатскую Сарматию от Скифии, то же что Апахтар или Туркестан. Царь их называется хаган, а царица, жена хагана, хатун».

Дальнейшее исследование этого ценного географического документа, составленного, по определению К. П. Патканова, в первой половине VII в. армянским географом Ананием Ширакаци, продолжилось по двум основным направлениям: источниковедческий анализ текста и интерпретация свидетельств о народностях,

населяющих Азиатскую Сарматию и перечисленных «Армянской географией».

В наши задачи не входит рассмотрение первого из упомянутых направлений. Остановимся подробнее на втором — на развитии взглядов на интерпретацию племенных названий, которые могут быть связаны с аланским этносом, и их локализацию на территории Северного Кавказа. Первую подобную попытку предпринял В. Ф. Миллер в своем фундаментальном труде, посвященном лингвистике, этнографии и истории осетин. В специальном экскурсе о болгаргах и аланах по сведениям нового (пространного) списка «Армянской географии» он вслед за К. П. Паткановым размещает алан к востоку за дигорами в области Ардоз, отождествляя последнюю с упоминаемой в других армянских источниках страной Артаз. Аланы, по мнению К. П. Патканова и В. Ф. Миллера, находятся на территории проживания современной восточной ветви осетин. К западу от них живут дигорцы, или ас-дигоры (аш-тигоры). При этом К. П. Патканов не отождествляет с аш-тигорями упоминаемое перед ними племя агван (алан), считая его за отдельный народ (см. выше), тогда как В. Ф. Миллер следует за мнением Г. А. Халатьянца, который называет аш-тигоров агванским (аланским) народом. Однако, пишет автор, не следует считать, что армянский географ просто так поместил имя народа агван (алан) в свой перечень. Отождествляя реку Дракон, упоминаемую в пространном списке «Армянской географии», с Кодором, В. Ф. Миллер размещает еще одну ветвь алан в верховьях Кубани.

Таким образом, в своем первом детальном анализе текста «Армянской географии» В. Ф. Миллер выдвинул следующие положения:

- 1) перечень племенных названий расположен с запада на восток;
- 2) наиболее западной территорией проживания агван (алан) являются верховья Кубани, где по соседству обитает агванское (аланское) племя аш-тигоров;
- 3) наименование «аш-тигор» состоит из двух частей — асы и дигоры, причем первым словом (аси) тюркоязычные балкарцы до сих пор называют осетин-дигорцев;
- 4) аш-тигоры отождествляются с упоминаемыми ниже дигорами, восточнее которых проживают аланы в местности Ардоз (рис. 16).

Дальнейшая интерпретация текста «Ашхарацуйц» фактически развивала или пересматривала эти выдвинутые В. Ф. Миллером положения. Первым из археологов к данным сведениям обратилась В. Б. Деопик (Ковалевская), которая вслед за К. П. Паткановым и В. Ф. Миллером сочла возможным выделить четыре аланских народа в Центральном Предкавказье: агванов (верховья Кубани), ашдигор (осов в Кабарде), дигор (в Западной Осетии) и собственно алан (Восточная Осетия) (рис. 17).

В. А. Кузнецов в своей работе, посвященной аланским племенам Северного Кавказа, выделяет на основании анализа письменных источников два аланских племенных союза (аланы и асы) и размещает асов (дигоров) на западе, а алан (иронов) — на востоке Центрального Предкавказья (Кузнецов, 1962. С. 127–131. Рис. 37). В более поздних работах он рассматривает две племенные группировки — ас-дигоры и аланы-ардозцы, — границей проживания которых является Пятигорье (рис. 18). Первое племенное объединение, по мнению авто-

ра, восходит к сарматскому племени сираков, второе — к племени аорсов. Позднее В. А. Кузнецов отказывается от интерпретации племенного названия «аланы» как собирательного этнонима и приходит к мысли, что этнонимы «асы» и «аланы» эквивалентны и обозначают один народ. Впоследствии автор вновь пересматривает свои предыдущие гипотезы, обосновывая существование двух аланских объединений — Алании на западе в верхнем Прикубанье и Асии (включая ас-дигоров) на востоке в верхнем Притеречье.

Точку зрения о том, что неправильно трактовать термин «аланы» как собирательный, включающий в себя разные племенные группировки, последовательно отстаивает Ю. С. Гаглойти, доказывая узкоэтническое значение наименования «аланы». По мнению данного исследователя, все упоминаемые в письменных источниках названия аланских племен являются разными вариантами именования одного племени — алан. Наиболее развернутая аргументация данного тезиса дана в отдельной работе, посвященной анализу текстов двух редакций «Армянской географии» VII в., а также в разделе широко известной монографии данного автора 1966 г. Следуя за упомянутым выше мнением Г. А. Халатьянца, Ю. С. Гаглойти не видит возможности отделять аштигоров от алан, считая их частью единого аланского этноса — ветвью осетин-дигорцев.

Новые интерпретации появляются после введения в научный оборот иного прочтения источника, которое было предложено в начале 1970-х гг. академиком С. Т. Еремяном. Составленный на этой основе русский перевод пространной редакции опубликован в хрестоматийном

издании армянских источников об аланах, выполненном в 1985 г. под редакцией Р. А. Габриелян. Здесь приводимый выше отрывок, касающийся расселения аланских племен, существенно скорректирован:

«И считаются народами Сарматии начиная с запада на восток так: прежде всего племя Аланов, Аш-Дигор, затем южнее соседи их Хебуры и Кубеты, Аргвелы, т. е. Маргвелы, Скимнии, т. е. Такворы: Аланы позади Дигоров, в стране Ардоз Кавказских гор, откуда вытекает река Арми, которая, идя на север, через безбрежные равнины, сливается в (реку) Атл.

В тех же (Кавказских) горах, после народа Ардоз, проживают племена Рачан, (Пиндж), Двалов, (Хонов), Цхумов, Овсуров, Цанаров, у которых аланские ворота, и другие ворота, называемые Целкан, соименного племени, затем Тушии и Хундзы, и Кусты людоеды, затем Цховаты, Гудамакары, Дурзуки, Дидойцы, Леки, Таваспары, Ахутакан, Хновы, Шилбы, Чилбы, Лбины, Хелы, Каспии, Похи».

Как мы видим, в данном переводе не проводится разделения живущих на западе народов алан и аш-дигор — последние предстают самым западным аланским племенем. Помимо перечисленных выше племенных названий, связываемых с аланским этносом, добавляется новое — овсуры. На соотнесение данного этнонима с принятым в средневековой грузинской литературе названием алан «осы» или «овсы» обратил внимание С. Т. Еремян. Анализ упоминания алан в армянских письменных источниках, в том числе и в новом переводе «Армянской географии VII в.», проведенный Р. А. Габриелян, показывает, что в разное время этноним «аланы» имеет разное значе-

ние — в источниках I–IV вв. он скорее является собирательным термином, тогда как с V–VI вв. имя алан становится узкоэтническим. При этом «Армянская география» различает основные компоненты аланского этноса: Ашдигор, Дигор и Двал. Последние, по мнению Ю. С. Гаглойти, могут быть однозначно причислены к скифо-аланскому (осетинскому) этносу (*Гаглойти*, 2014. С. 10–11). К аланам, как уже говорилось выше, Р. А. Габриелян, вслед за С. Т. Еремянном, относит также народ Овсуры, размещаемый восточнее страны Ардоз среди племен Рачан, Пиндж, Двалов, Хонов, Цхумов и Цанаров.

К сведениям «Ашхарацуйц» в связи с выяснением мест проживания аланских племен в Центральном Предкавказье обращались также Е. П. Алексеева и Т. М. Минаева. Первая исследовательница на основе перевода С. Т. Еремяна фактически присоединяется к интерпретации В. Ф. Миллера, считая, что в изучаемых ею верховьях Кубани проживали родственные племена аланов (названных агванами в «Армянской географии») и ашдигоров; вторая, используя старый перевод К. П. Патканова, вслед за Ю. С. Гаглойти не считает возможным разделять алан и аш-тигоров.

В начале 1990-х гг. появляется перевод источника на английский язык, выполненный Р. Хьюсенем. Ему следует один из последних переводов фрагмента текста на русский язык, содержащий описание аланских племен и комментарии к нему, который принадлежит А. Алеманю:

«А в Сарматии находятся, начиная с востока на запад, прежде всего, народ аланов аш-дигор, а затем на юге их соседи хебуры, кудеты, аргвелы — которые маргвелы —

и скивны — (которые) тайкуры. За дигорами находятся аланы в стране Ардоз Кавказских гор, откуда вытекает река Армн, которая, направляясь на север через бесконечные равнины, соединяется с Атлем. И в тех же горах, за народом Ардоза, живут рафаны, пинчи, дуалы, (хоны), цихоймы, авсуры и цанары, в земле которых находятся Аланские Ворота» (*Алемань*, 2003. С. 369).

Стоит отметить, что принятое Р. Хьюсеном противоположное перечисление народов (с востока на запад) является грубой ошибкой, что уже отмечено многими исследователями (В. А. Кузнецовым, К. Цукерманом, А. А. Туаллаговым). Тем не менее этого перевода придерживается в своей работе А. Алемань, который не считает возможным выделять несколько племенных названий на основе текста «Ашхарацуйц», полагая, что упоминаемый в нем народ Alank' yArdoz ašxarhin («аланы в стране Ардоз») — восточную ветвь, из которой произошли современные иронцы (*Алемань*, 2003. С. 370). Аналогичного мнения, вслед за Ю. С. Гаглойти, придерживается С. А. Ромашов в своем труде по исторической географии Хазарии, а также А. А. Туаллагов. Это деление аланских племен на западный и восточный массив, как уже упоминалось выше, прослеживается по археологическим источникам В. А. Кузнецовым (*Кузнецов*, 1973. С. 64–72), а также М. П. Абрамовой (*Абрамова*, 1997. С. 140–148) и В. Б. Ковалевской (*Ковалевская*, 2005. С. 117, 173–174.). О делении северокавказских алан на западный и восточный массивы писал и Ф. Х. Гутнов.

«Армянскую географию» использовали в качестве источника по воссозданию этнической истории народов Северного Кавказа Н. Г. Волкова, А. В. Гадло, В. Ф. Бутба. Следует заметить, что далеко не все исследователи согласны с тем, что упоминаемые выше сведения «Армянской географии» относятся к проживавшим на Северном Кавказе племенам ираноязычных алан. В борьбе за «аланское наследие» (об этом подробнее см.: *Шнирельман, 2006*) выдвигались разнообразные интерпретации данных «Ашхарацуйц», порой весьма экзотические и противоречащие друг другу. Так, например, И. М. Мизиев трактует упоминаемое выше племенное наименование «аштигор» как «аст-тигор», что в переводе с тюркских языков означает «восемь тигоров». Последнее слово он связывает с тюркским «даг-эр» («горный человек») или «утигор» («крайний народ»). Племенные названия «асы» и «аланы», по мнению этого исследователя, также находят свои корни в тюркских языках. Это же наименование «аштигор» трактуется Р. Д. Арсанукаевым вслед за Я. С. Вагаповым как «равнинные дигоры» на основе нахских языков. К субстратному кавказскому (нахскому) корню относится и название области «Ардоз», что означает «в пределах равнины» или «на границе с равниной». К. З. Чокаев, напротив, считает слово «аш»/«ас» иранским заимствованием в чеченском языке.

Новая интерпретация сведений «Армянской географии VII в.» была предложена в начале 2000-х гг. французским исследователем К. Цукерманом. Автор первоначально рассматривает два важных документа середины X в.: «Книгу церемоний» Константина Багрянородного и «Кембриджский документ». Анализируя

сведения о кавказских аланах, упоминаемых в данных текстах, К. Цукерман приходит к высказанному ранее В. А. Кузнецовым выводу о существовании в это время двух племенных образований алан: аланов и асов, причем первые живут западнее вторых, размещаемых возле Дарьяльского прохода.

Далее, обращаясь к племенному делению алан в рамках двух крупных объединений (аланы на западе и асы на востоке), К. Цукерман интерпретирует сведения «Ашхарацуйц». В результате детального источниковедческого анализа им выделяется четыре группы аланских племен, две из которых (собственно «аланы» и «аштигоры») объединяются в западную часть («Аланию»), а две другие («дигоры» и «асы/авсурки») — в восточную часть («Асию»). Исходя из логики письменных источников, прежде всего «Ашхарацуйц», определяются районы расселения этих племенных групп: аланы занимают верховья Кубани, аш-тигоры — Кабардино-Пятигорье, включая Кисловодскую котловину; дигоры располагаются в местности «Ардоз», соотносимой К. Цукерманом с Восточной Кабардино-Балкарией и Западной Осетией. К востоку от них проживают «не-дигорийские асы», названные в источнике племенем «авсурки». Таким образом, через сто с лишним лет автор возвращается с небольшими вариациями к первоначальной интерпретации аланских племенных названий в Центральном Предкавказье, фигурирующей в работе К. П. Патканова, которая позднее воспроизведена в раннем исследовании В. Б. Ковалевской (рис. 19).

Следует отметить, что этот новый взгляд на расселение аланских племен не встретил поддержки у большин-

ства исследователей письменной традиции об аланах. Так, как уже упоминалось выше, А. Алемань в своем недавно переведенном на русский язык компендиуме, анализируя сообщения «Ашхарацуйц», следует за мнением Р. Х. Хьюсона и делит аланские племена на две группы: западную Alank' Ař-Digor, сопоставимую с западными осетинами-дигорцами, и восточную Alank' yArdoz ařxarhin, которая соотносится с предками восточных осетин-иронцев (Алемань, 2003. С. 370–371). Ю. С. Гаглойти в достаточно резкой публицистической манере отзывается о выводах К. Цукермана на страницах газеты «Южная Осетия», а А. А. Туаллагов называет их «сюрреалистическими», употребляя собственное замечание К. Цукермана, сделанное по поводу выводов В. Ф. Миллера. Однако следует отметить, что мне пока неизвестны критические работы, которые рассмотрели бы предложенную К. Цукерманом интерпретацию с точки зрения перевода самого источника. Все упоминаемые критические замечания базируются на уже введенных в научный оборот переводах, перечисленных выше, и не касаются нового прочтения, предложенного К. Цукерманом, просто отвергая его в принципе. Подобный подход не представляется продуктивным.

Обоснованная критика нового прочтения «Ашхарацуйц», предложенного К. Цукерманом, звучит в труде Г. Д. Гумбы 2007 г. Автор выделяет три пласта сведений «Армянской географии» о народах Азиатской Сарматии, представляющих собой не временные напластования, а скорее компиляцию сведений о народах, почерпнутых из разноязычных источников. Проанализировав многочисленные племенные названия, иногда повторяющиеся

на разных языках, автор выделяет два основных аланских объединения, существовавших во времена «Ашхарацуйц», — аш-тигоры на западе и аланы страны Ардоз на востоке, между которыми располагается самостоятельное племя дигоров (рис. 20). Племенное название асвур (авсур) относится ко второму выделяемому Г. Д. Гумбой языковому пласту источника, и поскольку оно употребляется вместе с упоминанием алан страны Ардоз, то оно должно соотноситься с западным племенным объединением аш-тигоров и являться грузинской передачей данного племенного наименования.

Г. Д. Гумба придерживается мнения, что название племени «аланы» имеет собирательное значение, включающее как собственно аланское ираноязычное население Центрального Предкавказья, так и аборигенные кавказские племена. Он категорически не согласен с мнением Ю. С. Гаглойти, отстаивающим узкоэтническую трактовку племенного названия алан и предполагающим значительное доминирование ираноязычного этнического компонента в племенном объединении Алании в эпоху раннего Средневековья. Автор считает название «ас-дигоры» собирательным, объединяющим аланский этнический компонент «ас» («аш») с местным аборигенным племенем «дигор», причем только с западной частью этого племени. Восточная его часть упоминается под самостоятельным именем «дигор» и отделяется, по сведениям «Ашхарацуйц», как от проживавших западнее аш-тигоров, так и от располагавшихся восточнее алан страны Ардоз. Вслед за В. И. Абаевым и В. А. Кузнецовым (*Кузнецов, 1962. С. 72–73*), Г. Д. Гумба относит племя дигоров к местным аборигенным народам Северного Кавказа.

При этом Г. Д. Гумба приводит мнение исследователей об абхазоязычном происхождении этнонима «аш/ас», однако оставляет данный вопрос открытым.

Один из последних подробных анализов «Армянской географии» VII в. и его интерпретаций опубликован в вышедшей в 2010 г. работе А. А. Туаллагова. Касаясь упоминаемых в «Ашхарацуйц» племенных названий алан, он следует за текстологическим анализом, проведенным Г. Д. Гумбой, определившим несколько языковых пластов в этнонимах, используемых составителем «Армянской географии». Согласно этим новым данным, по-прежнему намечается два основных крупных племенных объединения: восточное (ардозы) и западное (аш-тигоры). Однако, в отличие от Г. Д. Гумбы, автор не выделяет в отдельное племя народ дигоров и располагает аланское племя овсур восточнее ардозов. Данное расположение аланских племен в принципе соотносится с приводимой выше новой интерпретацией текста, сделанной в работе К. Цукермана. Между тем А. А. Туаллагов категорически не согласен с общей картиной размещения аланских народов и предостерегает от ее использования, в особенности в работах археологического характера, цитируя исследование в том числе автора этих строк.

Несмотря на резкую критику, порой звучащую в адрес гипотезы К. Цукермана и ее последователей, мне представляется любопытным сопоставить приводимую им картину расселения алан с археологическими реалиями, имеющимися в нашем распоряжении в настоящее время. Прежде всего, следует ответить на вопрос, какой вид археологического источника может в данный момент наиболее полно отражать локальные особенности

распространения аланской культуры на Северном Кавказе. Разумеется, для определения различных племенных образований важно нащупать те элементы материальной культуры, которые отражают самоидентификацию каждой племенной группы древнего населения, делающие ее непохожей на другие группы и при этом имеющие некоторое объединяющее начало в рамках общего племенного образования. Подобными элементами могут служить типы поселений и жилищ, характерные детали костюма, форма, декор или технологические особенности керамики (Клейн, 2013а. С. 422–423). К сожалению, все эти виды археологических источников не отличаются необходимой полнотой изученности для их сопоставления в границах Северного Кавказа. Поэтому для анализа остаются лишь данные погребального обряда, являющегося индикатором локальных особенностей культуры населения в эпоху, предшествующую широкому распространению мировых религий, в ходе которого похоронные ритуалы унифицируются. Таким обрядом, очевидно, выделявшим аланский массив племен из иноэтничного окружения, являлись захоронения в Т-образных катакомбах, которые и предлагается рассмотреть более подробно.

Глава 4
**Аланские катакомбные могильники
и расселение алан на Северном Кавказе
в I тыс. н. э.**

Общепризнано, что характерным для аланских племен Северного Кавказа обрядом погребения служили захоронения в катакомбах так называемого Т-образного типа (с перпендикулярно расположенными по отношению друг к другу длинными осями входной ямы / дромоса и погребальной камеры) (рис. 2). Данный вид погребального сооружения имеет устойчивую традицию на протяжении более тысячи лет: появившись еще в III–II вв. до н. э. (*Ковалевская, 2005. С. 151*), он широко распространяется на Кавказе во второй половине II в. н. э. (*Габуев, Малашев, 2009. С. 156*) и доживает вплоть до монгольского завоевания в XIII в. (*Кузнецов, 1973. С. 62*). Имеются мнения ученых, связывающих и другие виды погребальных сооружений (захоронения в каменных ящиках и гробницах, могильных ямах, в склепах и скальных навесах) с аланскими племенами, но все они требуют более серьезной аргументации (см., например, *Ковалевская, 2005. С. 174*). В настоящий момент можно констатировать следующий устоявшийся взгляд на катакомбный обряд погребения эпохи Средневековья как этнический маркер: не все аланы хоронили своих умерших в катакомбах, но большинство погребенных

в катакомбах можно уверенно относить к аланам (*Абрамова, 1997. С. 140*). Весьма важными при этом являются данные краниологии, по которым большинство погребенных в катакомбах обладало долихокранным обликом, связываемым с ираноязычными племенами (*Афанасьев, 1992. С. 83–96*). Эта точка зрения может считаться общепризнанной, но не единственной: критика ее содержится в работах М. П. Абрамовой (*Абрамова, 1997. С. 137–154*). Однако новейшие исследования антропологов, похоже, лишь подтверждают эту устоявшуюся точку зрения (*Березина, Фризен, Коробов, 2014*).

В монографии 2003 г. нами уже анализировался весь массив погребений в катакомбах IV–IX вв., вошедший в научный оборот на 1999 г.: к этому времени были опубликованы и описаны в археологических отчетах 1220 катакомб, содержавшие 1600 захоронений. Тогда же на основе кластерного анализа было выделено 11 групп катакомбных могильников по степени близости их расположения в пространстве (географической долготы и широте) и дано диахронное описание погребального обряда, характерного для каждой из выделенных территориальных групп (*Коробов, 2003. С. 34–121*). При этом была в целом подтверждена точка зрения В. А. Кузнецова, В. Б. Ковалевской, М. П. Абрамовой и др., разделяющих аланские племена на два основных массива — западный и восточный (*Коробов, 2003. С. 120*).

За прошедшее десятилетие в результате археологических раскопок, ведущихся на Северном Кавказе, было исследовано еще более 1500 катакомб I тыс. н. э. Однако этот материал остается по-прежнему неопубликованным, зачастую нет доступа даже к отчетной документации ав-

торов раскопок. Имеются лишь отрывочные общие сведения об исследованиях на катакомбных могильниках, публиковавшиеся в форме тезисов докладов или заметок в сборнике «Археологические открытия». Поэтому использовать в полной мере информацию об этих захоронениях пока невозможно. Исходя из этого, в данном разделе мы ограничились в основном лишь общими данными о местонахождении катакомбных могильников и количестве исследованных захоронений. В результате была использована информация о 116 катакомбных могильниках II–IX вв., в которых было исследовано чуть более 1500 катакомб.

Для того чтобы проиллюстрировать распространение катакомбного обряда погребения на Северном Кавказе в диахронном развитии, все катакомбные погребения были разделены на четыре хронологических периода:

- вторая половина II – конец IV в.;
- конец IV – первая половина V в.;
- вторая половина V – первая половина VIII в.;
- вторая половина VIII – конец IX в.

Подобное членение материала иллюстрирует вовлечение алан в основные исторические события на Кавказе, известные нам по письменным источникам и кратко охарактеризованные в главе 1: эпоха, предшествующая гуннским завоеваниям (первый период), передвижение племен в процессе гуннских походов и Великого переселения народов (второй период), вовлечение в противоборство Византии и Сасанидского Ирана (третий период) и, наконец, перемещение племен в результате политики Хазарского каганата во время его войн с арабами (четвертый период). При этом использование более широкого

временного диапазона второй половины V — первой половины VIII в. представляется оправданным, т. к. это время можно охарактеризовать как период стабильного обитания алан в Центральном Предкавказье, когда в ходе предшествующего турбулентного периода аланские племена занимают определенные регионы и поселяются в них на постоянной основе. Именно это расселение алан на Кавказе в V–VIII вв., в перерыве между историческими катаклизмами, приведшими к переселениям крупных племенных группировок, получило отражение в «Армянской географии», являющейся предметом особого интереса для настоящей темы.

Итак, из рассматриваемых 116 катакомбных могильников 91 относится к грунтовым (в них раскопана 977 катакомб), а 27 к подкурганным (529 катакомб). В двух случаях на одном некрополе встречены грунтовые и подкурганые катакомбы (могильники Верхний Чир-Юрт 2 и Левоподкумский 1). Катакомбные могильники в целом равномерно распределяются на территории Северного Кавказа от среднего течения Кубани на западе до Приморского Дагестана на востоке (рис. 21). Однако если мы попытаемся проследить распространение катакомбного обряда погребения в рамках выделяемых хронологических периодов, картина будет иметь достаточно сложный характер.

К первому периоду (вторая половина II — конец IV в.) относится 13 подкурганых и 12 грунтовых могильников (рис. 22). Бросаются в глаза четко выделяемые ареалы грунтовых катакомб на западе и подкурганых на востоке. Так, достоверно можно отнести к данной эпохе всего 64 грунтовые катакомбы, расположенные в основном

на востоке Краснодарского края (Мостовой), в Карачаево-Черкесии (Хумаринский и Байтал-Чапкан), в районе Кисловодска (Подкумский, Замковый, Мокрая Балка 1, Клин-Яр 3, Высокогорный 1 и 3), а также в предгорьях Северной Осетии (Хазнидон) и на западе Чечни (Чернореченский 1). К подкурванным относятся две исследованные недавно катакомбы могильника Левоподкумский 1 близ Кисловодска; там же была открыта одна грунтовая двухкамерная катакомба (рис. 7), относящаяся, по всей видимости, к местному, неаланскому населению (*Березина, Фризен, Коробов, 2014*). Кроме того, нами были исследованы две подкурванные катакомбы на могильнике Волчи Ворота, недавно введенные в научный оборот. Одна из них датируется второй половиной IV в. (рис. 8), другая — V в. н.э. Большинство же захоронений Кисловодской котловины совершены в грунтовых катакомбах, отличающихся своим способом устройства от «классических» аланских Т-образных катакомб, что дало повод В. Ю. Малашеву выделить их в особую культурно-хронологическую группу «Подкумок — Хумара» и связать ее с автохтонным кавказским населением этих мест (*Габуев, Малашев, 2009. С. 157*). Имеются сведения о подкурванных захоронениях в Т-образных катакомбах, соотносимых с аланским населением, открытых близ г. Новопавловска Ставропольского края и исследованных недавно Т. А. Габуевым, которые еще ждут своей публикации.

Основной массив из 350 захоронений относится к подкурванным могильникам и происходит из степной зоны Северной Осетии (Виноградное, Октябрьский, Братское, Змейский), зоны предгорий на границе

современных республик Северная Осетия и Ингушетия (Беслан, Насыр-Корт, Экажево) и на западе Чечни (Алхан-кала, Воздвиженский, Алдынский), а также с территории степного Дагестана (Андрей-Аульский 2). При этом в большинстве случаев речь идет о нескольких захоронениях, исследованных в пределах одного могильника. Более 500 погребений было раскопано Ф. С. Дзудцевым в Бесланском подкурганном могильнике в Осетии (по устной информации В. Ю. Малашева их более 800), однако они не введены в полной мере в научный оборот.

Погребения в катакомбах конца IV — первой половины V в. н.э. немногочисленны (рис. 23) и в основном располагаются на территории Приморского Дагестана. В Центральном Предкавказье к этому времени можно достоверно отнести всего 8 отдельных комплексов на грунтовых могильниках Мокрая Балка 1, Лермонтовская Скала 1 и 2, Клин-Яр 3 в Кисловодской котловине (оттуда же происходит единственный известный нам комплекс V в. из подкурганной катакомбы могильника Волчья Ворота), а также захоронение в могильнике Хазнидон (западные предгорья Северной Осетии). К востоку от последнего, в степной части находится знаменитый могильник Брут, относящийся к этому же периоду. Фактически это три могильника, содержащие подкурганные и грунтовые захоронения эпохи Великого переселения народов (первая половина V в. н. э.), часть из которых датируется более широким временем от второй половины II до рубежа VI–VII вв. (*Габуев, Малашев, 2009. С. 115–144*).

Основная масса катакомб этого времени происходит с территории Приморского Дагестана, где из 94 погребений примерно половина может быть достоверно отне-

сена ко второй половине IV — первой половине V в. н.э. Большинство усыпальниц исследовано на могильнике Паласа-сырт (76 катакомб), имеются единичные комплексы на могильниках Манасский (1), Утамышский (1), Мамай-Кутан (1), Джемикентский 1 (2) и 3 (3), Дагогинский 3 (3) и 4 (3) и Кухмазкунтский (3). Следует оговориться, что катакомбные погребения на территории Приморского Дагестана связываются одними учеными с близкими к аланам ираноязычными племенами маскутов, а другими — с тюркоязычными гуннами (*Афанасьев*, 1992. С. 92–95), поэтому использование этих материалов носит сравнительный характер. Однако в последнее время совместными работами В. Ю. Малашева и М. С. Гаджиева часть паласасыртских захоронений достоверно соотнесена с представителями аланского этноса (*Малашев, Гаджиев, Ильюков*, 2015. С. 84–85, 87, 134).

Большинство катакомбных захоронений, раскопанных на Северном Кавказе, относятся к широким рамкам второй половины V — первой половины VIII в. н.э. (рис. 24). К этому периоду можно отнести 613 катакомб, из которых основная часть (549 усыпальниц) грунтовых и лишь 64 подкурганных. Последние встречены на территории Восточной Чечни (могильник Аллероевский, 4 катакомбы) и на севере Дагестана, в степной его части. Здесь, возле селения Верхний Чир-Юрт, было исследовано три могильника, один из которых подкурганный (курганный могильник Верхний Чир-Юрт), один грунтовый (Верхний Чир-Юрт 1) и на одном встречены два подкурганных и 36 грунтовых захоронения (Верхний Чир-Юрт 2).

Грунтовые катакомбы рассматриваемого периода обнаружены практически по всей территории предгорий

Центрального Предкавказья. В верхнем течении Кубани к V–VIII вв. можно отнести около 40 катакомб, раскопанных на могильниках Прочноокопский, Байтал-Чапкан и Хумаринский. Большинство погребений данного времени обнаружено в Кисловодской котловине (347 катакомб). Восточнее, на территории современной Кабардино-Балкарии, на стыке предгорной и горной зоны, в 1990-е гг. Б. Х. Атабиевым исследовано не менее 1000 катакомбных погребений, большинство из которых также относится к третьему периоду, однако информации о них пока нет ни в форме публикаций, ни в виде отчетов о раскопках. Поэтому далее к востоку у нас имеются сведения о катакомбных захоронениях, происходящих с территории Восточной Балкарии, а также Западной и Центральной Осетии: это около 80 погребений, найденных в предгорной зоне в могильниках Былым и Нижний Джулат, а также в предгорьях и горах Дигорского (Хазнидон, Галиат, Камунта), Алагирского (Дагом, Ход, Архон, Садон) и Куртатинского (Гусара) ущелий. Восточнее их находятся могильники, в которых исследовано около 20 катакомб рассматриваемого периода, расположенных в Дарьяльском ущелье (Чми-1 и Чми-Суаргом) и в горной зоне неподалеку от него (Даргавс). Некоторые из этих памятников уже давно известны, сведения же о других еще не вошли в научный оборот и ждут публикации.

Далее к востоку обнаружены катакомбные захоронения на могильниках Али-Юрт в Ингушетии, Самашкинский 1, Урус-Мартан 2, Мартан-Чу 2, Шалажинский 1 и 2 на западе Чечни, а также Гоуст, Бердуты и Исти-Су на ее востоке. К третьему периоду можно также отнести единственную катакомбу грунтового могильника

Андрей-Аул 1, 8 из 12 грунтовых катакомб могильника Верхний Чир-Юрт 1 и 36 грунтовых усыпальниц могильника Верхний Чир-Юрт 2, которые находятся в степной части Дагестана. Наконец, на территории Приморского Дагестана найден пока единственный грунтовый катакомбный могильник этого времени Таргу, где раскопано 8 захоронений.

В последующую эпоху VIII–IX вв. происходят существенные перемещения носителей обряда погребения в катакомбах в рамках Северного Кавказа и за его пределами. Прежде всего, исчезают подкурганые катакомбные захоронения, а грунтовые могильники имеют несколько иное по сравнению с предыдущим периодом распространение (рис. 25). Исчезают катакомбные могильники в верховьях Кубани, их практически нет на территории Кисловодской котловины. Зато появляются погребения в катакомбах на территории обширных грунтовых могильников с захоронениями в ямах возле современного Краснодара (МТФ № 3 колхоза им. В. И. Ленина и Старокорсунский), а также погребения в катакомбах предгорной (Песчанка) и горной (Харх, Хулам, Рахты) зоны Кабардино-Балкарии.

В Северной Осетии по-прежнему существует ряд возникших в предшествующий период могильников (Хазнидон, Архон, Дагом, Даргавс, Чми-Суаргом и Чми 1), появляются новые памятники в предгорьях (Алагир, катакомба на территории кирпичного завода г. Владикавказ, могильники Тарский и Тарское), а также в горной зоне (Кари-Цагат, Ход, Верхняя Кобань 2, Чми 5, Балта). Катакомбный обряд погребения продолжает существовать в предгорной зоне Ингушетии (Верхний Алкун) и при этом проникает в ее горную зону (Фуртоуг, Бейни).

На территории Чечни подобные памятники по-прежнему локализуются исключительно на равнинных территориях на западе (Самашкинский 1), в центре (Мартан-Чу 1 и 3, Комсомольское 1, Дуба-Юрт 1 и 2) и на востоке республики (Гоуст, Майртуп-А, Ахкинчу-Барзой 1 и 2). Наконец, на территории степного Дагестана имеются сведения о единственном катакомбном захоронении VIII–IX вв. Бавтугай возле селения Верхний Чир-Юрт.

Мы рассмотрели характерные особенности географического распространения обряда захоронения в катакомбах на протяжении I тыс. н.э. и выделили несколько его локальных ареалов, существовавших одновременно на различных территориях. Это уже говорит о том, что аланское население, оставившее катакомбные могильники, не было единым, что внутри него могли существовать отдельные племенные группы, занимавшие разные территории, но при этом объединенные общим погребальным обрядом. Возвращаясь к интерпретации «Армянской географии», сделанной К. Цукерманом, попытаемся совместить созданную им картину расселения на Кавказе нескольких аланских племенных группировок с картой распространения катакомбных могильников.

Как уже говорилось выше, со временем, отраженным в «Ашхарацуиц», могут быть соотнесены катакомбные погребения третьего периода, широко датирующиеся второй половиной V — первой половиной VIII в. н.э. Для получения более наглядной картины вокруг могильников была построена буферная зона радиусом в 30 км (рис. 26), что является усредненным расстоянием одного дневного конного перехода и может маркировать, таким образом, границы небольших племенных образова-

ний. Подобным образом реконструируются, например, границы небольших племен раннесредневековых тюрингов; близкие расстояния в 40 км используются для определения племенных границ средневековых удмуртов. На этих же расчетах базируется модель ранних государственных образований Колина Ренфрю, используемая также для анализа племенных королевств Англии.

Проведенная процедура позволяет наметить гипотетические границы между ареалами обитания разных аланских сообществ. Разумеется, объективность реконструкции подобных границ напрямую зависит от степени исследованности регионов. В частности, это особенно наглядно проявляется в отсутствии могильников в западной части Кабардино-Балкарии, материалы полевых исследований которой еще не введены в научный оборот. С другой стороны, построение 30-километровой буферной зоны позволяет с очевидностью наметить границы между группировками алан, проживавших в верховьях Кубани и в Кисловодской котловине, и продемонстрировать размытость подобных границ на восточных территориях Осетии, Ингушетии и Чечни. При этом намечаются близкие к 30-километровым буферные зоны, отделяющие могильники Кабардино-Балкарии и Осетии от Ингушетии и Центральной Чечни, а также от Восточной Чечни и Северного Дагестана. Отдельные небольшие группы алан, очевидно, существовали в рассматриваемый период на периферии основного ареала обитания, отделенные от него значительным расстоянием, — это население, оставившее могильники Прочноокопский в верховьях Кубани и Таргунский в Приморском Дагестане.

Если сопоставить результаты картографирования могильников V–VIII вв. с данными о расселении аланских племен по К. Цукерману, то в итоге получается наглядная картина их соотношения в пространстве. Территория племени «аланы» соотносится с группой катакомбных могильников верховьев Кубани (Байтал-Чапкан и Хумаринский), «аш-тигоры» — с компактной группой могильников, расположенных в Кисловодской котловине, «дигоры» — с могильниками Кабардино-Балкарии, предгорной и горной зоны Северной Осетии. Сложнее обстоит с локализацией этнонима «авсурки», за которым могут скрываться носители катакомбного обряда погребения, оставившие могильники в верхнем и среднем течении р. Сунжи, на территории современной Игушети и центральной части Чечни. Катакомбные могильники Восточной Чечни и Северного Дагестана, имеющие некоторые своеобразные черты, пока не соотносятся с племенными названиями алан, выделенными К. Цукерманом при анализе «Армянской географии». К тому же аланская принадлежность некоторых из этих могильников (например, курганного могильника Верхний Чир-Юрт или грунтового Верхний Чир-Юрт 2) вызывает сомнения (*Афанасьев*, 1992. С. 95).

Имеются ли основания говорить о том, что погребальный обряд захоронения в катакомбах второй половины V — первой половины VIII в. имеет локальные особенности в разных регионах Северного Кавказа, за которыми могут стоять племенные группы, обладающие специфическими чертами? Для ответа на этот вопрос попытаемся проанализировать некоторые черты погребального обряда, рассмотренные выше, методами многомерного ста-

статистического анализа, позволяющего проверить закономерность осуществляемой группировки одновременно по большому количеству признаков. Из всего многообразия элементов и деталей погребального обряда остановимся на основных характеристиках погребального сооружения (тип катакомбы, количество камер, форма камеры, присутствие ниши и углубления в полу камеры), а также количества погребенных и положения тела погребенного в камере (головой влево или вправо от входа, вытянуто на спине или скорчено на левом или правом боку, расположение скорченных погребений лицом или спиной к входу). В качестве анализируемого материала рассматриваются 611 катакомб из 55 подкурганых и грунтовых могильников третьего хронологического периода. Сведения о деталях погребального обряда, используемые в анализе, были обобщены в виде частотных характеристик (Коробов, 2017. Табл. 25). Эти характеристики анализировались методом дискриминантного анализа. Данная процедура многомерного статистического анализа позволяет объективно оценить степень надежности проведенных умозрительным способом классификаций.

Суть используемой процедуры заключалась в следующем. Все анализируемые памятники были объединены в несколько территориальных групп, выделенных в свое время путем кластерного анализа по степени близости памятников в пространстве (Коробов, 2003. С. 35–37). Это группы 2 (верховья Кубани), 3 (Кисловодская котловина), 6 (Восточная Кабардино-Балкария и Западная Осетия), 7 (Восточная Осетия и Ингушетия), 8 (Центральная Чечня), 9 (Восточная Чечня) и 10 (Северный Дагестан). Могильник Таргунский, являющийся единственным

памятником рассматриваемого периода на территории Прикаспийского Дагестана (группа 11), исключен из обработки по условиям анализа.

Принадлежность могильников к территориальной группе использовалась в качестве классифицирующей переменной. Далее в ходе анализа применялась каноническая дискриминантная функция, которая является линейной комбинацией дискриминантных переменных (подробнее см.: *Коробов*, 2003. С. 12–13). Эти переменные выбираются таким образом, чтобы средние значения дискриминантных функций для различных классов (используемых групп) как можно больше отличались друг от друга. При этом производится оценка ошибочной классификации, т.е. подсчитывается количество объектов из исходных групп, попавших в другие группы в ходе дискриминантного анализа. Таким образом, в результате анализа проверяется, насколько выделенные группы в действительности различаются по используемым признакам.

Проведенный дискриминантный анализ позволяет подтвердить высокую степень отличий катакомбных могильников разных территориальных групп друг от друга. Результаты ошибочной классификации (*Коробов*, 2017. Табл. 26) демонстрируют, что большинство памятников относятся к своей группе, т.е. обладают особенностями, отличающими их от других могильников. Если ввести своеобразный индекс их идентичности (количество памятников, отнесенных анализом к своей группе), то более 83% катакомбных могильников обладают достаточно весомым набором признаков, отличающих их от других памятников в рамках использованных территориальных групп. Примечательно, что эти показа-

тели сопоставимы с показателями сходства археологического материала, предложенными в свое время вслед за Д. Кларком Г. А. Федоровым-Давыдовым. Он считал, что степень сходства объектов, рассчитанная на основании сравнительного анализа, должна составлять внутри локальных вариантов археологической культуры не менее 65%, внутри археологической культуры — 30–65% и внутри культурно-исторической общности — 5–30%.

Рассмотрим подробнее результаты анализа. Наименьшим своеобразием обладают могильники в верховьях Кубани, соотносимые по схеме К. Цукермана с этнонимом «аланы». Так, из трех памятников всего один (могильник Байтал-Чапкан) отнесен к своей группе, два других (Хумаринский и Прочноокопский) имеют большее сходство с катакомбными могильниками Кисловодской котловины. Отличительной особенностью захоронений в Байтал-Чапкане является преобладание прямоугольных по форме камер с нишами и углублениями в полу, в которых найдены одиночные захоронения, уложенные вытянуто головой влево от входа.

Могильники Кисловодской котловины (предположительное место проживания «аш-тигоров») обладают большой гомогенностью. Здесь доминируют захоронения, сделанные в камерах овальной формы, в которых встречаются ниши и углубления в полу. Присутствуют примерно в равной мере одиночные и парные захоронения, совершенные в вытянутой или скорченной на боку позе, в большинстве своем уложенные головой влево от входа (скорченные погребения — лицом к входу). Исходя из результатов анализа, данный обряд является «каноническим», помимо окрестностей Кисловодска, также

для некоторых могильников с западных (группа 2 — Хумаринский, Прочноокопский) и восточных территорий (группа 6 — Камунта, Садон, Гусара; группа 7 — Чми 1; группа 9 — Исти-Су). Следует отметить, что в некоторых случаях полученный результат является скорее следствием малого количества наблюдений на ряде могильников, хотя имеются примеры обоснованно выделенного сходства (например, Садон — 44 катакомбы).

Около 70% катакомб из Восточной Кабардино-Балкарии и Западной Осетии — ареала обитания племени «дигоры» согласно К. Цукерману — также обладают специфическими чертами, позволяющими выделить их в отдельную группу 6. Хотя в целом известных захоронений здесь немного, намечаются следующие особенности обряда: значительное количество камер прямоугольной формы при преобладании овальной, расположенных перпендикулярно к дромосу, в которых изредка встречаются ниши и углубления. В камерах совершены одиночные, парные и коллективные захоронения, в основном уложенные головой влево от входа, в вытянутой или скорченной позе. В последнем случае погребенные бывают повернуты как лицом к входу, так и спиной к нему. Среди могильников этой группы (Галиат, Хазнидон, Былым, Нижний Джулат, Ход, Дагом) выделяются погребения в Архоне, большинство из которых уложено головой вправо от входа в камеру.

Небольшое количество могильников группы 7 (Восточная Осетия и Ингушетия) обладает некоторым своеобразием, позволяющим половину памятников выделить в отдельную группу. Это захоронения из могильников Даргавс и Чми-Суаргом, на которых обнару-

жено несколько катакомб третьего периода (большинство раскопанных там захоронений относится ко второй половине VIII — концу IX в.). Они совершены в камерах разнообразной формы, но не овальной (прямоугольная, круглая, неправильная), в которых встречаются ниши и углубления. Помимо одиночных и парных, в этих могильниках высок процент коллективных захоронений, совершенных в основном в вытянутой позе. Два других могильника с данной территории отнесены в результате анализа к группе 3 (Чми 1) и к группе 6 (Али-Юрт).

Расположенные к востоку могильники Центральной Чечни, гипотетически являющейся территорией проживания племени «авсурки» (группа 8), также обладают большой гомогенностью. Здесь найдено 5 могильников с захоронениями рассматриваемого периода, совершенными в камерах разных форм с изредка встречающимися нишами. Известны одиночные, парные и коллективные захоронения, уложенные головой влево, вправо или к задней стенке камеры, исключительно в вытянутой позе. В целом данных с этой территории немного.

В восточных районах Чечни к рассматриваемому периоду относится 4 могильника, три из которых объединены в группу 9. Для них характерны погребения в камерах прямоугольной и овальной формы, иногда с нишами, в которых захоронено от 1 до 3 человек, в вытянутой позе головой влево от входа. Еще один могильник — Исти-Су — по своим признакам (овальная камера с одиночным захоронением, уложенным в вытянутой позе влево от входа) стоит ближе к могильникам Кисловодской котловины.

Могильники степного Дагестана (группа 10) всегда рассматривались как особенные, что подтверждается и результатами проведенного дискриминантного анализа. Из пяти могильников один (Андрей-Аул 1) благодаря одиночному захоронению, совершенному в камере прямоугольной формы, отнесен к группе 6. Остальные составляют специфическую группу разнообразных памятников, которые обнаружены в окрестностях Верхнего Чир-Юрта. Принадлежность последних к аланскому этносу вызывает сомнения исследователей (*Афанасьев*, 1992. С. 95; *Савенко*, 2017. С. 26–27).

В целом дискриминантный анализ позволил подтвердить существование нескольких ареалов с разными чертами одного погребального обряда захоронений в катакомбах. Разумеется, появление новых памятников на карте Северного Кавказа внесет свои коррективы в изложенную картину. Однако уже сейчас очевидно, что на протяжении второй половины V — первой половины VIII в. захоронения в катакомбных могильниках не совершались единообразно, что на разных территориях этот общий обряд обладал специфическими чертами. Таким образом, анализ распространения катакомбного обряда погребения в эпоху раннего Средневековья в сопоставлении с данными письменных источников позволяет гипотетически наметить границы территорий, принадлежащих нескольким племенным образованиям алан. Разумеется, на данном этапе наших знаний вряд ли возможно с точностью соотнести локальные варианты аланской культуры с упомянутыми в письменных источниках названиями племен. Однако существование локальных особенностей у алан Северного Кавказа не вызывает со-

мнения. В этом факте заключается потенциальная возможность того, что будущие комплексные исследования разных элементов материальной культуры (погребальный обряд, поселения, типы жилищ, керамика, костюм и др.) позволят более объективно сопоставить картину расселения алан эпохи раннего Средневековья с письменной традицией, донесшей до нас названия аланских племенных образований.

Глава 5

Данные палеогенетики о носителях аланской культуры Северного Кавказа

Представляется, что независимым аргументом в пользу решения вопроса об аланском этногенезе и вкладе носителей аланской археологической культуры в этногенез современных народов Центрального Предкавказья должны стать палеогенетические исследования, проводящиеся на современном научном уровне.

Активное развитие популяционной генетики началось с конца 70-х гг. XX в., но только в самые последние годы достигнуты значительные успехи в области расшифровки древнего и современного человеческого генома. Наибольший интерес у следящей за этой новой информацией публики вызывает сопоставление данных о палео-ДНК с информацией о генетических особенностях современных представителей того или иного этноса. На Северном Кавказе подобный интерес привел к возникновению общественных движений, объединенных в ДНК-проекты по изучению генетических особенностей представителей разных народов, которые регулярно публикуют полученные данные в сети Интернет. Например, на сегодняшний день на одном из ведущих сайтов [Family Tree DNA](#)³ имеется «Кавказский ДНК-проект»,

³ Приводимые данные на середину 2018 г. могут отличаться от более актуальных, поскольку проект Family Tree DNA ре-

объединяющий 1228 человек в основном из Российской Федерации и Грузии, а также из Армении, Азербайджана, Турции, Ирана и еще из более чем 25 стран мира. Там же можно найти сведения и об отдельных национальных ДНК-проектах: осетинском (416 участников), карачаево-балкарском (521 участник), чеченском (896 участников), ингушском (282 участника) и др. При этом не все участники данных национальных проектов причисляют себя к перечисленным выше народам и проживают в составе соответствующих республик Северного Кавказа.

Итак, какими же данными о человеческом геноме оперируют современные палеогенетики? Речь идет об особых маркерах — последовательностях в наборах нуклеотидов⁴, расположенных на трех основных составляющих передающегося по наследству генома человека — 23 пар хромосом, находящихся в ядре клетки, а также митохондриальной ДНК (мтДНК). Двадцать две парные хромосомы (аутосомы), две половые хромосомы X и Y, а также мтДНК человека содержат вместе примерно 3,1 млрд пар оснований нуклеотидов — органических соединений аденина (A) с тиминном (T) и гуанина (G) с цитозином (C).

Постепенно при передаче информации, закодированной в последовательностях цепочек нуклеотидов, накапливаются разнообразные мутации, которые закрепляются в ДНК и передаются по наследству. Набор информации с накопленными на конкретный момент мутациями ДНК называется гаплотипом, а группы

гулярно включает все новые сведения о генетическом портрете представителей разных народов.

⁴ Здесь и далее см. ниже Краткий словарь используемых терминов.

родственных гаплотипов — гаплогруппами (*Балановская, Балановский, 2007. С. 19*). При этом 22 аутосомные хромосомы формируются от обоих родителей, мтДНК наследуется только по материнской линии, хотя присутствует и у мужчин, и у женщин, а Y-хромосома передается только от отца к сыну.

Таким образом, в руки исследователей попадает интереснейший инструмент, который позволяет выстраивать генеалогические цепочки и связывать ушедшие поколения с ныне живущими по материнской (mtДНК) и отцовской (Y-хромосома) линии. Огромное количество аутосомных маркеров позволяет с высокой долей вероятности реконструировать некоторые особенности человеческого облика, например, цвет волос и радужной оболочки глаз или пигментацию кожи.

Анализ мтДНК у современных и древних популяций ведется достаточно давно — с 1990-х гг. Это связано как с ограниченным по количеству набором нуклеотидов, заключенных в оболочке мтДНК (16,5 тыс. пар), так и с ее устойчивостью и хорошей сохранностью в палеоантропологическом материале. К настоящему времени накоплен обширный объем информации о мтДНК многочисленных народов Земли, рассчитан общий женский предок всего современного населения — «митохондриальная Ева», проживавшая в Африке около 185 тыс. лет назад (*Хуснутдинова, 2003. С. 616*), — построено разветвленное дерево гаплогрупп мтДНК человека (*Балановский, 2015. С. 21, 43–44, 139–140*). Однако использование мтДНК в палеогенетике для изучения этногенеза осложняется социальными практиками людей — патрилокальными формами семейных отношений, которые характерны для

большинства современных сообществ и с большой долей вероятности имели широкое распространение в древности. При такой форме брака генетический набор, наследуемый по отцовской линии, остается на месте либо перемещается вместе с популяцией, а мтДНК активно перемешивается вместе с приходом женщин в данную популяцию из других популяций. Эта особенность, которая приводит к большой гетерогенности исследуемых с точки зрения мтДНК популяций и осложняет выделение гаплогрупп, характерных для того или иного населения, уже отмечена в ходе многочисленных исследований современных и древних этносов (*Балановская, Балановский, 2007. С. 158; Балановский, 2015. С. 212–213*).

С этой точки зрения гораздо больший потенциал сулит исследование Y-хромосомы, анализ которой вошел в арсенал эволюционной генетики лишь в самое последнее время (*Хуснудтинова, 2003. С. 620; Балановский, 2015. С. 8, 41–42, 247*). В этой хромосоме содержится значительно больше данных — до 60 млн пар нуклеотидов, — а передача ее по наследству исключительно по мужской линии позволяет осуществлять пространственный анализ распространения тех или иных гаплогрупп и анализировать степень их участия в формировании того или иного этноса более обоснованно.

Начиная с 2002 г., когда впервые было проведено генотипирование Y-хромосомы, появилось огромное количество исследований по генетическому разнообразию современного мужского населения на основе осуществленной классификации Y-гаплогрупп, в том числе на материалах представителей народов Северного Кавказа. Уже начиная с 2004 г. защищен ряд диссертаций:

рассмотрены генетические структуры по данным полиморфизма мтДНК и ядерного генома северокавказских популяций в целом (Т. Ю. Коршунова), проведено популяционно-генетическое исследование народов Дагестана (Б. Б. Юнусбаев), кабардинцев и балкарцев (З. И. Боготова), народов Северо-Западного Кавказа (С. С. Литвинов), тюркоязычных народов Кавказа (Р. А. Схаляхо), абхазо-адыгских народов, грузин и армян (И. Э. Теучеж), балкарцев и карачаевцев (М. А. Джаубермезов). Коллективом генетиков под руководством И. Насидзе уже в 2004 г. опубликованы результаты сравнительного анализа 991 образца мтДНК и 757 образцов Y-хромосомы представителей кавказских народов и выявлены основные закономерности, характерные для современного генетического разнообразия кавказского населения. Эти выводы были существенно дополнены и скорректированы в диссертационном исследовании Х. Д. Дибировой, опубликованном впоследствии в виде статьи коллектива генетиков и лингвистов (*Balanovsky et al.*, 2011), в которой проводится соответствие основных географо-лингвистических регионов Северного Кавказа с генетическими особенностями их населения. В итоге на основе анализа Y-хромосомы 1527 мужчин — представителей разных северокавказских народов — показывается высокая степень соответствия языковой семьи и выделяемых гаплогрупп (*Балановский*, 2015, С. 236–246).

Стоит отметить, что, несмотря на значительное, на первый взгляд, количество рассмотренных образцов ДНК, на представителей каждого народа в перечисленных исследованиях приходится лишь несколько десятков анализов, вошедших в публикацию. Однако количество

полученных результатов ДНК-тестов постепенно увеличивается, а сами данные становятся доступными благодаря возникновению общественных движений по составлению ДНК-генеалогии населения планеты. На уже упоминавшемся выше сайте Family Tree DNA нами были проведены подсчеты процентного соотношения основных гаплогрупп Y-хромосомы представителей разных национальностей, входящих в ДНК-проекты, которые находятся в открытом доступе. Возникает следующая картина генетического разнообразия современного населения центральной части Северного Кавказа, которое может иметь отношение в качестве потомков к аланскому этносу.

Среди 293 представителей осетинской национальности, участвовавших в «Осетинском ДНК-проекте» (URL: <https://www.familytreedna.com/groups/ossetian/dna-results>), существенное большинство — около 66% — является носителями гаплогруппы G2a1 (193 человека). Следующей по количеству представителей стоит гаплогруппа J2a (37 человек, или 12,6%), за ней следует гаплогруппа R1b (25 человек, или 8,5%). Небольшое количество участников проекта — 13 человек (4,4%) — являются обладателями гаплогруппы G2a2. Носители остальных гаплогрупп (C3b2, E1b1, I2c, J1a, L1b, N1c, Q1a1, Q1a2, R1a, T1) встречаются гораздо реже — от 1 до 6 представителей.

Резко отличается от этой картины характеристика генетического разнообразия участников «Ингушского ДНК-проекта» (<https://www.familytreedna.com/groups/ingush/dna-results>). Здесь среди 242 человек, указавших свою ингушскую национальную принадлежность,

подавляющее большинство (200 человек, или 82,6 %) являются носителями гаплогруппы J2. Незначительное количество прошедших ДНК-тестирование относится к гаплогруппам J1 (13 человек, или 5,4 %) и L3 (19 человек, или 7,9 %), остальные немногочисленные гаплогруппы (G2, I2 и R 1a) представлены единичными случаями.

Примечательно, что генетическое разнообразие современного чеченского населения некоторым образом отличается от ингушского. По данным самого многочисленного по числу участников «Чеченского ДНК-проекта» (<https://www.familytreedna.com/groups/chechen-noahcho/dna-results>), объединяющего в общей сложности около 900 человек, из 668 протестированных представителей, указавших свою чеченскую национальность, к гаплогруппе J2 относится лишь около половины (306 человек, или 45,8 %), тогда как значительная часть имеет отношение к гаплогруппе J1 (183 человека, или 27,4 %). Существенно также присутствие в данной выборке носителей гаплогруппы L3 (80 человек, или 12 %). Для чеченского населения характерно значительно большее генетическое разнообразие, чем для ингушского, — здесь наблюдаются представители гаплогрупп Q1a (31 человек, или 4,6 %), G2 (24 человека, или 3,6 %), R 1a и R 1b (по 13 человек, или 1,9 %), а также единичные случаи присутствия гаплогрупп C, E, I2, L2, N, R 2 и T.

Наибольшим генетическим разнообразием отличаются карачаево-балкарцы. По данным «Карачаево-Балкарского ДНК-проекта» (<https://www.familytreedna.com/groups/k-balkar-dna/dna-results>), насчитывающего 521 участника, 369 человек отнесли себя к представителям данного этноса. Из них по 105 человек (28,5 %) при-

надлежат к носителям гаплогрупп G2a1 и R 1a. Меньшее, но осязаемое количество участников относится к гаплогруппе J2 (46 человек, или 12,5%), R 1b (27 человек, или 7,3%), G2a2 и I2a1 (по 20 человек, или 5,4%). 16 человек являются обладателями гаплогруппы Q1a1 (4,3%), 12 человек — гаплогруппы J1 (3,3%). Остальные гаплогруппы (C2, E 1b, I2a2, I2c2, N1c, Q1a2, T) среди карачаево-балкарцев встречаются в единичных случаях.

Интересно отметить, что присутствует некоторое различие в генетическом портрете карачаевцев и балкарцев. Так, среди 169 участников проекта, указавших свою балкарскую идентичность, отсутствуют носители гаплогрупп E 1b, Q1a2 и T (они встречаются только у карачаевцев, участвовавших в данном тестировании). Самыми распространенными у балкарцев являются гаплогруппы G2a1 (47 человек, или 27,8%), R 1a (39 человек, или 23,1%) и J2 (31 человек, или 18,3%), значительно также число носителей гаплогруппы R 1b (18 человек, или 10,7%) и Q1a1 (16 человек, или 9,5%), причем последняя пока что наблюдается только у балкарских участников проекта, большая часть из которых относится к басынтам — балкарскому княжескому клану (таубии), который политически объединял фамилии Абаевых, Кучуковых, Амирхановых, Биевых, Заниюковых (Женокowych), Жанхотовых, Айдабуловых и Шахановых. Это наблюдение было недавно опубликовано В. М. Гурьяновым (*Гурьянов, 2016*). В отличие от балкарцев, среди 187 карачаевских участников ДНК-проекта наиболее распространенной была гаплогруппа R 1a (64 человека, или 34,2%), на втором и третьем месте по количеству находятся носители гаплогруппы G2a1 (56 человек, или

29,9%) и I2a1 (18 человек, или 9,6%), а носители гаплогруппы J2 занимают четвертое по численности место (12 человек, или 6,4%).

Приведенные выше данные не претендуют на статус научной сводки информации, отражая лишь самые общие тенденции в генетическом разнообразии северокавказских народов, которые мы можем получить по открытым источникам. Однако они прекрасно соотносятся с выводами генетиков, опубликованными в самое последнее время в научных журналах. Так, в упоминавшейся выше статье — совместном труде коллектива специалистов в области популяционной генетики, географии и лингвистики (*Balanovsky et al.*, 2011) — на основе анализа Y-хромосомы 1525 мужчин — представителей разных народов Северного Кавказа — показывается высокая степень соответствия географо-лингвистических и генетических групп северокавказского населения. Среди ираноязычных осетин большинство является носителями гаплогруппы G2a1a (55,9% дигорцев и 72,6% иронцев). Подавляющее большинство нахоязычных ингушей (87,4%) относятся к гаплогруппе J2a4b, тогда как среди родственного им в языковом отношении чеченского населения, проживающего в Ингушетии, Чечне и Дагестане, носители данной гаплогруппы составляют от 51 до 58%, а от 16 до 25% относятся к гаплогруппе J1. Эта гаплогруппа характеризует большинство проанализированного населения Дагестана, относящегося к той же нахо-дагестанской языковой семье, где ее носители среди аварцев, даргинцев, кубачинцев, кайтагцев и лезгин составляют от 44,4 (лезгины) до 99% (кубачинцы). Носители северозападнокавказских языков адыго-абхазской

языковой группы соотносятся с гаплогруппой G2a3b1, которая наиболее характерна для шапсугов (86%) и в меньшей степени — для черкесов (29,6%) и абхазов (20,7%). По результатам специального исследования генофонда абхазо-адыгских народов, проведенного И. Э. Теучеж, эта гаплогруппа наилучшим образом характеризует представителей всех проанализированных субэтнических групп адыгейцев (от 53 до 86%) и в меньшей степени встречается в популяциях кабардинцев, черкесов, абазин и абхазов (частота от 18 до 30%) (Теучеж, 2013. С. 11).

В цитируемой публикации отсутствуют сведения о тюркоязычных народах Северного Кавказа — карачаевцах и балкарцах, — сравнительному анализу генофонда которых посвящены диссертационные исследования Р. А. Схалыхо и М. А. Джаубермезова (Схалыхо и др., 2013; Джаубермезов, 2019). Результаты анализа генетического спектра гаплогрупп весьма близки приведенным выше подсчетам: гаплогруппа R1a1a наблюдается с частотой 36% у карачаевцев и 24% у балкарцев, а частота встречаемости гаплогруппы G2a составляет 31% у карачаевцев и 33% у балкарцев. При этом субветвь G2a1a-R18 отмечена у карачаевцев с частотой 20% и у балкарцев — 11%. Авторы статьи предполагают, что данная субветвь гаплогруппы G2a является общим генетическим пластом с осетинским населением, у которого она составляет в среднем 66%, и может рассматриваться как скифо-сармато-аланский компонент в этногенезе перечисленных народов (Схалыхо и др., 2013).

По уточненным и более детальным данным М. А. Джаубермезова показано, что 58,1% генетического разнообразия гаплогрупп Y-хромосомы в популяции карачаевцев

и субпопуляциях балкарцев приходится на гаплогруппы G2a1a1a1a (21%), R1a1a1b2a2a1 (21%), R1b1a1a1 (8,3%) и J2a1a1a2b2 (7,8%). Автором впервые выявлено, что доминирующей линией гаплогруппы R1a1a Y-хромосомы в популяциях карачаевцев (30,1%) и балкарцев (16,2%) является R1a1a1b2a2a1, что связано с переднеазиатским и среднеазиатским влиянием. Были высказаны предположения о южносибирском влиянии на формирование некоторых субпопуляций балкарцев, например чегемцев, у которых 32,2% протестированных мужчин обладает гаплогруппой R1b1a1a1 Y-хромосомы, в то время как в среднем по балкарцам ее частота составляет 11,5%, а в популяции карачаевцев не превышает 2,4%. Гаплогруппа Q1a2 Y-хромосомы, ассоциированная с тюркской экспансией, с максимальными для всего Кавказа частотами была обнаружена в наиболее восточных субпопуляциях балкарцев: безенгиевцев (13,2%) и малкарцев (7,4%).

Насколько перечисленные данные о генетическом своеобразии народов Северного Кавказа могут соответствовать данным палео-ДНК, полученным при анализе костных останков представителей аланской археологической культуры? И можно ли говорить об особой «аланской» гаплогруппе, характерной для этого населения? Обратимся к результатам исследований группы археологов, антропологов и палеогенетиков, возглавляемой доктором исторических наук профессором Г. Е. Афанасьевым.

Прежде всего, следует отметить, что это исследование ведется на самом острие современной науки. Революционные знания о древнем человеческом геноме получены только в самое последнее время. Так, в статье международного коллектива генетиков, выполняющего анализы

древней ДНК в Центре геогенетики Музея естественной истории Копенгагенского университета (Дания) под руководством Э. Виллерслева, опубликованной в журнале «Nature» в январе 2017 г., перечисляются следующие важнейшие события в данном направлении науки:

2010 г. — расшифрован первый древний геном человека; получены черновики первого генома неандертальца и первого генома денисовца; стартовал проект «1000 геномов»;

2011 г. — получен первый геном австралийского аборигена, секвенированный из пучка волос возрастом 90 лет;

2012 г. — секвенировали геномы неолитических европейцев;

2014 г. — секвенировали геном человека культуры клювис, возраст 12,6 тыс. лет; секвенировали геном со стоянки Мальта, возраст 23 тыс. лет; секвенировали геном из Усть-Ишима, возраст 45 тыс. лет; секвенировали верхнепалеолитические геномы возрастом 36–38 тыс. лет;

2015 г. — секвенировали геном европейца с недавними включениями из неандертальского генома возраста 37–42 тыс. лет; проведено геномное исследование большой популяции европейцев и азиатов бронзового века, а также большое геномное исследование древних и современных коренных американцев, палеоэскимосов и инуитов;

2016 г. — проведены большие популяционные геномные исследования евразийцев и австралийцев, а также большое геномное исследование палеолитических европейцев.

Только за последние два года в журнале «Nature» вышли две важнейшие статьи, в которых рассматриваются результаты анализа палео-ДНК носителей культур эпохи бронзы на Кавказе и жителей Евразии в раннем железном веке — раннем Средневековье, в том числе представителей скифской, сарматской и аланской археологических культур (*de Barros Damgaard et al.*, 2018; *Wang et al.*, 2019). Несомненно, количество подобных исследований будет нарастать как снежный ком, и в ближайшее время мы станем свидетелями интереснейших открытий в области изучения родственных связей и генетических особенностей людей в древности и Средневековье на всей планете. Но стоит отметить, что в настоящий момент научное сообщество оперирует весьма ограниченным количеством генетических анализов, связанных с археологическими материалами, — счет их идет на единицы и в лучшем случае на десятки. Поэтому появление любой новой информации способно иногда в корне поменять наши представления о древнем геноме (*Балановский*, 2015. С. 148, 262, 265).

Анализ образцов палео-ДНК проводился в Лаборатории современной антропологии Фуданьского университета КНР, Центре геогенетики Музея естественной истории Копенгагенского университета (Дания), других лабораториях и получил освещение в ряде публикаций (*Афанасьев и др.*, 2015; *Афанасьев, Гамуев*, 2016; *Афанасьев*, 2018; *de Barros Damgaard et al.*, 2018). В ходе анализа палео-ДНК серии индивидов, погребенных в катакомбных могильниках Северного Кавказа и Среднего Дона, которых мы обычно ассоциируем с представителями аланского этноса, были получены следующие сведения об особенностях их генома (табл. 1).

Таблица 1

Данные о палео-ДНК сарматских и аланских погребений на 2018 г.⁵

Лабор. №	Могильник	Погребение	Дата	Культура	Пол	мтДНК	У-хромосома
A-80301	Подгоровский	Кат. 12-п.1	VIII–IX вв.	СМК	Муж.	I4a	R1a1a1b2a2
A-80302	Подгоровский	Кат. 8	VIII–IX вв.	СМК	Жен.	D4m2	—
A-80303	Бесланский	Кат. 75	II–III вв.	Аланская	Муж.	H1C21	J1
A-80304	Бесланский	Кат. 36	II–III вв.	Аланская	Муж.	K1a3	J1
A-80305	Левоподкумский I	Кат. 1-п.1	IV в.	Подкумок – Хумара	Муж.	W1c	R1a1a1b2a2
A-80307	Клин-Яр 3	Кат. 381	V–VI вв.	Аланская	Муж.	X2i	G2a
A-80410	Подгоровский	Кат. 11-п.3	VIII–IX вв.	СМК	Муж. ?	?	G
A-80411	Подгоровский	Кат. 10	VIII–IX вв.	СМК	Муж. ?	?	J2a
DA134	Чеботарев V	Кург. 1-п.2	1933 BP ⁶	Сарматская	Муж.	I1	R1a1a1b2a2b2b
DA136	Несветай II	Кург. 37-п.1	I в.	Сарматская	Муж.	A+152+16362	R1
DA139	Чеботарев V	Кург. 1-п.1	I в.	Сарматская	Жен.	U2e1h	—

⁵ Лабораторные номера образцов, начинающиеся на «A», соответствуют анализам, сделанным в Фунданском университете КНР, на «DA» – в Центре геогенетики в Дании.

⁶ Здесь и далее даются усредненные радиоуглеродные даты налеоантропологических образцов – количество лет назад (BP).

Окончание табл. 1

Лабор. №	Могильник	Погребение	Дата	Культура	Пол	мт/ДНК	Y-хромосома
DA141	Несветай II	Кург. 33-п.1	I в.	Сарматская	Муж.	A+152+16362	Q1b1a3a
DA143	Несветай IV	Кург. 3-п.1	I в.	Сарматская	Жен.	U 4b1a4	—
DA144	Чеботарев V	Кург. 6-п.1	I в.	Сарматская	Муж.	H28	R 1a1a1b2a2a3
DA145	Камышевский X	Кург. 2-п.1	I в.	Сарматская	Муж.	U 2e1h	R
DA146	Дагомский	Кат. 18-п.3	VII–VIII вв.	Аланская	Жен.	HV2a1	—
DA160	Дагомский	Кат. 15	VII–VIII вв.	Аланская	Жен.	U 4d3	—
DA161	Архонский	Кат. 11	VI–VIII вв.	Аланская	Муж.	X2f	Q1b1a3a
DA162	Бесланский	Кат. 439	II–IV вв.	Аланская	Муж.	H13a2c	Q1b1b1
DA164	Змейский	Кат. 182-п.2	X–XIV вв.	Аланская	Жен.	H5	—
DA182	Змейский	Р1-кат. 12-п.3	X–XIV вв.	Аланская	Муж.	U 5a	?
DA183	Змейский	Р1-кат. 23-п.2	X–XIV вв.	Аланская	Муж.	J1c11a	?
DA188	Подгоровский	Кат. 12-п.1	1116 BP	СМК	Муж.	I5a4	?
DA189	Дмитровский	Кат. 172-п.2	VIII–IX вв.	СМК	Муж.	J1b4	R1
DA190	Дмитровский	Кат. 171-п.1	1283 BP	СМК	Муж.	U 1a1c1	G2a1a1a
DA243	Левоподжумский I	П1/2	1533 BP	Аланская	Муж.	W1c	R 1a1a1b2a2a3

Из 19 образцов, проанализированных на сегодняшний день, получены сведения о 12 носителях определенных гаплогрупп по Y-хромосоме и проведено секвенирование 17 образцов мтДНК. И в том, и в другом случае наблюдается значительное разнообразие выделенных генетиками гаплогрупп аланского населения. Разнообразие мтДНК не будет рассматриваться как малоинформативное для нашей цели определения аланского генетического вклада в формирование современных северокавказских народов (*Балановский*, 2015. С. 145–146, 160, 198, 207, 212–213). Сосредоточим свое внимание на данных по Y-хромосоме.

В опубликованных материалах не приводятся сведения о глубоком секвенировании палео-ДНК по данному показателю. Однако практика открытого доступа к первичной информации, полученной при расшифровке ДНК (так называемым «БАМ-файлам»), приводит к тому, что любой желающий может осуществить соотнесение образца с известными гаплотипами, определить соответствующую гаплогруппу и сделать результат открытым для интернет-сообщества. Обновленная информация о соотнесении образцов, изученных в ходе проекта по расшифровке палеогенома кочевнического населения Евразии, полученная в Центре геогенетики Музея естественной истории Копенгагенского университета (Дания), доступна на специальном сайте «Ancient Eurasian Steppe selected Y-DNA and mtDNA haplogroups, and Gedmatch IDs: Scythians, Xiongnu, Huns, Turks, and Mongols» (URL: http://open-genomes.org/analysis/Eurasian_Steppe_Y-DNA_mtDNA_Gedmatch.html). Интересующие нас гаплотипы были соотнесены с гаплогруппами иерархического

дерева Y-хромосомы 2018 г., которые являются предметом специальной договоренности генетического сообщества и также доступны в сети Интернет (сайт «Y-DNA Haplogroup Tree 2018», URL: <https://isogg.org/tree/2018/index18.html>). Результаты этого соотнесения помещены в табл. 1.

Имеющиеся данные были сопоставлены Г. Е. Афанасьевым и его соавторами с результатами секвенирования палео-ДНК из подкурганых погребений среднесарматской культуры Нижнего Дона I в. н.э. (Афанасьев, 2018), откуда были получены сведения о 7 образцах мтДНК и 5 образцах Y-хромосомы. Примечательно, что в 4 из 5 случаев в сарматских погребениях обнаружена гаплогруппа R(1a), причем при анализе на уровне субкладов в двух случаях речь идет о гаплогруппе R1a1a1b2a2. Это может говорить о высоком единообразии среднесарматского населения с точки зрения генофонда. Авторы исследования отмечают, что нет никакой значимой связи между характеристиками среднесарматских и кангюйских образцов с образцами из северокавказской аланской коллекции, из чего генетиками П. Де Барроз Дамгаардом, М. Сикору, Э. Виллерслевом и археологом К. Кристиансеном был сделан вывод о том, что сарматы не приняли участие в формировании аланского генофонда (*de Barros Damgaard et al.*, 2018. Supplementary. P. 194). По мнению Г. Е. Афанасьева, данное предположение требует перепроверки путем исследования генетических характеристик позднесарматских образцов, т.к., по мнению ряда кавказоведов, именно поздние сарматы дают импульс к возникновению на Северном Кавказе аланской культуры (Афанасьев, 2018. С. 286).

Среди носителей аланской культуры, происходящих из катакомбных погребений как Северного Кавказа, так и Среднего Дона, большинство имеющихся на сегодняшний день данных относится к гаплогруппам, характерным для современных народов Северного Кавказа, речь о которых шла выше. Это представители гаплогруппы G2, G2a и G2a1 (последняя широко распространена среди осетинского населения, а также в значительной степени среди карачаево-балкарцев), J1 (характерной для народов Дагестана и в меньшей степени для чеченцев), J2a (в высокой степени распространенной среди ингушского населения). Однако треть секвенированных образцов (4 из 12) относилась к гаплогруппе R, причем три из них — к гаплогруппе R1a1a1b2a2 (образцы DA243, A-80301 и A-80305), характерной для сарматского населения. К этой субветви R-Z2124, по данным сайта Family Tree DNA, относится единственный представитель балкарцев из фамилии Кубадиевых, еще 13 представителей карачаевцев и балкарцев, а также два чеченца принадлежат к субкладам данной гаплогруппы R1a (Z2122, Z212, YP450, YP449, Y57, Y52, F2935, S23201).

Два образца «аланской» палео-ДНК и один представитель среднесарматской культуры относятся к гаплогруппе Q (образцы DA141, DA161 и DA162), в том числе к субкладу Q-L330 (Q1b1a3a), который широко распространен в настоящий момент среди народов Центральной Азии и Сибири. По данным «Карачаево-Балкарского ДНК-проекта», среди современных кавказцев к этому субкладу относится один представитель карачаевской фамилии Берберовых, переселившийся из Турции.

Исходя из лингвистического определения аланского языка как североиранского и его родственной связи с сарматским языком (см. главу 2), логично предположить, что основополагающей генетической компонентой в этногенезе алан должна быть «сарматская» составляющая, представленная на сегодняшний день в основном гаплогруппой R1a1a1b2a2 и ее субкладами. При этом, учитывая предполагаемое наложение аланского суперстрата на кавказский субстрат, мы вправе ожидать присутствие некоторого кавказского генетического вклада в формирование аланского средневекового этноса в регионе. Однако ситуация с полученными данными на сегодняшний день выглядит прямо противоположной — мы наблюдаем преобладание гаплогрупп Y-хромосомы, характерных для северокавказского населения, при наличии определенного вклада носителей гаплогруппы R1a1a1b2a2 (один образец, происходящий из Подгоровского могильника салтово-маяцкой культуры, и два образца из Левоподкумского могильника близ Кисловодска). Эта гаплогруппа, по расчетам генетиков, сформировалась между 4100 и 5400 лет назад, она распространена очень широко на просторах Евразии и характерна, по-видимому, для населения индоиранского происхождения. Так, по данным обобщения коллектива генетиков и археологов, опубликованного в 2015 г. в журнале «Nature», носителями гаплогруппы R1a1a1b2 являются четыре представителя срубной культуры и один — скифской. В настоящий момент она характерна для жителей Центральной и Южной Азии, ее встречали у населения Алтая бронзового века (*Mathieson et al.*, 2015. P. 3, 45).

Авторы исследования палеогенома сарматских и аланских образцов не смогли проследить непосредственной связи северокавказских алан с населением среднесарматской культуры Нижнего Дона по данным сопоставления аутосомных маркеров (*de Barros Damgaard et al.*, 2018. Supplementary. P. 194). Однако, исходя из полученных коллективом Г. Е. Афанасьева данных, два образца из сарматских погребений и два из аланских катакомб совпадают на достаточно глубоком уровне гаплотипирования Y-хромосомы. Интересно отметить, что еще один такой образец происходит из двухкамерной катакомбы могильника Левоподкумский 1, которую В. Ю. Малашев относит к местному типу захоронений культурной группы «Подкумок — Хумара» (образец DA243). Исследователь считает, что данная культурная группа представляет собой автохтонное кавказское население, сложившееся под влиянием среднесарматской культуры и испытывавшее влияние ранних алан, но не идентичное им (*Габуев, Малашев*, 2009. С. 157–158). Примечательно, что при сравнении двух погребенных из могильника Левоподкумский 1, о котором шла речь в первой главе настоящего издания, оказывается, что представитель «аланского» населения, погребенный в Т-образной подкурганной катакомбе и имевший долихокранный облик (образец А-80305), имеет те же генетические характеристики как по мтДНК (гаплогруппа W1c), так и по Y-хромосоме (гаплогруппа R1a1a1b2a2), что и погребенный в двухкамерной катакомбе (образец DA243) — носитель «субстратного» погребального обряда и мезо-брахикранного антропологического типа. Это обстоятельство уже было отмечено Г. Е. Афанасьевым, подчеркивавшим,

что глубина изучения данных образцов не позволяет однозначно утверждать наличие или отсутствие близких родственных связей между этими двумя индивидами (Афанасьев, 2018. С. 287). Тем не менее данный факт демонстрирует нам всю сложность и неоднозначность интерпретаций археологических, антропологических и генетических источников.

Еще один важный вывод, который можно сделать из полученных данных об аланской палеогенетике, — это установление однозначной связи между носителями катакомбного обряда погребения на Северном Кавказе и на Среднем Дону, что говорит о доминирующем вкладе северокавказских алан V–VIII вв. в генофонд донских алан VIII–IX вв. Этот вывод еще раз подтверждает сделанное ранее и на археологическом, и на антропологическом материале предположение о миграции в середине VIII в. части северокавказских алан в бассейн Дона (Афанасьев, 2018. С. 287).

Помимо изучения Y-хромосомы, в последнее время все больший интерес проявляется к аутосомным маркерам — наборам нуклеотидов, расположенных на 22 парных хромосомах человеческого генома. Обработка крупного массива данных по древним и современным аутосомным маркерам, проведенная энтузиастами ДНК-генеалогии, позволила в результате кластер-анализа построить общее иерархическое дерево, на котором в 128 кластерах размещено 4223 индивидуума (около 3 тыс. современных носителей ДНК и более 1250 древних) (URL: http://www.open-genomes.org/analysis/PCA/Tests/Ashkenazi/OG1-Ted-Global25-clustered_tree.pdf). Включенные в анализ пять образцов ДНК из аланских катакомбных погребений

ний (DA160, DA146, DA243, DA162 и DA164) попали в два кластера, объединяющие в основном представителей кавказских народов. Сюда же относится один образец ДНК из погребения крымского острогота. Примечательно, что 11 из 12 образцов сарматского происхождения попадают в другой кластер населения с характеристиками, близкими древним и средневековым обитателям уральских и среднеазиатских степей.

В целом же, подытоживая данный раздел, следует отметить, что палеогенетические исследования ДНК носителей катакомбного обряда погребения на Северном Кавказе во II–XIV вв. демонстрируют нам очевидную сложность и многокомпонентность аланского этноса. Следуя гипотезе В. Ю. Малашева, в полученных результатах можно увидеть отражение формирования аланской археологической культуры на основе оседлого и кочевого населения центральных и восточных районов Предкавказья II в. до н.э. — I в. н.э. с участием среднесарматского степного компонента (Малашев, 2016. С. 60–61). Скорее всего, само это население появилось в результате длительного смешения ираноязычных племен с автохтонными кавказскими этническими группами — потомками носителей кобанской культуры, о чем писал Е. И. Крупнов более полувека назад (Крупнов, 1967. С. 33).

Однако есть некоторые моменты, которые обращают на себя внимание при рассмотрении полученных палеогенетических результатов о носителях аланской культуры на Северном Кавказе. Это значительность вклада кавказского субстрата в формирование аланского этноса, хотя, разумеется, объективных критериев для количественной оценки этого вклада, как справедливо отмечал

В. И. Абаев, не существует (Абаев, 1967. С. 313). Любопытно, что самые древние образцы из рассмотренных на сегодняшний день — погребенные в подкурганых катакомбах Бесланского могильника II–IV вв. — в двух случаях относятся к гаплогруппе J1 (образцы А-80303 и А-80304) и в одном — к гаплогруппе Q1b1b1 (образец DA162, субклад Q-Y4000), которые в настоящий момент имеют наиболее широкое хождение среди находгагестанских народов, в рассматриваемом случае — среди чеченцев (Balanovsky et al., 2011. P. 2911; Гурьянов, 2016. С. 163–164).

При этом непосредственной связи населения сарматского и аланского периода с более древними кавказскими культурами эпохи энеолита и бронзового века по генетическим данным пока что не прослеживается. Из 22 гаплотипированных образцов Y-хромосомы представителей куро-аракской, майкопской, новосвободненской, ямной, катакомбной, северокавказской и других культур, упоминаемых в недавно опубликованном исследовании В. Хаака и др. (Wang et al., 2019), есть лишь два случая совпадения на уровне основных гаплогрупп J1 и J2a (погребения в Великенте и Унакозовской). Очевидно, что не хватает данных о генетическом портрете носителей кобанской культуры, потомки которой, скорее всего, и послужили «субстратом» при формировании алан на Северном Кавказе. Весьма вероятно, что мужчины из кобанских захоронений будут иметь гаплотипы, схожие как со средневековым аланским, так и с современным северокавказским населением.

Разумеется, в случае сопоставления образцов палеодНК с данными современного тестирования следует учи-

тывать, что далекие потомки древнего и средневекового населения могут не отражать тот спектр генетического разнообразия, который присутствовал у их предков. Нужно принимать во внимание так называемый «эффект бутылочного горлышка», когда в ходе вражеских нашествий, пандемий, природных катастроф потомство оставляли лишь немногочисленные выжившие, а большинство населения погибало, и вместе с ними угасали семейные ветви, несущие свою генетическую информацию. Мы же в настоящий момент располагаем единичными результатами определений палео-ДНК и слишком малым количеством образцов современного населения. Так, например, из примерно 700 тыс. осетин протестировано на сегодняшний день, по данным сайта Family Tree DNA, не более 360 мужчин, а из 2 млн чеченцев — чуть более 760. Однако очевидно, что революционные изменения в изучении человеческого генома, происходящие в наши дни, дают нам в руки мощный инструмент, который при осторожном и вдумчивом использовании может дать новые представления о сложном процессе формирования современных этнических массивов и их связи с древними и средневековыми археологическими культурами.

Главное в этом процессе — не слишком увлекаться сопоставлением генетических характеристик с этническими группами. Ведь принадлежность к той или иной гаплогруппе еще не говорит о принадлежности к этносу. Этнос — не биологическое понятие, и эта азбучная истина постоянно повторяется в исследованиях генетиков (*Балановский, Балановская, 2007. С. 315*). Любой народ состоит из множества индивидов, каждый из которых имеет свою генетическую историю, сложную и неоднозначную.

Обладая разными генеалогическими корнями, люди могут объединяться в один этнический массив на основе общего самосознания о своей принадлежности к тому или иному народу, выражающегося в особенностях языка, культуры, социального и политического устройства и многих других факторов. Так было в прошлом, так остается и поныне.

Заключение

В заключение следует отметить, что проблема возникновения аланской археологической культуры, а вместе с ней и проблема этногенеза некоторых народов Северного Кавказа — осетин, карачаевцев, балкарцев, ингушей, чеченцев — на сегодняшний день не является решенной ни археологическими, ни антропологическими, ни палео-генетическими методами. Так, например, начиная с середины 1960-х гг. процесс этногенеза осетин сводился к взаимодействию двух основных компонентов — «субстратного» северокавказского и «пришлого» скифо-сармато-аланского. Эта точка зрения доминирует и сегодня, что показал прошедший во Владикавказе в 2013 г. Международный научный конгресс «Этногенез и этническая история осетин» (Кузнецов, 2013), хотя голоса сторонников «чистой» этнической линии преемственности ираноязычных народов в лице скифов, сарматов и алан к осетинам не умолкают и ныне (Гаглойти, 2014).

По-прежнему наилучшим образом прослеживается преемственность современных осетин со средневековыми аланами по данным языка. Неслучайно именно лингвистическому вопросу в проблеме «аланского наследия» уделяется столь пристальное внимание адептов «фольк-хистори», не устающих отрицать общепринятые взгляды лингвистов на алан как носителей северо-восточной ветви иранского языка. С другой стороны,

взгляд на осетин как на прямых потомков скифов, сарматов и алан исключительно по языковой их близости также не выдерживает критики. Очевидна сложная история развития аланского языка, вобравшего в себя многие иноязычные компоненты; не исключен переход на аланский язык представителей местных кавказских племен на раннем этапе истории алан, равно как и трансформация некоторой части алан из ираноязычных в тюркоязычные на рубеже I и II тыс. н.э.

Антропологические исследования не позволяют провести прямую линию преемственности между долихокранными носителями аланской археологической культуры и современными представителями кавкасионского и понтийского облика, характерного для большинства населения Центрального Предкавказья. Это наблюдение в равной степени относится как к осетинам, так и к карачево-балкарцам, ингушам и чеченцам.

Не меньшие сложности поджидают археологов, занимающихся выделением аланской археологической культуры. Как и сто лет назад, в это понятие лучше всего вписываются многочисленные катакомбные могильники, погребенные в которых обычно рассматриваются в качестве аланского населения, тогда как этническая интерпретация населения, хоронившего в других погребальных сооружениях (ямах, каменных ящиках, гробницах и склепах, скальных могильниках и пр.), вызывает постоянные дискуссии. Не всеми археологами признается катакомбное сооружение в качестве этнического маркера алан. А сама традиция устройства катакомб прерывается в послемонгольское время с уходом аланского населения с равнинных территорий в горы, где их потомки стано-

вятся археологически неотличимыми от местного населения, поскольку они используют другие формы погребальных сооружений, известных с эпохи бронзы.

Таким образом, рассмотренные в самом общем виде данные лингвистики, антропологии, археологии говорят в пользу сложного характера формирования аланского этноса на Северном Кавказе. Ираноязычные племена алан наложились здесь на мощный автохтонный пласт населения, восходящего, скорее всего, к кобанской археологической культуре, но уже претерпевшего определенные культурные изменения к рубежу эр за счет влияния степных культур сарматского круга. По мнению В. Ю. Малашева, именно среднесарматская культура в сочетании с местными кавказскими сарматизированными общностями, оставившими памятники типа «Чегем-Манаскент», является тем этнокультурным котлом, из недр которого ко II в. н. э. выходят аланские племена (Малашев, 2016. С. 60–61). Они объединяются под общей идеей иранского происхождения, что закреплено в самоназвании «аланы» от иран. *агуа- (арийский), общими религиозными представлениями о потустороннем мире, переход в который должен быть осуществлен через захоронение покойных в катакомбном сооружении, рядом других посмертных культов (почитание огня, лошади и собаки), которые отражаются в их погребальном обряде. Эти племена устраивают обширные укрепленные поселения, на которых процветают сельское хозяйство и ремесло, они совершают вооруженные набеги на соседние области и государства, попадая в поле зрения латинских, византийских, армянских, грузинских историков, а богатая добыча оседает в виде погребальных даров в их катакомбных могилах.

Представляется очевидным, что этот первичный конгломерат племен был достаточно пестрым в этническом плане и включал в себя представителей разных народов. Об этом прямо говорит нам уже упоминавшийся выше римский очевидец событий, связанных с крушением аланского племенного союза в конце IV в. н.э. в результате гуннского нашествия, — Аммиан Марцеллин: «Разделенные таким образом по обеим частям света, аланы (нет надобности перечислять теперь их разные племена), живя на далеком расстоянии одни от других, как номады, перекочевывают на огромные пространства: однако с течением времени они приняли одно имя и теперь все вообще называются аланами за свои обычаи и дикий образ жизни и одинаковое вооружение» (*Аммиан Марцеллин*, 2000. Книга XXXI, 2, 17). Это племенное разнообразие, по-видимому, отражается в их генетическом портрете, первые черты которого стали проступать в самое последнее время благодаря сотрудничеству археологов с палео-генетиками. Оно, очевидно, имеет место и в более позднее время — мы можем наблюдать его в перечислении аланских племен в «Армянской географии» VII в. и видеть отражение этого разнообразия в археологических памятниках на территории Северного Кавказа.

На фоне этих сведений письменных источников и археологии вполне обоснованными выглядят результаты исследования ДНК носителей аланской культуры, в особенности Y-хромосомы как основного индикатора патрилокальных наследственных особенностей алан. Здесь из 12 образцов, полученных к настоящему моменту, четыре относятся к гаплогруппе R1, причем три из них — к гаплогруппе R1a1a1b2a2 и ее субкладам. Скорее всего,

эта гаплогруппа отражает «иранский» след аланского этногенеза, поскольку она прекрасно соотносится с данными о среднесарматском населении Нижнего Дона и более древними образцами скифской и срубной культур. Однако половина полученных образцов может быть соотнесена с местным кавказским населением — носителями гаплогрупп G2, J2 и J1, которые восходят к палеолитическому населению кавказского и, шире, ближневосточного региона (*Balanovsky et al.*, 2011. P. 2915; *Балановский*, 2015. С. 100–104).

Следует все же иметь в виду, что проведенные ДНК-анализы пока что единичны, и в будущем можно ожидать серьезного уточнения как данных палеогенетики, так и сведений о генетическом портрете современного северокавказского населения. Именно поэтому все попытки связать напрямую носителей тех или иных гаплогрупп с аланами и найти их соответствие среди современных представителей кавказских народов выглядят по меньшей мере наивными. В настоящий момент у нас есть совпадения по основным линиям Y-хромосомы проанализированных образцов аланского ДНК со всеми основными участниками ДНК-проектов на сайте Family Tree DNA: G2a1 лучше всего соотносится с осетинским населением, R1a1a и Q-L330 — с карачаево-балкарским, J2a с ингушским, а J1 и Q-Y4000 — с чеченским. Однако нужно понимать, что эти линии наследственности возникли тысячелетия назад — в эпоху камня и бронзы — и к ним относится огромное количество людей, проживающих на широких просторах Евразии и относящихся к самым разным национальностям. Вероятно, с количественным накоплением информации о древнем и современном

ДНК и при более глубоком анализе образцов палеогенома удастся построить генеалогические линии и выявить прямых потомков носителей аланской археологической культуры. Скорее всего, таких окажется единицы — ведь каждый кавказский народ, пройдя неоднократно через «бутылочное горлышко» катастрофических перемен, неминуемо терял большую часть своего генофонда, и носители современных маркеров ДНК являются потомками немногочисленного, многократно просеянного через суровое сито истории населения. Населения, которое смогло все же, несмотря на все катастрофы, сохранить память о своих предках, свой язык и культуру, свое этническое самосознание.

Поэтому главное, как нам кажется, — проявлять в этом вопросе осторожность и не пытаться найти простое и быстрое решение проблемы «аланского наследия». Это наследие многогранно, оно отражено в языке, обычаях, мифах и легендах, материальной культуре всех народов Центрального Кавказа — осетин, балкарцев и карачаевцев, ингушей и чеченцев. На вопрос: «Кто же прямые наследники средневековых алан?», по нашему глубокому убеждению, следует отвечать: «Все наследники, в той или иной степени». Степень этого наследия будет еще очень долго выясняться и уточняться в будущих научных исследованиях. В наши дни следует подумать о том, чтобы превратить «аланское наследие» в объединительную идею, на основе которой народы Северного Кавказа могли бы создавать новую общую идентичность вместо бесконечного выяснения, кто занимает самое старшее и почетное место в «этнической иерархии». Для этого, как нам кажется, есть все необходимые основания.

Краткий словарь используемых терминов⁷

Аутосомы — ряд *хромосом*, передающихся от родителей (одна от отца, другая от матери), составляющий диплоидный (двойной) набор всех хромосом, кроме половых.

Гаплогруппа — группа схожих *гаплотипов*, имеющих общего предка, у которого произошла мутация, унаследованная всеми потомками (обычно — однонуклеотидный полиморфизм, или отличие последовательности *ДНК* размером в один *нуклеотид* (А, Т, G или С)).

Гаплотип — совокупность *генов* на участках одной *хромосомы*, обычно наследуемых вместе.

Ген — структурная и функциональная единица наследственности живых организмов. Ген представляет собой участок *ДНК*, задающий последовательность определенного соединения аминокислот. Гены определяют наследственные признаки организмов, передающиеся от родителей потомству при размножении.

Генетика (от греч. γενετικός — порождающий, происходящий от кого-то) — наука о закономерностях наследственности и изменчивости.

Геном — совокупность наследственного материала, заключенного в клетке организма. Геном содержит биологическую информацию, необходимую для построения

⁷ Данный раздел написан с использованием статей из Википедии.

и поддержания организма. Большинство геномов, в том числе геном человека и геномы всех остальных клеточных форм жизни, построены из *ДНК*. Под геномом также понимают совокупность генетического материала гаплоидного набора *хромосом* данного вида.

Дезоксирибонуклеиновая кислота (ДНК) — макромолекула, обеспечивающая хранение, передачу из поколения в поколение и реализацию генетической программы развития и функционирования живых организмов. Молекула ДНК хранит биологическую информацию в виде генетического кода, состоящего из последовательности *нуклеотидов*.

Митохондриальная ДНК (мтДНК) — ДНК, находящаяся, в отличие от *ядерной ДНК*, в митохондриях — органоидах ядерных клеток, расположенных вне ядра. Энергетическая станция клетки; основная функция — окисление органических соединений и использование освобождающейся при их распаде энергии. У большинства многоклеточных организмов митохондриальная ДНК наследуется по материнской линии.

Нуклеотид — группа органических соединений, представляют собой фосфорные эфиры нуклеозидов — гликозиламинов, содержащих азотистое основание, связанное с сахаром (аденина (А) с тиминном (Т) и гуанина (G) с цитозином (С)).

Популяция — это совокупность организмов одного вида, длительное время обитающих на одной территории (занимающих определенный ареал) и частично или полностью изолированных от особей других таких же групп.

Секвенирование — определение аминокислотной или нуклеотидной последовательности биополимеров (бел-

ков и нуклеиновых кислот — ДНК и РНК). В результате секвенирования получают формальное описание первичной структуры линейной макромолекулы в виде последовательности мономеров в текстовом виде. В ходе секвенирования перекрывающихся участков ДНК получают последовательности участков генов, целых генов и даже полных геномов организмов.

Субклад — термин, используемый для описания подгруппы (ветви) *гаплогруппы*. Широко используется в описании ДНК-генеалогических тестов *митохондриальной ДНК* и *Y-хромосомы*.

Хромосомы — нуклеопротеидные структуры в ядре эукариотической клетки (организма, обладающего оформленным клеточным ядром, отграниченным от цитоплазмы ядерной оболочкой), в которых сосредоточена большая часть наследственной информации и которые предназначены для ее хранения, реализации и передачи. Хромосома эукариот образуется из единственной и чрезвычайно длинной молекулы ДНК, которая содержит линейную группу множества *генов*.

Ядерная ДНК — ДНК, локализованная в ядре эукариотической клетки, в отличие от *митохондриальной ДНК*. Ядерная ДНК состоит из молекул ДНК, содержащихся во всех *хромосомах* клетки.

Y-хромосома — одна из двух половых хромосом в системе хромосомного определения пола XY, которая встречается у многих животных, большинства млекопитающих, в том числе человека. Содержит ген SRY, определяющий мужской пол организма, а также гены, необходимые для нормального формирования сперматозоидов. В отличие от других хромосом, Y-хромосома передается

от отца к сыну в практически неизменном виде. Если при производстве половых клеток в Y-хромосоме мужчины произошла мутация, то все его сыновья получают уже измененную мужскую половую хромосому.

Литература

Абаев В. И. Заключительное слово // Происхождение осетинского народа / [отв. ред. Х. С. Черджиев]. — Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967. — С. 313–315.

Абрамова М. П. Нижне-Джулатский могильник. — Нальчик: Эльбрус, 1972. — 76 с.

Абрамова М. П. К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа // Советская археология. — 1978. — № 1. — С. 72–82.

Абрамова М. П. Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. — М.: ИА РАН, 1997. — 165 с.

Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. — М.: Менеджер, 2003. — 608 с.

Аммиан Марцеллин. Римская история / пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни, 1906–1908; ред., предисл. и комм. Л. Ю. Лукомского. — 3-е изд. — СПб.: Алетейя, 2000. — 576 с.

Афанасьев Г. Е. Этнические аспекты генезиса катакомбного обряда погребений в салтово-маяцкой культуре // Аланы и Кавказ / отв. ред. В. Х. Тменов. — Владикавказ; Цхинвал: СОИГИ, 1992. — С. 83–97.

Афанасьев Г. Е. Некоторые дополнения к исторической интерпретации новых генетических исследований сармато-аланских образцов // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX

«Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Материалы Международной научной конференции / [отв. ред. У. Ю. Кочкаров]. — Карачаевск: Карачаево-Черкесский гос. ун-т, 2018. — С. 284–289.

Афанасьев Г. Е., Гатуев Д. С. Генетические исследования алан II–IX вв. // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции / [отв. ред. М. Х. Багаев, Х. М. Мамаев]. — Грозный: Изд-во Чеченского гос. ун-та, 2016. — С. 181–183.

Афанасьев Г. Е. и др. Новые археологические, антропологические и генетические аспекты в изучении донских алан // Краткие сообщения Института археологии РАН. — 2015. — Вып. 237. — С. 64–79.

Байчоров С. Я. Древнетюркские рунические памятники Европы. — Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1989. — 269 с.

Балановская Е. В., Балановский О. П. Русский генофонд на Русской равнине. — М.: ООО «Луч», 2007. — 416 с.

Балановский О. П. Генофонд Европы. — М.: Тов-во науч. изданий КМК, 2015. — 354 с.

Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. Нижний Архыз и Сенты — древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Кавказа. — М.: Индрик, 2011. — 392 с.

Березина Н. Я., Фризен С. Ю., Коробов Д. С. Антропологические материалы из курганного могильника Левоподкумский 1 (Кисловодская котловина) // Вестник антропологии. — 2014. — № 1 (27). — С. 170–178.

Гатуев Т. А. Ранняя история алан (по данным письменных источников). — Владикавказ: Иристон, 1999. — 148 с.

Габуев Т. А., Малашев В. Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. — М.: ТАУС, 2009. — 468 с.

Гаглойти Ю. С. Некоторые проблемы этногенеза и этнической истории осетин // Этногенез и этническая история осетин: материалы Межд. науч. конференции 15–16 мая 2014 г. / науч. ред. В. Б. Тедеев. — Цхинвал: Изд-во ЮОГУ, 2014. — С. 3–18.

Гаджиев М. С., Кузнецов В. А., Чеченов И. М. История в зеркале паранауки: Критика современной этноцентристской историографии Северного Кавказа. — М.: ИЭА РАН, 2006. — 300 с.

Герасимова М. М. Краниологические особенности средневекового населения Куртатинского ущелья: к вопросу об этнической истории Осетии // Археология Северной Осетии. Часть 2 / отв. ред. А. А. Туаллагов. — Владикавказ: СОИГСИ, 2007. — С. 409–427.

Гурьянов В. М. Гаплогруппа Q на Северном Кавказе (по данным полного секвенирования Y-хромосомы // Труды Евразийского общества генетической генеалогии. Генетическая история народов Евразии. Сб. статей. — 2016. — С. 160–167.

Джаубермезов М. А. Генофонд популяций балкарцев и карачаевцев по данным комплексного исследования митохондриальной днк, Y-хромосомы и полногеномного анализа: автореф. дис. ... канд. биол. наук. — Уфа: БашГУ, 2019. — 24 с.

История Ингушетии / отв. ред. Н. Д. Кодзоев. — Магас; Нальчик: ООО «Тетраграф», 2011. — 483 с.

Камболов Т. Т. Очерк истории осетинского языка. — Владикавказ: Ир, 2006. — 463 с.

Клейн Л. С. Этногенез в археологии. Т. 1. Теоретические исследования. — СПб.: Евразия, 2013а. — 528 с.

Клейн Л. С. Этногенез в археологии. Т. 2. Арии и *varia*. — СПб.: Евразия, 2013б. — 528 с.

Ковалевская В. Б. Кавказ — скифы, сарматы, аланы. I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. — М.: ИА РАН, 2005. — 398 с.

Коробов Д. С. Социальная организация алан Северного Кавказа IV–IX вв. — СПб.: Алетей, 2003. — 380 с.

Коробов Д. С. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н.э.: Ландшафтная археология Кисловодской котловины. — М.; СПб.: Нестор-История, 2017. — Том 1. — 384 с.; Том 2. — 312 с.

Крупнов Е. И. Проблема происхождения осетин по археологическим данным // Происхождение осетинского народа / [отв. ред. Х. С. Черджиев]. — Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967. — С. 22–41.

Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. — М.: Изд-во АН СССР, 1962. — 164 с.

Кузнецов В. А. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V–XIII веках // Советская археология. — 1973. — № 2. — С. 60–74.

Кузнецов В. А. Археология и этногенез осетин // Этногенез и этническая история осетин: материалы Межд. науч. конгресса (Владикавказ, 21–22 мая 2013 г.) / сост. Б. Б. Басаев. — Владикавказ: Ир, 2013. — С. 14–27.

Кузнецов В. А. Северное Приэльбрусье и Кисловодская котловина в свете алано-осетинской проблемы. — Владикавказ: Проект-Пресс, 2014. — 208 с.

Кузнецов В. А. Ясы и куны Венгрии. — Владикавказ: Проект-Пресс, 2015. — 96 с.

Кулланда С. В. Этногенез осетин по лингвистическим данным // Этногенез и этническая история осетин: материалы Межд. науч. конгресса (Владикавказ, 21–22 мая 2013 г.) / сост. Б. Б. Басаев. — Владикавказ: Ир, 2013. — С. 122–131.

Лебединский Я. Аланы и сарматы в Галлии в IV–V вв. История и наследие. — Владикавказ: Проект-Пресс, 2016. — 256 с.

Малашев В. Ю. Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II — середины V в. н. э. — М.: ИА РАН, 2016. — 208 с.

Малашев В. Ю., Гаджиев М. С., Ильюков Л. С. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н. э. — Махачкала: Мавраевъ, 2015. — 452 с.

Малашев В. Ю., Торгоев А. И. Т-образные катакомбы сарматского времени Северного Кавказа и Средней Азии // Российская археология. — 2018. — № 4. — С. 36–52.

Мамаев Х. М., Фризен С. Ю., Фризен О. И. Новые краниологические материалы из Чечни // Вестник Академии наук Чеченской Республики. — 2015. — № 2 (27). — С. 48–55.

Мудрак О. А. Основной корпус восточноевропейской руники // Хазарский альманах. Т. 15 / глав. ред. О. Б. Бубенок. — М.: ИСл. РАН, 2017. — С. 296–416.

Перевалов С. М. Еще раз о «варварских» фразах в «Теогонии» Иоанна Цеца // Проблемы истории, филологии, культуры. — 1998. — Вып. V. — С. 116–122.

Савенко С. Н. Характеристика социального развития аланского общества Северного Кавказа по материалам

катакомбных могильников X–XII вв. н.э. — Пятигорск; Казань: Изд. дом «Казанская недвижимость», 2017. — 384 с.

Серио П. Языкознание ресентимента в Восточной Европе // Политическая лингвистика. — 2012. — № 3 (41). — С. 186–199.

Схаляхо Р. А. и др. Тюрки Кавказа: сравнительный анализ генофондов по данным о Y-хромосоме // Вестник Московского университета. Серия XXIII «Антропология». — 2013. — № 2. — С. 34–48.

Теучеж И. З. Генофонд адыго-абхазских народов, грузин и армян по данным о полиморфизме Y-хромосомы и фамилий: автореф. ... дис. канд. биол. наук. — М., 2013. — 24 с.

Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. — М.: Наука, 2003. — 544 с.

Туаллагов А. А. Зеленчукская надпись. — Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. — 430 с.

Федотов В. В. Типология историко-географических характеристик сарматов и аланов в античных источниках // Материальная культура Востока. Часть I. — М.: Наука, 1988. — С. 54–68.

Фризен С. Ю., Кадзаева З. П. Краниологические материалы аланской культуры эпохи раннего средневековья из Садонского могильника (Республика Северная Осетия — Алания) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». — 2016. — Т. 16. — С. 125–139.

Хуснутдинова Э. К. Этногеномика и генетическая история народов Восточной Европы // Вестник Российской Академии наук. — 2003. — Том 73. — № 7. — С. 614–621.

Шнирельман В. А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. — М.: Новое литературное обозрение, 2006. — 696 с.

Щербак А. М. Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности тюрков, границы ее распространения и особенности использования. — СПб.: Наука, 2001. — 148 с.

Balanovsky O. et al. Parallel evolution of genes and languages in the Caucasus region // *Molecular Biology and Evolution*. — 2011. — Vol. 28 (10). — P. 2905–2920.

de Barros Damgaard P. et al. 137 ancient human genomes from across the Eurasian steppes // *Nature*. — 2018. — Vol. 557. — P. 369–374.

Hosszú G. Heritage of Scribes: The Relation of Rovas Scripts to Eurasian Writing Systems. — Budapest, 2013.

Mathieson I. et al. Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians // *Nature*. — 2015. — Vol. 528. — P. 499–503.

Wang Ch.-Ch. et al. The genetic prehistory of the Greater Caucasus // *Nature Communications*. — 2019. — Vol. 10: 590. — doi: <https://doi.org/10.1038/s41467-018-08220-8>.

Содержание

Предисловие научного редактора	3
Введение.....	8
<i>Глава 1. Северокавказские аланы и их историческая судьба</i>	<i>14</i>
<i>Глава 2. Аланы по данным лингвистики, палеоантропологии и археологии</i>	<i>35</i>
1. Данные лингвистики	36
2. Антропология алан и современных кавказских народов.....	48
3. Аланская археологическая культура.....	54
4. Появление алан в Кисловодской котловине и ее заселение.....	62
<i>Глава 3. Данные «Армянской географии» VII в. об аланских племенах на Северном Кавказе.....</i>	<i>76</i>
<i>Глава 4. Аланские катакомбные могильники и расселение алан на Северном Кавказе в I тыс. н. э.</i>	<i>93</i>
<i>Глава 5. Данные палеогенетики о носителях аланской культуры Северного Кавказа.....</i>	<i>112</i>
Заключение	137
Краткий словарь используемых терминов	143
Литература	147

Научное издание

Дмитрий Сергеевич Коробов

АЛАНЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА:
ЭТНОС, АРХЕОЛОГИЯ, ПАЛЕОГЕНЕТИКА

Корректор *М. А. Иванова*
Оригинал-макет *А. А. Крыласов*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 29.11.2019. Формат 60×84/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 9,07. Тираж 300 экз. Заказ № 1824

Издательство «Нестор-История»
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

По вопросам приобретения книг
издательства «Нестор-История»
звоните по тел. +7 960 243 32 82

Рис. 1. Городище Зилги в Северной Осетии. Вид из космоса

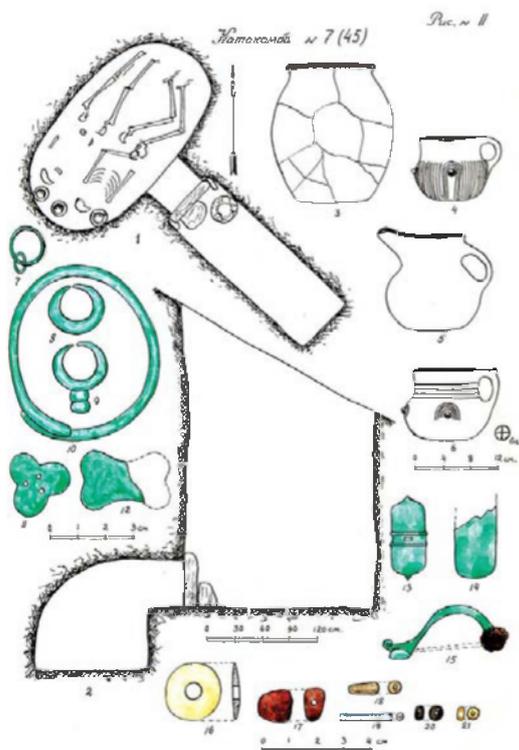

Рис. 2. Аланская катакомба могильника Мокрая Балка 1 близ Кисловодска (из отчета А. П. Рунича 1970 г.)

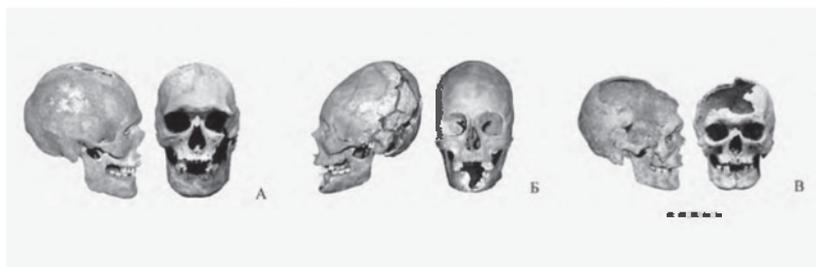
Рис. 3. Стены Хумаринской крепости в Каргачево-Черкесии. Фото автора 2010 г.

*Рис. 4. Средний храм Архызского городища (сверху)
и Сентинский храм (снизу) в Карачаево-Черкесии.
Фото автора 2004 и 2018 гг.*

*Рис. 5. Городище Рим-Гора в Карачаево-Черкесии — лестница (слева) и водосборные цистерны (справа), вырубленные в скале.
Фото автора 2012–2013 гг.*

*Рис. 6. Краниологические материалы из Левоподкумского 1 могильника:
А — Курган 1, скелет 1. Череп мужчины; Б — Курган 1, скелет 2. Череп женщины; В — Погребение I/2. Череп мужчины (фото Н. Я. Березина, компьютерная обработка О. И. Фризен, 2014 г.; по: (Березина, Фризен, Коробов, 2014. Рис. 1)*

Рис. 7. Находки из кургана 1 (1, 3, 5–7), 2 (4) и погребения I/2 (2, 8) Левоподкумского 1 могильника: 1–2, 5 – фибулы, 3–4 – 14-гранные бусины; 6 – накладка; 7 – кольцо с зажимом; 8 – бусина.
1, 2, 7 – бронза; 3–4 – золото; 5 – золото, стекло, сердолик;
6 – серебро; 8 – стекло

Рис. 8. Находки из кургана 11 могильника Волчьих Ворота:
 1 – фрагменты полый сферической бусины; 2, 3 – пряжки;
 4–6 – наконечники ремней; 7–8 – наконечники-подвески ремней;
 9–10 – наконечники стрел; 11 – навершие рукояти меча или
 кинжала; 12 – бусина; 13–15 – фрагменты гребня.
 1, 2, 11 – золото; 3 – бронза; 4–6 – серебро; 7–8 – серебро,
 железо; 9–10 – кость; 12 – горный хрусталь (?);
 13–15 – кость, бронза

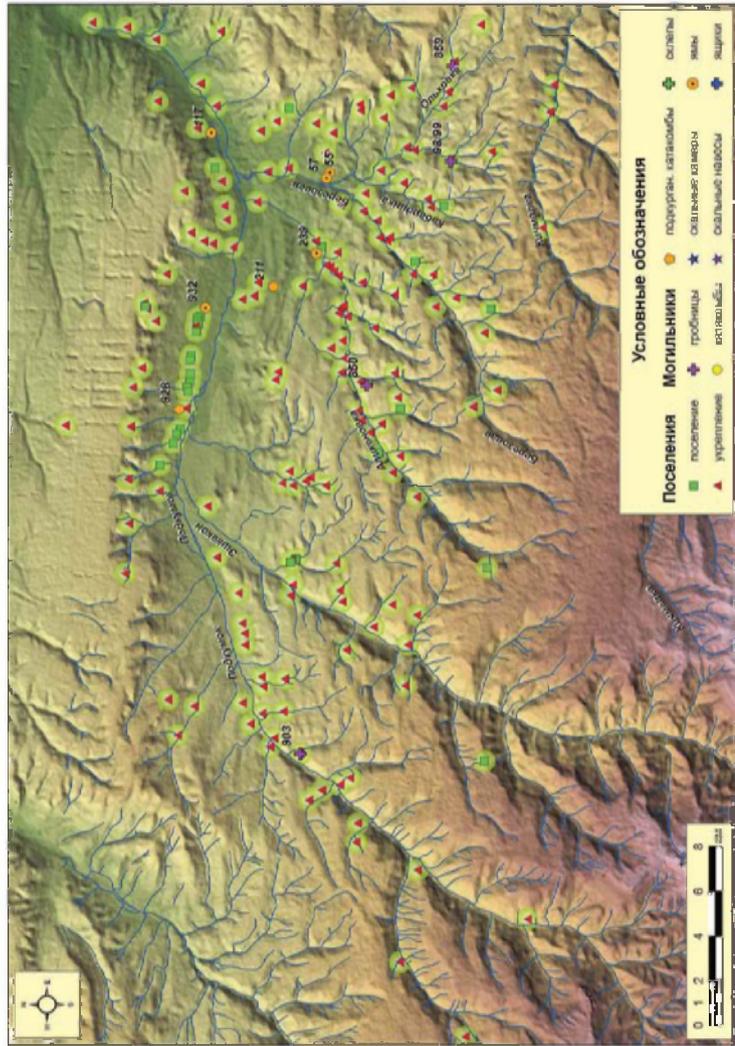

Рис. 9. Соотношение поселений Кисловодской котловины I тыс. н. э. и могильников I–III вв., попадающих в буферную зону в 500 м вокруг поселений

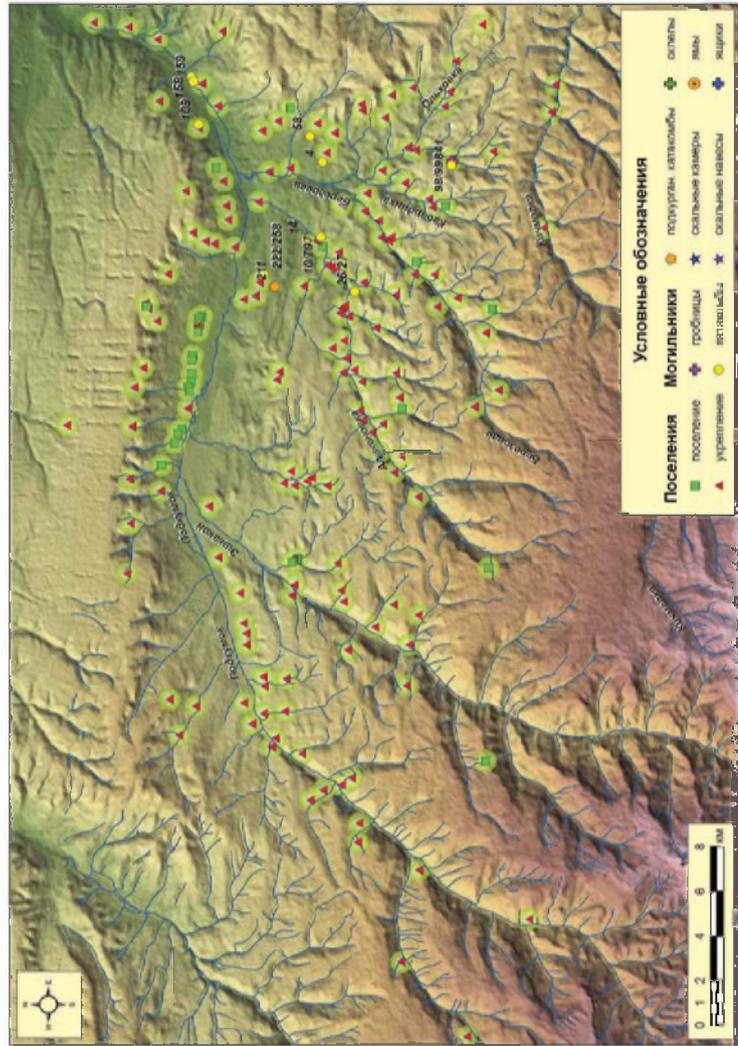

Рис. 10. Могильники с захоронениями III в. н. э. в Кисловодской котловине и их соотношение с поселениями I тыс. н. э.

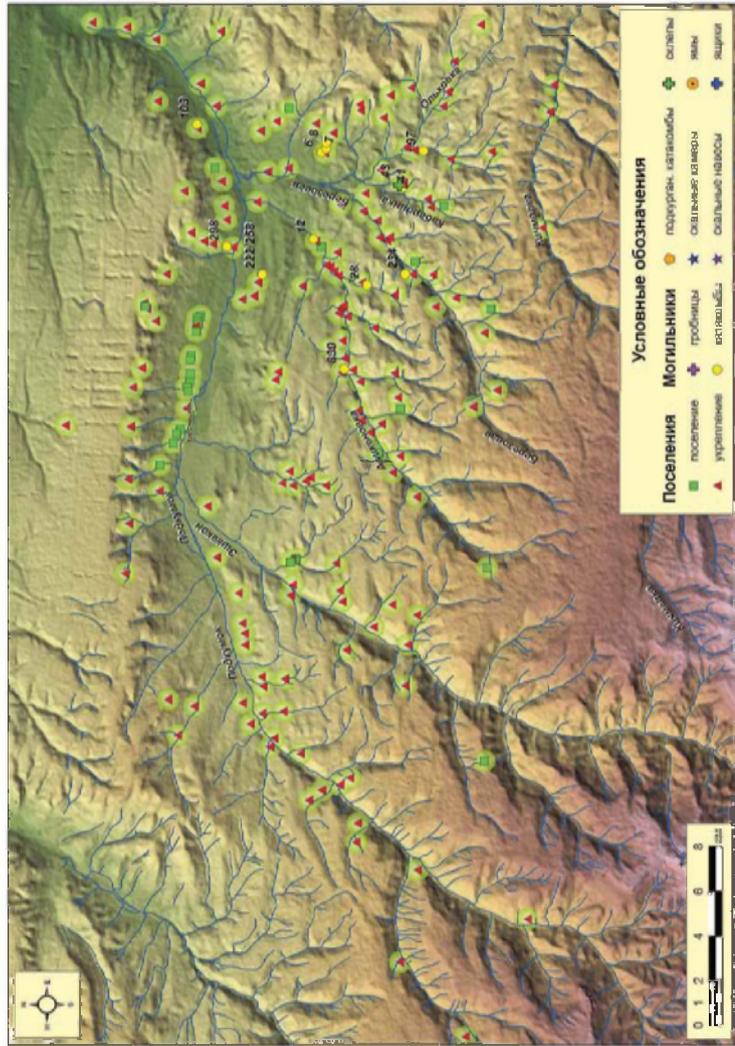

Рис. 13. Могильники с захоронениями VI в. н. э. в Кисловодской котловине и их соотношение с поселениями I тыс. н. э.

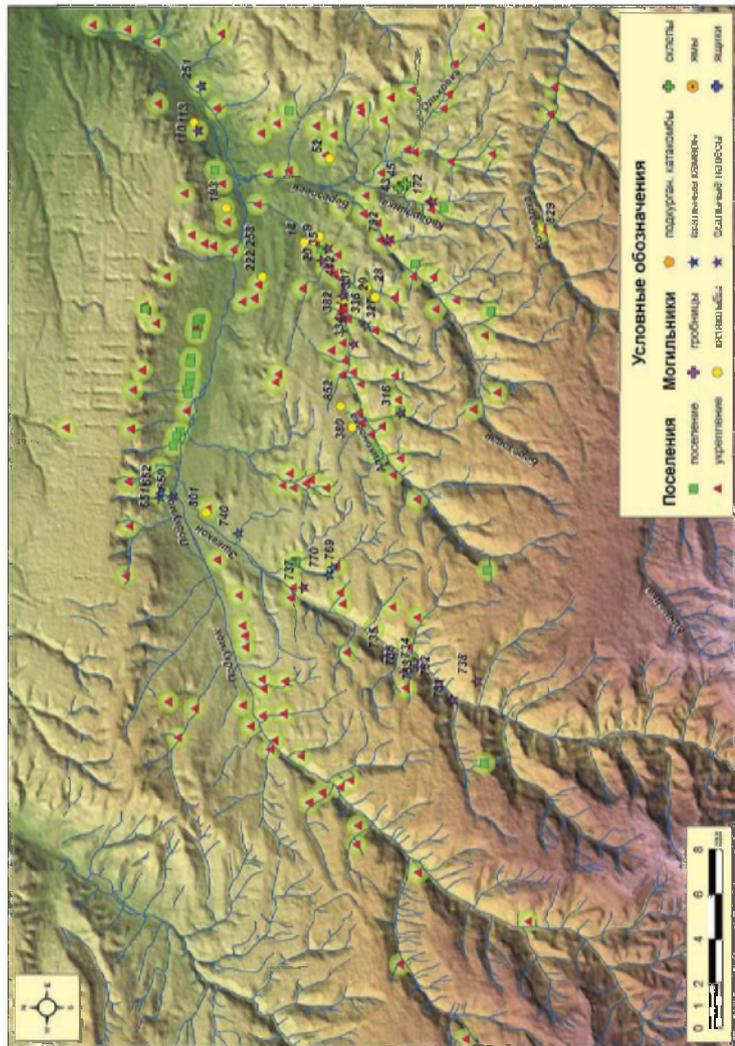

Рис. 15. Могильники с захоронениями первой половины VIII в. н. э. в Кисловодской котловине и их соотношение с поселениями I тыс. н. э.

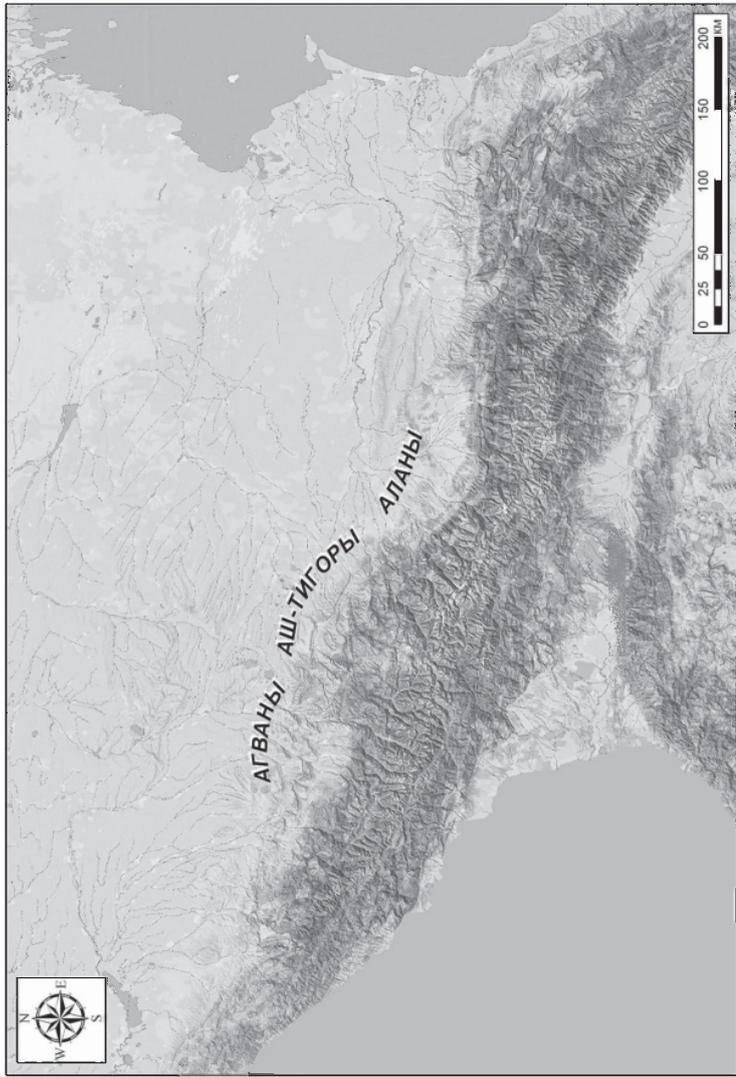

Рис. 16. Размещение аланских племен по данным «Армянской географии VII в.»
в интерпретации В. Ф. Миллера

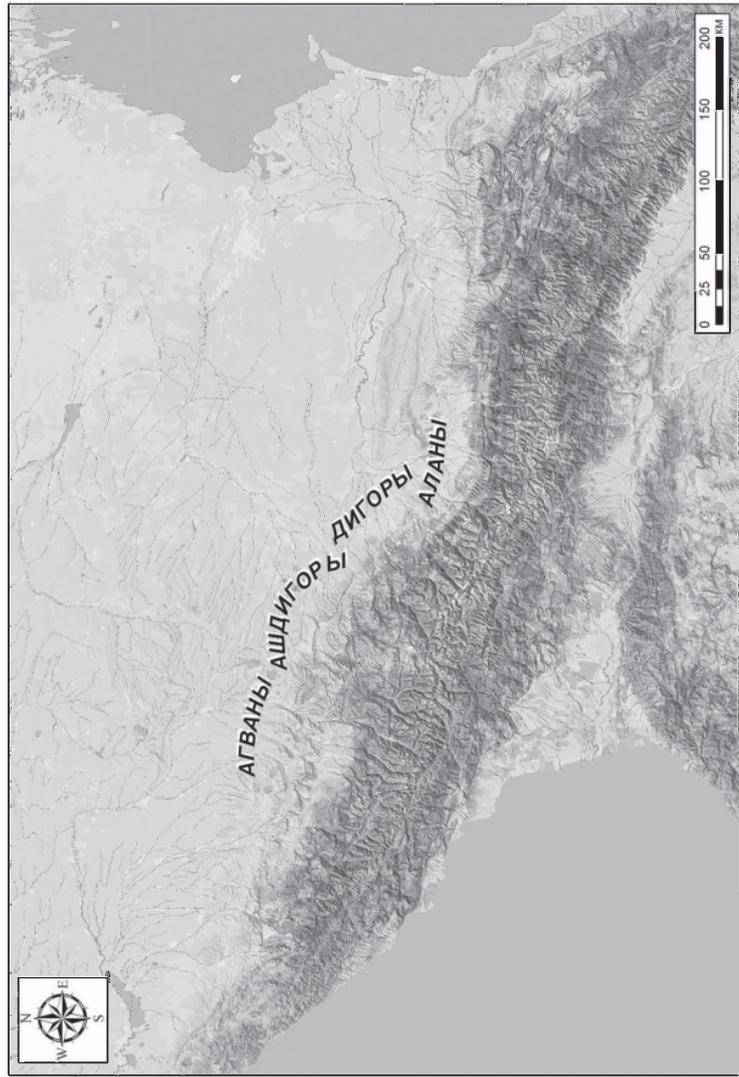

Рис. 17. Размещение аланских племен по данным «Армянской географии VII в.»
в интерпретации В. Б. Деотик (Ковалевской)

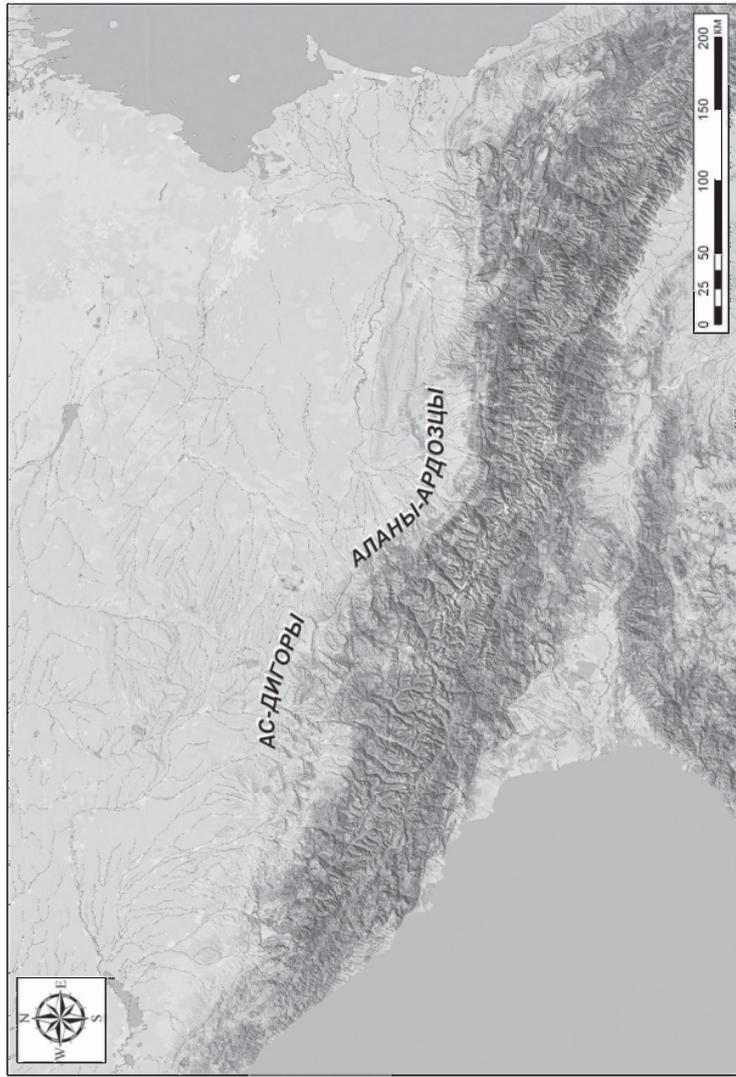

Рис. 18. Размещение аланских племенных союзов по данным письменных источников в интерпретации В. А. Кузнецова

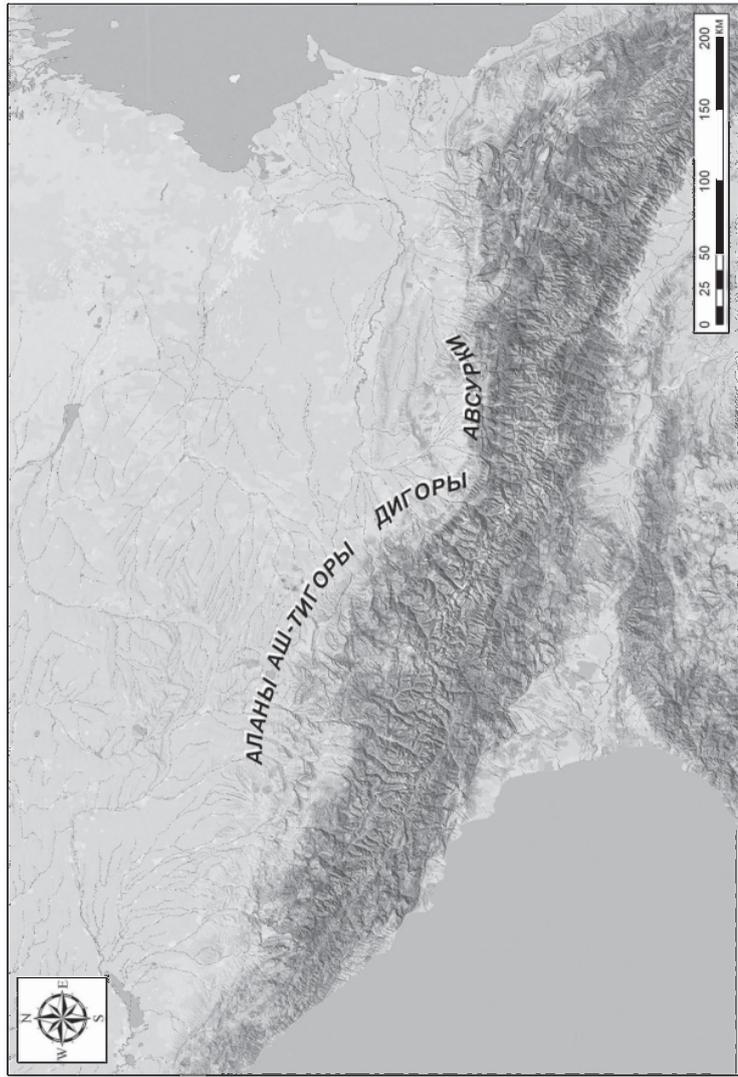

Рис. 19. Размещение аланских племен по данным «Армянской географии VII в.»
в интерпретации К. Цукермана

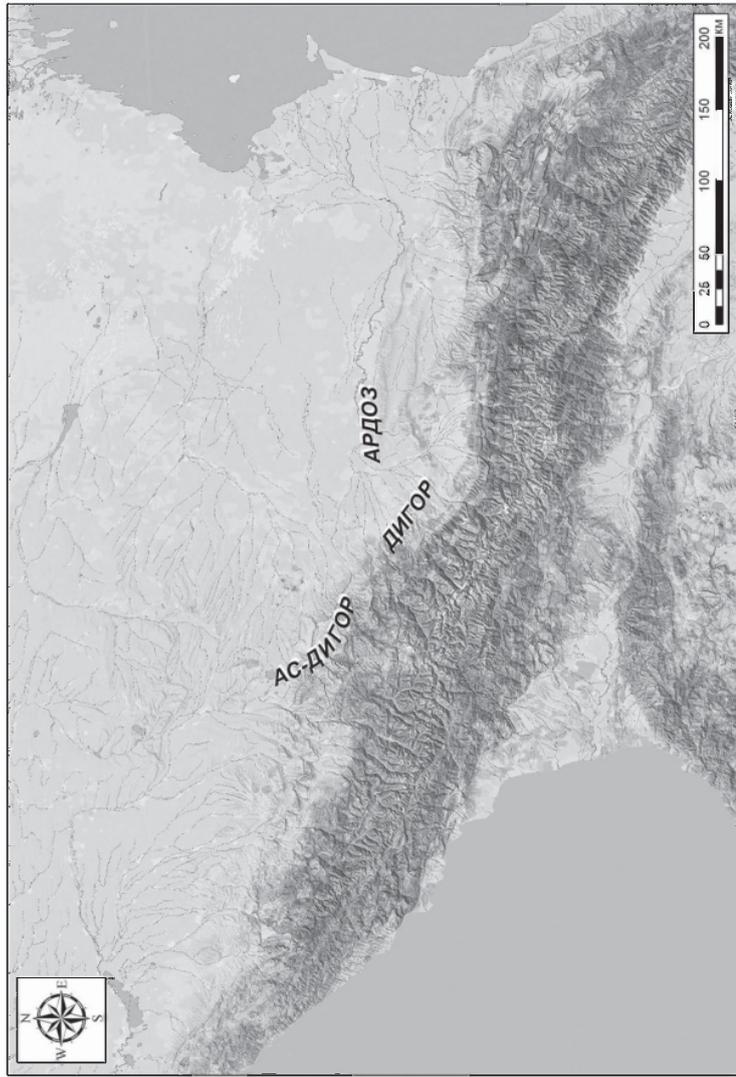

Рис. 20. Размещение аланских племен по данным «Армянской географии VII в.»
в интерпретации Г. Д. Гумбы

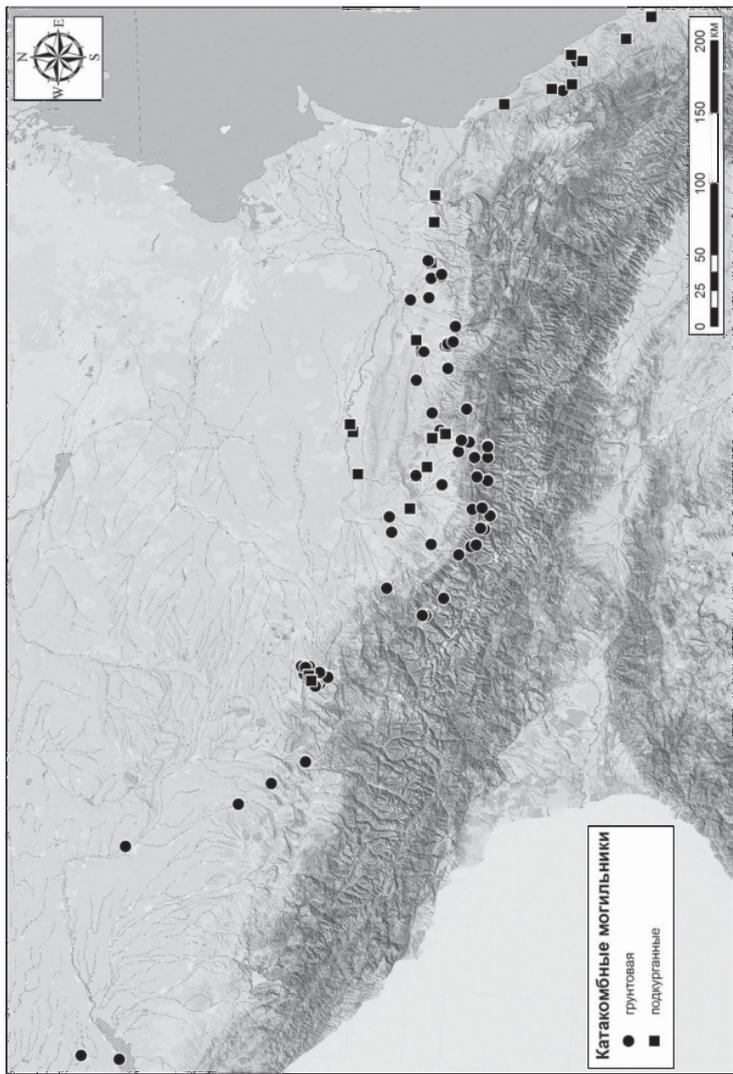

Рис. 21. Катакомбные могильники Северного Кавказа I тыс. н. э.

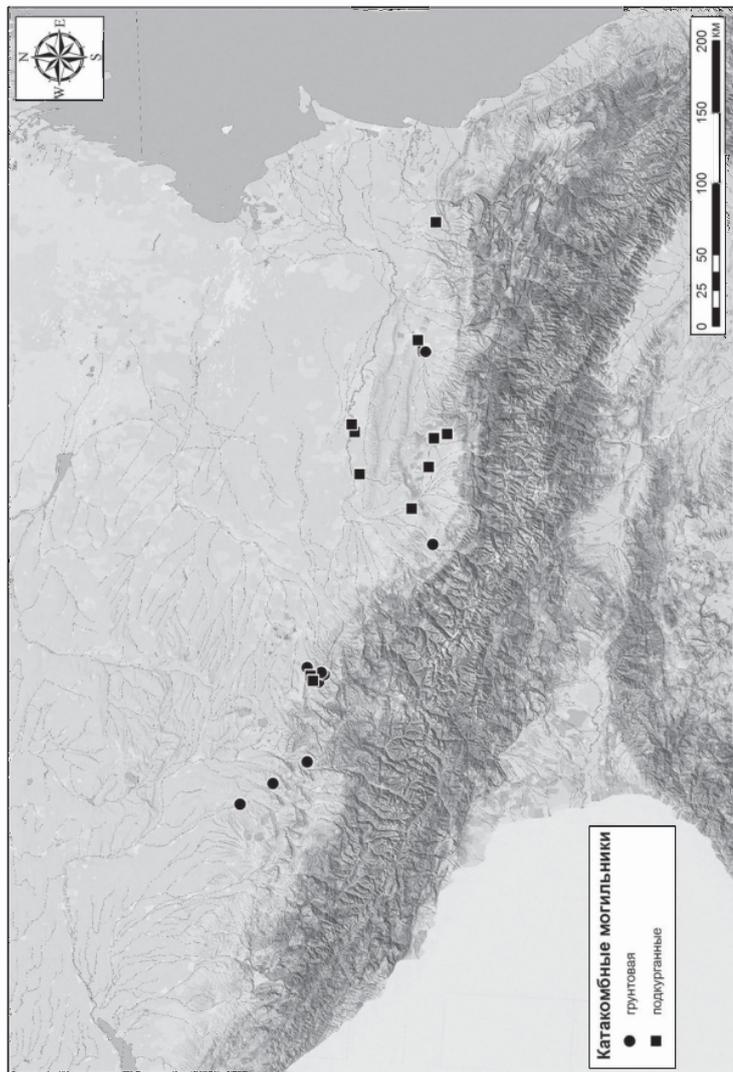
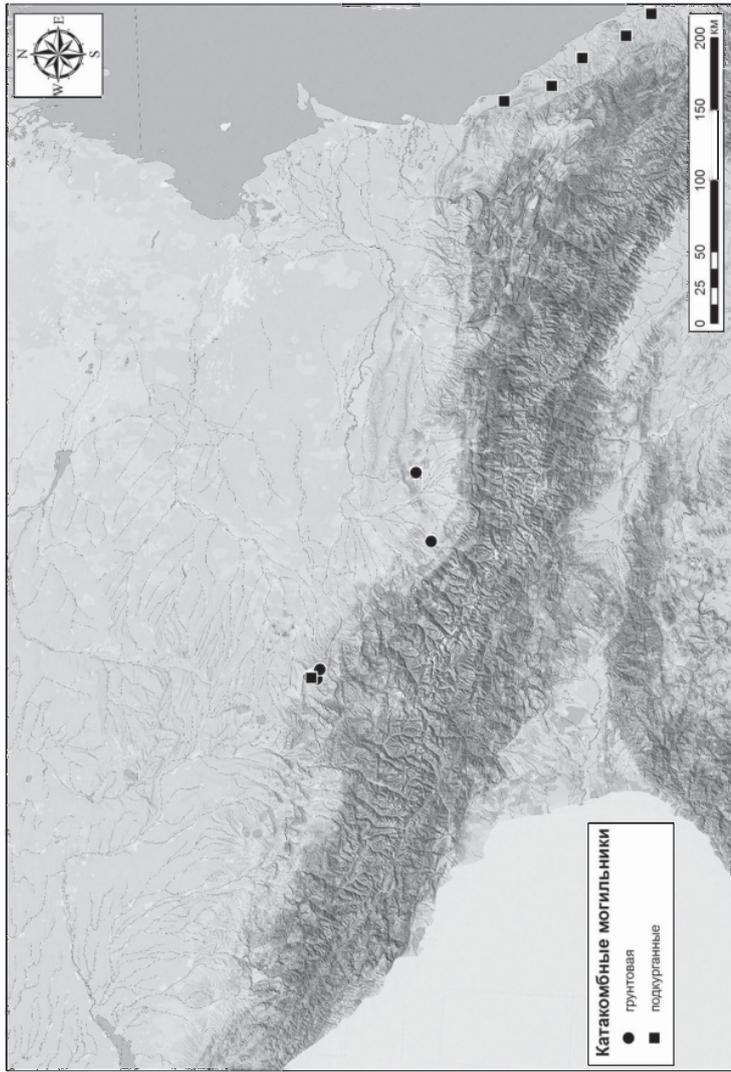

Рис. 22. Катакомбные могильники Северного Кавказа второй половины II — конца IV в. н. э.

*Рис. 23. Катакомбные могильники Северного Кавказа
конца IV — первой половины V в. н. э.*

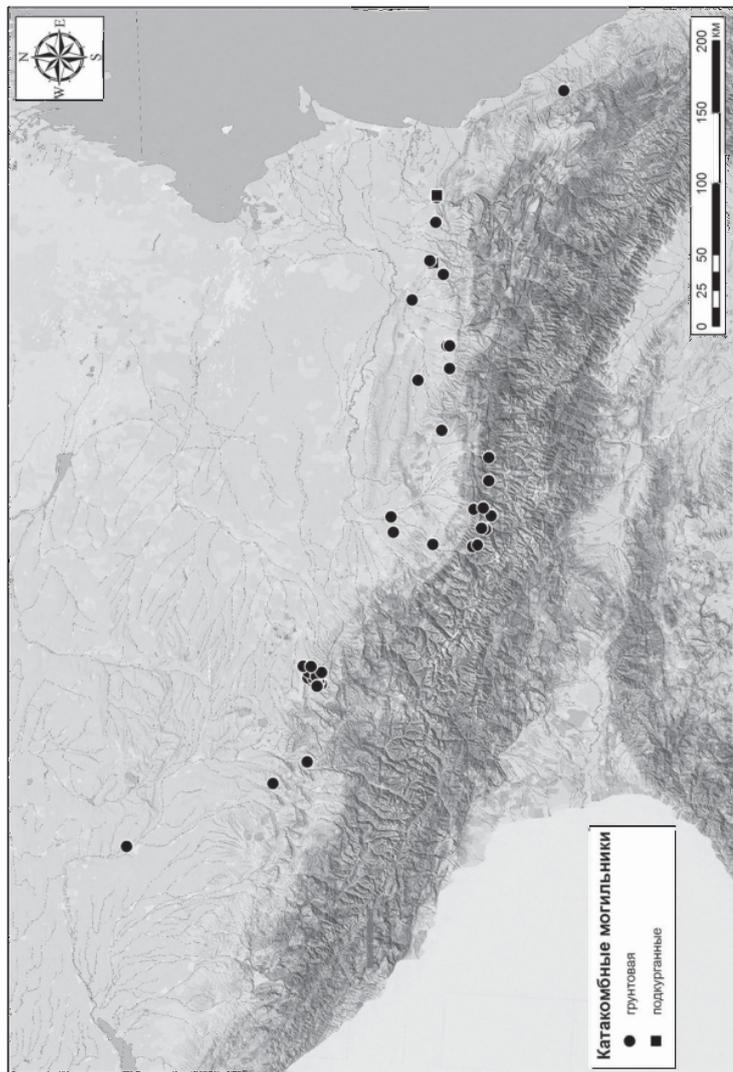

Рис. 24. Катакомбные могильники Северного Кавказа второй половины V — первой половины VIII в. н. э.

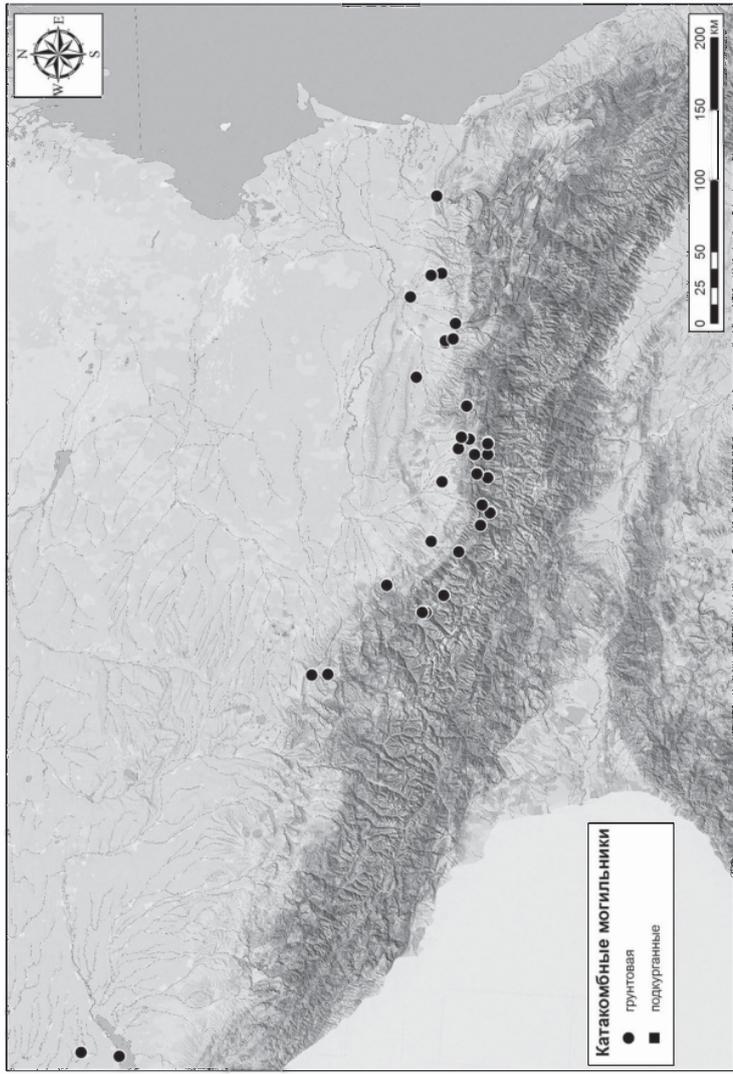

Рис. 25. Катакомбные могильники Северного Кавказа второй половины VIII — конца IX в. н. э.

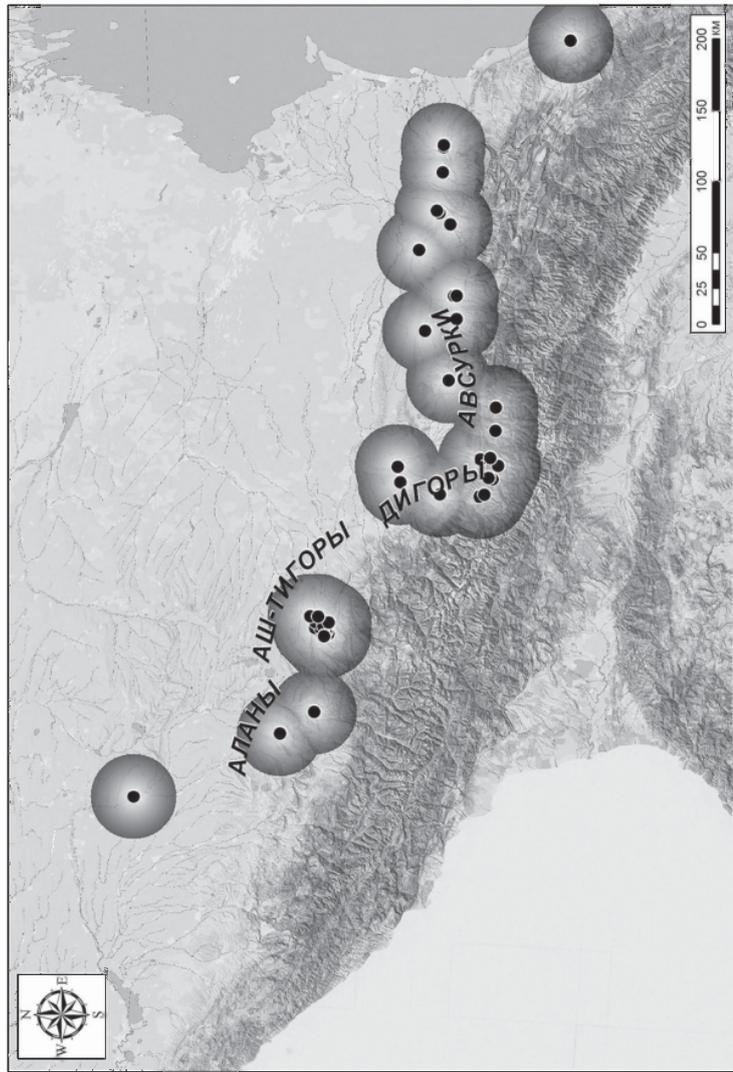

Рис. 26. Сопоставление ареала катакомбных могильников второй половины V — первой половины VIII в. н. э. с расселением аланских племен по К. Цуркерману